

**ПУТЬ В НАУКУ:
ПОИСК,
ТВОРЧЕСТВО,
ОДЕРЖИМОСТЬ**

№ 9 МАЙ 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕНА

РАБОЧИЕ АТТЕСТАТЫ

Бригада... В былые времена это слово прежде всего относилось к боевому армейскому соединению, в нем виделись стремительно несущаяся конница, блеск сабель, слышался гул танков, совершающих маневр...

Теперь это слово переместилось в наш мир труда, обозначая одно из коренных понятий рабочей жизни. На заводах и шахтах, на стройках и в колхозах,

на фабриках и буровых вышках — повсюду, где идет созидание, где народ создает главные ценности, основную производственную ячейку, объединяющую людей в трудовые коллективы, нарекли горячим и емким словом «бригада».

Бригада — это начало и расцвет рабочего мастерства, это социалистическое соревнование, это кодекс рабочей чести.

Бригада — это содружество людей-профессионалов, способное рождать чудеса трудовой доблести и подвига.

Здесь куется надежный и привлекательный характер человека — труженика и творца.

В нашей стране сотни тысяч комсомольско-молодежных коллективов, несущих трудовую вахту на решающих участках производства.

Это боевые и сплоченные коллективы.

В канун XXV съезда КПСС за «круглым столом» «Смены» собрались молодые бригадиры, некоторых из этих подразделений и обсудили ряд жизненно важных проблем.

Участники «круглого стола» (см. «Смена» № 3, 1976 г.) обратились к комсомольцам и молодежи с призывом работать в десятой пятилетке еще качественней и эффективней.

В эти дни, когда вся общественно-политическая и трудовая жизнь страны озарена идеями XXV съезда

Коммунистической партии Советского Союза, мы продолжаем разговор о буднях рабочих комсомольско-молодежных коллективов.

РЕШЕНИЯ XXV СЪЕЗДА КПСС ВЫПОЛНИМ!

Николай ЗЛОБИН, бригадир комплексной бригады СУ-111 управления «Зеленоградстрой», делегат XXV съезда КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда.

Летом прошлого года мне довелось побывать на трассе Байкало-Амурской магистрали. Программа поездки включала в себя теоретический семинар по передовым методам строительства. Вместе с другими товарищами, приехавшими с «материка», чтобы обменяться опытом с бамовцами, мы вели разговор о бригадном подряде в работе строителей. А главное, были встречи с юношами и девушками, работающими на крупнейшей стройке страны, откровенные беседы, споры.

В послевоенные годы я тоже работал на одной из молодежныхстроек Сибири. Нам было нелегко. На БАМе, как и в начале любого большого дела, трудностей тоже хватает. И ребята справляются с ними, темпы работ — на зависть, а хотят строить еще быстрее и лучше.

В чем разница, если сравнивать нашу послевоенную стройку и БАМ? Во-первых, масштабы не те. И еще: если сравнивать самих строителей, на БАМе значительно выше образовательный уровень рабочих, больше простора для инициативы. Поэтому и заминок меньше, чем могло быть двадцать и десять лет назад... Опыта у многих бамовцев не хватает, но это — дело наживное. Так, например, некоторых берут к себе на стажировку передовые строительные

Фото Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА

коллективы страны. Эта мысль появилась у нас, участников поездки на БАМ, а после была подхвачена многими мастерами труда. Кстати, в нашей бригаде уже прошли стажировку замечательные парни с БАМа. Так что проблема, можно считать, частично решается. Хотя не следует думать, что этим она исчерпывается: опыта не хватает многим из руководителей самых разных звеньев на трассе гигантского строительства.

Когда я написал, что отличительной чертой молодых бамовцев является высокий образовательный уровень, то подразумевал под этим не столько наличие

тех или иных дипломов (это само по себе), сколько неутолимое желание учиться снова и снова, не останавливаясь на достигнутом, думая и о том, где и как предстоит учиться в будущем самым молодым — теперешним мальчишкам и девчонкам, малышам и тем, кому еще предстоит родиться (ведь свадьбы на БАМе — явление привычное). Вот почему рядом с промышленными объектами и жилыми зданиями обязательно строятся школы. Вот почему в городах и поселках на трассе открываются консультационные пункты институтов для студентов-заочников. Причина ясна: без

знания не может быть умения, а «полу-мастера» никогда не были в почете, особенно сейчас, когда высокое качество продукции—жесткое требование времени. Речь идет не только об академическом образовании, но и о профессиональном. О драгоценном чувстве ученичества, которое не должно покидать человека любой профессии на протяжении всей жизни: если кто-то работает лучше, надо догонять, надо у него поучиться...

Мне часто задают вопрос: «Николай Анатольевич, как работает ваша бригада?» Первое, что я стараюсь объяснить, это то, что мы работаем так же, как и все, ничего необыкновенного...

В чем же все-таки суть бригадного подряда? Она проста. Бригада заключает договор с администрацией управления на возведение объекта. Выполнив работы в срок, с хорошим качеством, коллектив получает премию из сэкономленных средств. Руководство обязуется снабжать бригаду материалами строго по графику, предоставить необходимую технику, берет на себя инженерную подготовку производства. Конечная цель хозрасчетных бригад—готовая продукция. В среднем сроки возведения домов сокращаются на одну пятую. Причем, что важно отметить, объекты сдаются в своем большинстве с оценкой «отлично» и «хорошо». Быстрее, лучше, дешевле—таков итог.

Пять лет назад, когда я подписывал первый договор на возведение жилого дома, мы даже не подозревали, что подрядный метод обретет такую силу, столько приверженцев. В 1972 году в стране насчитывалось 2 тысячи коллективов, работающих на бригадном хозрасчете, потом 9 тысяч, 16 тысяч, сейчас их число выросло почти вдвое. В будущем бригадный подряд станет нормой жизни строителей. Об этом говорится в решениях XXV съезда КПСС.

Успехи нашей бригады во многом были определены последовательностью внедрения новой формы организации производства. Девятая пятилетка выполнена досрочно, в Зеленограде построен целый микрорайон, сэкономлено немало материалов и средств. Метод постоянно совершенствуется. Теперь коллектив получает план на год. Закончив один объект, без задержек переходим на другой. Работаем по сетевым графикам. Сбереженные тысячи складываются из рублей, сэкономленных каждым человеком, в том числе и смежниками—штукатурами, малярами, электриками, сантехниками. Тут своеобразный подрядный конвейер.

Но не следует думать, что все и всегда идет гладко. Метод обнажил просчеты в планировании, снабжении, организации производства. Возникающие конфликты заставили критически оценить систему управления строительством, искать пути улучшения. Подчас мешает ведомственность, инертность некоторых специалистов. Строительный поток требует постоянного внимания: Скажем, перебазировалась бригада в другой микрорайон—обязательно нужны подготовленные дороги, коммуникации. Другая сторона—плохо, когда на объекте работает одновременно много мелких бригад, не связанных единой технологической цепочкой. Но и чрезмерно крупные коллективы (по 100 человек и больше) тоже нерациональны. Нужно заранее думать о достаточном фронте работ.

Члены нашей бригады (в ней 60 человек) имеют по две-три специальности. А вместе с нами работают сантехники, электрики, отделочники. Дома делаем и сдаем вместе. Нужно сказать, что на разных объектах работать с одними и теми же бригадами смежников выгодно. Мы так и стараемся делать. Знание

людей, находящихся рядом, на соседних участках, их забот, радостей и трудностей—все это в конечном счете сказывается на качестве продукции. И это тоже следует называть эффектом бригадного подряда. Он подтягивает все службы, все звенья.

Как я уже говорил, в стране много строительных коллективов, действующих по методу бригадного хозрасчета. Есть они и на БАМе: взять хотя бы комсомольско-молодежную бригаду Александра Никитенко, которая возводит дома в Шимановске. У нее это совсем неплохо получается.

О принципах бригадного подряда все в общем-то читали, знают, но тем не менее ждут рассказа, в котором бы открывались какие-то секреты. Более того, иногда приходится слышать, что, дескать, успех бригады Злобина понятен: у них условия особые. Да что условия, спецовки и те необыкновенные, и на фуражках специальные кокарды. Все для них...

Спецовки у нас обычные и каски без кокард, да и не в этом, конечно, дело... Ну, а если говорить о секретах, то они есть, даже не секреты, а единственный принцип, следуя которому мы и добиваемся успехов. Принцип этот—отношения, которые сложились в бригаде,—отношения настоящего рабочего товарищества, дружбы, взаимопонимания. Словом, секрет в единстве коллектива. Представим себе звено из шести человек. Трое трудятся с огнем, что называется, не покладая рук, а трое особым желанием не горят. Так вот, можно заранее сказать, что успехов тут ждать не следует, да и о бригадном подряде лучше не думать. Потому что это показатель сложившихся отношений, здесь нет той самой рабочей дружбы, от которой зависит очень многое, если не все. Нельзя отделять чисто производственную, экономическую сторону вопроса от моральной. Бригадный подряд приводит к успеху не сам по себе, не механически. Он не причина, а результат. Результат нашего долгого совместного труда, приведшего к взаимному пониманию и взаимному доверию. Формирование коллектива дело не простое, тут не один месяц может потребоваться, иногда даже не один год.

В школьные годы моих сверстников ворвалась война. Многим из нас она помешала получить образование, заставила раньше времени пойти работать. Не добрали тогда, как говорится, классов, зато прошли испытания в школе трудовой жизни, добывали знания на строительных площадках, у станков в заводских цехах, за рычагами тракторов на хлебном поле. Да, нам сразу привелось утверждать себя в деле, «аттестат зрелости» вручался за мастерство. Не все и не всегда получалось, но школу трудовой закалки мы прошли от начала до конца и цену заработанным деньгам знаем настоящую.

А сегодня мы уже сами учителя и воспитатели. На молодых смотрим с особым пристрастием, нельзя иначе, ведь они—будущее страны, а дела и сегодняшние и завтрашние—большие, сложные.

На XXV съезде КПСС много говорилось о роли молодежи в коммунистическом строительстве. Это было особенно подчеркнуто в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева: «Трудовая слава комсомола—это прочно завоеванная им позиция». Я всем сердцем разделяю эту высокую оценку и желаю молодым труженикам комсомольско-молодежных коллективов успехов в работе и жизни и верю, что Ленинский комсомол советская молодежь в новой, десятой пятилетке порадуют нас большими делами во имя счастья и процветания Родины.

НАША ОБЛОЖКА:
В ЛАБОРАТОРИИ
МОСКОВСКОГО
ИНСТИТУТА
ИНЖЕНЕРОВ
ГРАЖДАНСКОЙ
АВИАЦИИ.

Фото
Николая АКРИТОВА и
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ.

- 1 КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНАЯ БРИГАДА. Николай ЗЛОБИН, делегат XXV съезда КПСС, Герой Социалистического Труда. «РАБОЧИЕ АТТЕСТАТЫ».
- 2 УРОКИ ЖИЗНИ. Диалог первого секретаря Старо-Оскольского горкома КПСС Валентина ЦЫЦУГИНА и машиниста экскаватора Петра ШЕВЦОВА.
- 4 «КОРНЕЕВЦЫ». Фотоочерк Светланы ПОДОРВАНОВОЙ и Альберта ЛЕХМУСА.
- 8 НОВОЕ ИМЯ. Стихи Татьяны СМЕРТИНОЙ.
- 9 Рассказ Юнуса ЧУЯКО «ВЕРНИСЬ, ТИТУ, ВЕРНИ-ИСЬ...».
- 12 НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЕЖИ. «ВЫВОЖУ В РЕЖИМ». Фотоочерк Николая АКРИТОВА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 16 Михаил РОГОВ. «ПИСЬМА СЫНУ».
- 18 Повесть Анатолия ЖАРЕНОВА «ФАМИЛЬНАЯ РЕЛИКВИЯ».
- 20 ЖЕМЧУЖИНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ. «ЛАЗЕРЕВЫЙ ОТБЛЕСК БЫЛОГО».
- 25 ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ. Юрий НАГИБИН. «ПОЖАРНЫЙ ПОСТЕВОЙ».

Главный редактор А. А. Лиханов
РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев (ответственный секретарь), Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, В. А. Саюшев, Г. В. Семенов, А. П. Середа, А. Б. Стуков (главный художник), Д. Н. Филиппов.

Художник О. С. Теслер. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

ПАРТИЙНОЕ

«...Каждый коммунист должен быть высокоидейным, активным бойцом партии, правофланговым в шеренге строителей коммунизма».

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на XXV съезде КПСС.

В. ЦЫГУГИН. Недавно мне секретарь горкома комсомола рассказывал, что большая группа молодых рабочих нашего города за успехи в труде и активное участие в общественной жизни награждена знаками ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки». Не скрою, Петр, мне было особенно приятно в числе награжденных услышать и твою фамилию. Вот и решил пригласить тебя к себе, поздравить с этой наградой, ну, и посмотреть, какой ты стал молодец... Ведь мы с тобой, кажется, знакомы-то уже много лет.

П. ШЕВЦОВ. Спасибо вам, Валентин Николаевич, за эти поздравления. Я, когда шел сюда, в горком партии, вспомнил, что семь лет назад вы мне вручали карточку кандидата в члены КПСС. Вот тогда и состоялось наше знакомство. Только было это еще в старом здании, там, где сейчас находится горком комсомола.

В. ЦЫГУГИН. Да-да, правильно, вспоминаю такой момент. А может, я тебе и комсомольский билет вручал? Я ведь здесь, в Старом Осколе, с 1954 по 1957 год и секретарем райкома комсомола работал...

П. ШЕВЦОВ. Нет, я тогда еще октябренок был — родился в 1949 году.

В. ЦЫГУГИН. Я почему тебя об этом спрашиваю? Потому что у нас в городе есть много людей, перед которыми мне довелось дважды выполнять почетную миссию: сначала вручать им комсомольский, а позже и партийный билет.

П. ШЕВЦОВ. Так и мне вы дважды вручали билет: я хорошо помню, как три года назад вы поздравляли меня с получением партийного билета нового образца.

В. ЦЫГУГИН. Вот видишь, встречались мы с тобой не так часто, но зато каждый раз это было в связи с большим событием в твоей жизни. Так что же у тебя произошло значительного за эти годы, может, расскажешь, мне интересно будет послушать.

П. ШЕВЦОВ. После того, как вы мне вручили кандидатскую карточку, я уехал на Урал учиться на техника-топографа. Окончил техникум и как молодой специалист был направлен на Дальний Восток. Работал там в геологоразведочной партии. Но хоть и хороший край дальневосточный, а стало меня тянуть сюда. Здесь я родился, вырос, здесь у меня мать оставалась. Отработал положенный срок и вернулся, устроился на Стойленский рудник. В то время чешские специалисты монтировали в карьере новую мощную машину — роторный шагающий экскаватор, единственный такого типа в стране. Работали разные курсы, я и пошел учиться на электрослесаря. Получил специальность, стал работать на конвейерах. Бывало, отлажу их, а сам к ребятам на экскаватор: честно говоря, завидовал им: интересная работа, сложнейшая машина. Захотелось самому научиться управлять ею. Пошел к руководству комплекса, а мне говорят: «Ты же знаешь, как сейчас с кадрами. Уйдешь ты с конвейера, а кто их обслуживать будет? Вот подготовишь себе замену, как в армии, тогда отпустим».

В. ЦЫГУГИН. Ну что ж, по-моему, правильный подход к делу...

П. ШЕВЦОВ. А я и не возражал против этого. Взял к себе в ученики одного парнишку — Ивана Самсонова, стал как бы наставником его. Поучился он у меня три месяца, сдал экзамены, я и передал ему свое конвейерное хозяйство. Он и сейчас работает там старшим дежурным электрослесарем. Ну, а меня, как и уговаривались, послали на экскаватор учиться. И вот я уже третий год на нем. Сначала был помощником машиниста, а в прошлом году сдал экзамены, получил права и теперь работаю сменным машинистом.

В. ЦЫГУГИН. В общем, все в твоей трудовой биографии складывается удачно. И я рад за тебя. Но меня сегодня

Уроки жизни

Машинист экскаватора, группкомсорг смены, кавалер знака ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки» Петр ШЕВЦОВ.

Первый секретарь Старо-Оскольского горкома КПСС Валентин ЦЫГУГИН.

больше интересует не то, как ты сам лично трудишься — с этим, я вижу, у тебя все в порядке: недаром же награжден знаком «Молодой гвардеец пятилетки», — а то, как ты, молодой коммунист, выполняешь свое партийное поручение — работу в комсомоле, какой пример подаешь товарищам — комсомольцам и беспартийным и как ты, группкомсорг, направляешь комсомольскую жизнь своего коллектива. Сколько у вас на комплексе сейчас комсомольцев?

П. ШЕВЦОВ. Когда меня только избрали группкомсоргом, было 30. А так как нас все время укрупняют — теперь мы называемся уже цехом роторных комплексов, — то и комсомольская организация выросла до 70 человек. Да и в целом у нас на руднике коллектив, можно сказать, молодежный. Взять хоть наш экскаватор. Нас 6 человек — четверо комсомольцев и двое пожилых рабочих: один с Урала, другой из-под Ленинграда. Это кадровые горняки с большим производственным и жизненным опытом.

В. ЦЫГУГИН. Вместе опыт и молодость.

П. ШЕВЦОВ. Конечно. Не зря же нас называют экипаж. Не бригада, не группа, а именно экипаж.

В. ЦЫГУГИН. Как на флоте...

П. ШЕВЦОВ. Так это и пошло от бывшего флотского старшины Василия Ефремовича Киреева — он у нас на экскаваторе работал электромехаником, а сейчас секретарь партийного бюро цеха. Каждый из членов нашего экипажа знает о другом все-все: чем он живет, что у него за семья, даже жены наши знакомы друг с другом.

В. ЦЫГУГИН. Сейчас о КМА и, в частности, о нашем городе, много говорят в центральной печати, по радио и по телевидению. Вызван такой интерес тем, что здесь, в этих краях, где мы с тобой живем, на базе рудных месторождений КМА в десятой пятилетке должен войти в строй Оскольский электрометаллургический комбинат, объявленный Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Я недавно был на совещании «Главруды» в Железногорске. Там были многие директора заводов, обогатительных фабрик, представители главка. Знаешь, о чем все говорили в один голос? О том, что горячей точки, чем КМА, у рудерей сегодня нет. Все, что есть у черной металлургии для освоения, практически отдано сюда. Ни одно из ныне действующих месторождений не может идти в сравнение с КМА, даже такое большое, как Соколовско-Сарбайское. Вот я и хочу спросить тебя: есть ли у

вас в коллективе чувство гордости за то, что вы трудитесь на КМА, то есть на переднем крае черной металлургии?

П. ШЕВЦОВ. Я вам рассказывал, что к нам сейчас едут, не говоря уже о молодых, кадровые рабочие даже с Урала, где проработали по 15—20 лет. Для нас, молодежи, сам этот факт имеет колоссальное значение. Ведь мы смотрим на ветеранов, учимся у них, прислушиваемся к их мнению и, конечно, гордимся тем, что тоже работаем здесь.

В. ЦЫГУГИН. Мне думается, что именно этот прекрасный сам по себе факт — гордость за стройку, за свою профессию — должен быть отправным во всей твоей партийной и комсомольской работе. А она очень и очень ответственна. Молодой коммунист, работающий в комсомоле, — это полпред партии, он должен нести ее идеи в комсомольскую массу, использовать накопленный партией опыт для повышения активности молодежи. Для этого ему надо не просто знать принципы партийного руководства Ленинским комсомолом, но и уметь применять эти принципы в повседневной своей работе и жизни. Ну, и нельзя никогда забывать, что имеешь дело с конкретными людьми, постоянно с ними общаешься. Значит, должен знать и понимать их, уметь убеждать. Как ты считаешь, все ли у тебя в этом вопросе получается?

П. ШЕВЦОВ. Если честно, не все и не всегда. Вот я рассказывал вам о своем бывшем ученике Ване Самсонове. Парень он не особенно разговорчивый, но работает так, как не работают подчас те, кто хорошо на собраниях выступает. Мне недавно его начальник смены сказал: «Спасибо тебе, Петр, замену себе оставил хорошую. Для цеховой Доски почета твоего подопечного сфотографировали». Ну, думаю, надо его немного расшевелить: предложил маленькое поручение. Он ни в какую: лучше я, говорит, смену отработаю лишнюю, только не это. Так пока и не могу подступиться к нему.

В. ЦЫГУГИН. А ты бы напомнил ему «Как закалялась сталь» Н. Островского. Корчагин ведь тоже в какой-то момент отказывался от комсомольской работы. Но слова Антона Токарева, секретаря партийкеи строительства узкоколейки: «Кто это видел, чтобы сбoku припека можно было что-нибудь путное сделать!» — встряхнули Паавку, да еще как встряхнули, ты же знаешь! Так что, как видишь, группкомсorgh не грех иногда своих комсомольцев и примерами из классической литературы убеждать.

ПОРУЧЕНИЕ

П. ШЕВЦОВ. Спасибо вам за совет. Я, честно говоря, этот факт из жизни Павки Корчагина и сам подзабыл...

В. ЦЫГУГИН. Очень тебе советую, почитай еще раз «Как закалялась сталь», много полезного и важного найдешь для себя, для своей работы группкомсорга.

Вот мы с тобой заговорили об отношении к общественной работе. А знаешь, иногда приходится встречаться и с такими фактами: принимают товарища в члены партии и говорят ему: мол, ты продолжай по-прежнему работать в комсомоле, но теперь, естественно, с большей энергией и ответственностью. А вот он воспринимает такое предложение неправильно, считая, что вроде это уже работа не для него, ведь он вышел из комсомола, а значит, и комсомольцы ему уже не ровня.

П. ШЕВЦОВ. У меня, честно признаюсь, тоже первое время такое чувство было. А потом подумал: ведь возраста-то я еще комсомольского, да и кто, как не комсомол, рекомендацию мне в партию давал? Значит, надеялись на меня, верили, что буду работать так же активно. Еще и скажут: что же ты, дорогой товарищ, мы тебе рекомендацию давали, а ты как стал членом партии, так и стеной от комсомола отгородился? Поэтому я так считаю: молодым коммунистам надо проявлять себя именно на комсомольской работе.

В. ЦЫГУГИН. Совершенно с тобой согласен. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии говорилось: «Стоило бы взять за правило, чтобы члены ВЛКСМ, принятые в партию, продолжали активно работать в комсомоле, пока не получат другого поручения партийной организации». Такая постановка вопроса продиктована заботой партии об усилении партийного ядра в комсомоле, что, естественно, не может не повысить эффективность всей комсомольской работы.

Я часто вспоминаю свои комсомольские годы. Партийный стаж мой исчисляется с 1954 года, и мое вступление в партию было самым непосредственным образом связано с комсомольской работой. Между прочим, многие руководители предприятий в нашем городе — это бывшие комсомольские работники. Например, директор комбината, на котором ты работаешь, А. И. Чураков начинал, как и ты, с секретаря комсомольской организации цеха на шахте имени Губкина. А. М. Мамонов, директор завода АТЭ, главный инженер этого завода А. С. Сасунов тоже были секретарями первичных комсомольских организаций. Они никогда не замыкались в сфере своих узкопрофессиональных интересов, а жили богатой, разнообразной общественной жизнью. Вот так и у меня

получилось. Я юрист по образованию. Социологи утверждают, что профессии врача, педагога прекрасно укладываются в рамки общественной деятельности. О юристах и говорить не приходится! Так вот, комсомол очень хорошо использовал мои частые поездки по району и постоянно давал комсомольские поручения: здесь лекцию прочитать, там беседу провести. Я всегда с удовольствием их выполнял. Когда меня пригласили в райком партии получать партийный билет, первый секретарь райкома Петр Федорович Федосов, поздравляя, спросил: «Как ты посмотришь, если мы будем рекомендовать тебя на комсомольскую работу?» Ну, говорю, надо подумать хоть до утра. «Вот иди, думай, а утром у нас комсомольская конференция». Избрали меня тогда первым секретарем райкома комсомола, и стало это моим первым партийным поручением.

Мне очень нравилась моя работа. Потому что я был все время с молодежью, среди людей — активных, энергичных, общительных. Тогда еще я понял: любую работу, наверное, невозможно выполнить хорошо, если не будет, как ты говорил, экипажа. А в комсомольском общении чувство экипажа особенно много значит.

П. ШЕВЦОВ. Следовательно, навыки, опыт, приобретенные вами в комсомоле, оказались полезными и в вашей партийной работе?

В. ЦЫГУГИН. Я в этом глубоко убежден. Без школы комсомольской работы просто невозможно приступать к партийной работе. Это подтверждает опыт многих. И еще один очень важный момент: в комсомоле легче учиться. Можно где-то и ошибиться, тебя поправят, подскажут, как надо было лучше сделать. Еще В. И. Ленин писал, что молодым людям «...надо всячески помогать, относиться как можно терпеливее к их ошибкам».

П. ШЕВЦОВ. А что, на ваш взгляд, ценится в комсомольской работе больше — знания, наука или эмоции, порыв?

В. ЦЫГУГИН. Прежде всего, я считаю, увлеченность. Это качество, которое трудно воспитать в себе, если его нет от природы. Это ведь гены. Все остальное — грамотность, и знания, и квалификация — дело наживное. Увлеченность, стремление каждый день приносить как можно больше пользы людям, делу определяют стиль работы комсомольского работника, девизом которого должны стать слова — «...думать и учиться», сказанные Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым на XVII съезде ВЛКСМ.

А учиться, согласись, вам есть где, было бы только желание. При горкоме партии, например, круглогодично работает школа молодого коммуниста, на занятиях которой работники горкома информируют комсомольский актив о больших и малых проблемах области, о перспективах развития Старого Оскола. А они, как ты знаешь, грандиозные. Систематически проводим пленумы горкома по работе с молодежью. Для нас этот вопрос имеет особое значение: край наш развивающийся, перед ним большие планы, претворять которые в жизнь предстоит прежде всего молодежи.

Сейчас буквально каждый день на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку прибывают молодые энтузиасты со всех концов страны. Возможно, им придется на первых порах столкнуться с трудностями, вызванными процессом адаптации и поиском именно того поля деятельности, где они могут наиболее полно выразить себя. Задача комитетов комсомола, долг всех партийных и комсомольских работников города — сделать так, чтобы эти трудности не испугали, не отвратили их от стройки. Тем более, что трудности эти временные.

Чем еще, по-моему, полезны занятия в школе молодого коммуниста? Тем, что там вы имеете возможность коллективно обмениваться опытом работы, проявлять активность, инициативу, поднимать и решать самые разные вопросы жизни — от производственных до бытовых.

П. ШЕВЦОВ. Кстати, Валентин Николаевич, именно после одного из таких занятий мы на бюро решили создать у себя на комплексе комсомольско-молодежные смены. У нас ведь как раньше было? Ребята из одной комсомольской группы работали в разных сменах. Это здорово усложняло комсомольскую работу. Попробуй организовать собрание, когда доброй половине комсомольцев для этого надо специально приезжать на рудник из города. Получалось, что комсомольская организация была просто группой людей, каждый из которых сам по себе. Кроме того, при таком положении невозможно было по-настоящему организовать соцсоревнование. Вот мы и решили объединить всех комсомольцев и молодежь в две смены. Поначалу администрация неохотно встретила наше предложение: ведь надо было раскомплектовывать уже сработавшие смены, делать перестановки, а это всегда

тяжелый процесс. И все же мы убедили руководство комбината. А сегодня все видят: комсомольско-молодежные смены трудятся лучше, чем прежние коллективы. В прошлом году, например, три квартала комсомольские смены занимали в соцсоревновании первые места и только в четвертом квартале уступили первенство некомсомольской смене.

В. ЦЫГУГИН. Ты, конечно, Петр, знаешь, что ваш Стойленский ГОК находится в разряде особо важных объектов десятой пятилетки. Его мощность должна быть доведена до 20 миллионов тонн руды в год, тогда как до войны по всей стране добывалось 30 миллионов тонн. Любое современное производство — а ваш комбинат как раз таковым и является — резко отличается от того, что было еще десять — двадцать лет назад. Поэтому и в комсомольских делах сегодня «кавалерийским наскоком» ничего не добьешься. На таком производстве — многоплановом, разбросанном на большой площади — вести дела можно только с глубоким знанием и пониманием экономики, техники, организации труда. Возьмем хотя бы такой вопрос. В недалеком будущем вам наверняка потребуются специалисты, знающие кибернетику и электронику, социологию и психологию, свободно ориентирующиеся в новейших областях науки. Будете получать новую технику, и ею смогут управлять только люди, овладевшие новыми знаниями. Время летит быстро, и вам надо уже сегодня заботиться о том, кто и с каким багажом знаний будет работать у вас. Думаете ли вы уже об этом или нет?

П. ШЕВЦОВ. Думаем и даже кое-что предпринимаем. Работали у нас машинистами конвейера три девушки: Репина Люба — она членом нашего бюро была, Полянских Лида и Федорова Люба. Все трое — активные комсомолки. Пришли они на заседание бюро и обратились с просьбой дать им направление в Московский горный институт. Мы знали, что они усердно готовились к экзаменам, и поэтому ходатайствовали, чтобы их послали на учебу как стипендиатов комбината. А нам в дирекции говорят: нужны парни. Я в партком рудеуправления ходил, доказывал, что такая постановка вопроса неправильна. И со мной согласился. Девушки уехали в Москву, выдержали экзамены и сейчас учатся на третьем курсе. Они окончат институт и приедут сюда работать уже высококвалифицированными специалистами. И это, конечно, не единственный пример такого рода, когда комсомол сделал что-то важное для дальнейшего развития производства.

В. ЦЫГУГИН. Ну, а ты сам думаешь повышать свой политический и профессиональный уровень?

П. ШЕВЦОВ. Цель учиться и у меня есть. Век такой сейчас: знания всем нужны. На нашем экскаваторе тоже. Ведь это целый заводской цех, который надо знать не в общем, а до винтика. Я уже начинал ходить на подготовительные курсы, да то ли настрой не хватило, то ли занятость помешала. Но все же хочу свою мечту осуществить в этом году. Буду поступать в ВЗПИ, в наш филиал в Губкине, на горный факультет. Привязан я к технике, люблю ее.

В. ЦЫГУГИН. Желаю тебе поступить в институт, и хоть времени свободного совсем будет мало, но все же советую тебе и тогда совмещать три сферы деятельности: производство, учебу и общественную работу. Увидишь, если правильно организовать, по-деловому спланировать свой день, общественная работа не будет мешать, а, наоборот, будет помогать и труду и учебе. Потому что в ней ты имеешь прекрасную возможность и постоянно тренировать свой ум, и оттачивать организаторские способности, и расширять кругозор. Конечно, не надо забывать, что ты не один в коллективе. От активности одного комсорга мало пользы организации. Работать должны все комсомольцы. А комсорг — это начало. Начало всех добрых, интересных дел. От него зависят настроение, дружба в коллективе. Причем он не только должен сам иметь вкус к общественным делам и проблемам, но и должен уметь заразить ими других. Ты знаком с Иваном Пивневым с цементного завода?

П. ШЕВЦОВ. Знаю Ивана. Он слесарем работает, а недавно его избрали секретарем комитета комсомола завода.

В. ЦЫГУГИН. Точно. Год назад об этой комсомольской организации говорили как об одной из самых отстающих в городе. И тогда горком комсомола по нашей рекомендации направил туда молодого коммуниста Ивана Пивнева. Пришел он на завод за несколько месяцев до обмена комсомольских документов. И прежде всего причул комсомольский актив не только рождаю идеи, но и осуществлять их. Предложил кто-то создать на заводе оперотряд — прекрасно, собирай ребят, разрабатывай план мероприятий и действуй! И так буквально во всем. Недавно встречался с заводскими коммунистами, они говорят: на заводе теперь все знают комсомоль-

ского секретаря, уважают его за деловитость, энтузиазм и вообще ощущают комсомол во всех начинаниях.

П. ШЕВЦОВ. У Ивана большой опыт комсомольской работы, а значит, и ответственность повышенная за порученное дело.

В. ЦЫГУГИН. Правильно, в данном случае именно высокая партийная ответственность коммуниста помогла комсомольской организации проявить свою силу.

П. ШЕВЦОВ. У нас на комплексе молодые коммунисты тоже показывают хороший пример: Валя Овчинникова избрана членом Белгородского обкома профсоюзов, Виктор Чурсин ведет большую работу как член партбюро цеха, Геннадий Рошупкин заканчивает заочный политехнический институт. Я уж не говорю о том, что они отличные производственники.

Вообще я за время работы комсоргом не раз убеждался, что комсомольцы, а тем более молодые коммунисты — это люди с большим запасом активности, беспокойной энергии. Надо только умело и верно направлять эту энергию, находить ей сферу применения. Вот всех нас до недавнего времени очень беспокоили непланолюбые простои оборудования. Причины были разные, и комсомольское бюро решило проанализировать их. Что же мы увидели? К примеру, сломалась какая-то деталь на экскаваторе. Нужен сварщик, и даже не обязательно дипломированный. Звоним диспетчеру в рудоуправление, просим, а вся смена простаивает. И тогда сами ребята предложили организовать курсы газосварщиков. Руководство комплекса увидело в этом предложении один из резервов повышения производительности труда... В прошлом году многие рабочие на комплексе получили права сварщиков. Маленькая инициатива, а польза получилась огромная для всего производства. Теперь работаем спокойно: на каждом участке по два, а то и по три человека владеют смежной специальностью, газосварные аппараты под рукой, и потери рабочего времени сократились. Ребята поняли, какие результаты может принести комсомольская инициатива.

В. ЦЫГУГИН. Правильно, инициатива группы людей, умение действовать без подсказки свыше и инструкции — вещи великие. Но мы сегодня с тобой говорим о личном участии молодого коммуниста в делах своей организации. Он должен заботиться о производстве, об организации быта и отдыха молодежи, об учебе и повышении квалификации, да и это далеко не все заботы коммуниста, которому партийная организация поручила работать с комсомольцами. Что каждый из нас ценит больше всего в руководителе любого ранга — от директора до группкомсорга? Не наличие диплома о высшем образовании и даже не сумму знаний в своем деле, а его умение сочетать интересы разных людей в одном общем деле, вести их к одной цели, вдохновлять личным примером. Это, по-моему, самое главное — личный пример, который ты подаешь другим. И тут мне хочется вспомнить один случай из моей еще комсомольской юности. Был тут у нас в Старом Осколе комсомольский работник Паша Максимов. Физической силой обладал необыкновенной. Как-то поздней осенью поехали мы со студентами геологоразведочного техникума в подшефный колхоз убирать урожай. Поздно вечером, когда возвращались, испортилась погода: похолодало, снег повалил, и, как назло, машина заглохла. Всем было холодно, но никто не унывал. Только этот Паша Максимов вдруг захныкал: заметет нас тут, и все. А сам вдвое, втрое здоровее каждого из нас. Конечно, с нами ничего не случилось, нашлись ребята, раскочегарили народ, взбодрили, и мы благополучно добрались домой, никто даже не поморозился. Но мнение о Паше как о комсомольском руководителе сложилось у всех совершенно определенное. Видишь, то, что он лопатой один мог сделать больше всех, еще ни о чем не говорит. А вот в критической ситуации растерялся и показал, что он нытик. Такой человек не может быть руководителем и вожаком. Потому что личный пример — это прежде всего сила духа. Кстати, если опять обратиться к литературе и вспомнить классический пример из «Поднятой целины», то мы увидим, что и Давыдов тогда на поле взял одной силой духа, а не потому, что умел лучше станичников пахать. Вот так каждый коммунист собственной силой духа должен показывать остальным пример.

П. ШЕВЦОВ. Знаете, Валентин Николаевич, я и сам не раз замечал, что работающие со мной люди, зная, что я коммунист, даже смотрят на меня как-то по-особому. Значит, я уже ни на минуту не имею права расслабляться, проявить где-то слабость, сделать в чем-то поблажку себе.

В. ЦЫГУГИН. Советую тебе, Петр, всегда так критически относиться к своим поступкам, к своей работе. Еще вот на что обрати внимание. Ваш комбинат будет очень быстрыми темпами превращаться в первоклассное, образцовое предприятие отрасли. Значит, и тебе надо постараться расти вместе с ним такими же темпами: и по партийной, по общественной линии, и в смысле профессиональном. А главное: чтобы ты всегда и при всех обстоятельствах высоко нес и оправдывал самое почетное звание в нашей стране — звание члена партии Ленина.

Диалог записал Борис ДАНИУШЕВСКИЙ.

Светлана ПОДОРВАНОВА
Фото Альберта ЛЕХМУСА

БРИГАДИР

— Анатолий Иванович, я тебе сварщика привела. — Мария подтолкнула к бригадиру высоченного парня. — Вот он, голубчик. Давай ему работу. — Она весело смотрела на помрачневшего Корнеева. — Только не вздумай отказываться. Сам же просил. Еще вчера.

— Так он с утра нужен был. — резко сказал Корнеев. Ему не хотелось снова объяснять, что если бы Мария, мастер по сварке, пристала рабочему вовремя, то сегодня, в день отправки готовых модулей, можно было бы сдать на три штуки больше.

Анатолий Иванович подошел к станку, на котором лежал подготовленный к отправке модуль, и грузно облокотился на него. Боль в сердце он никогда не чувствовал, но ревмокардит часто давал себя знать внезапной слабостью. «Главное, не волнуйся по пустякам», — говорила жена, провожая его по утрам на работу. Сейчас, вспомнив ее слова, он усмехнулся. Когда поднял голову, Мария стояла напротив, а за ее спиной возвышался сварщик.

— Утром бы его прислать...

— Задавил: утром, утром. Что ж у меня сварщики, как консервы на полках хранятся — в нужный момент сила да отдала?

Корнеев понимал, что Мария права.

НАСТАВНИК МОЛОДЫХ РАБОЧИХ — БРИГАДИР АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ КОРНЕЕВ.

МОДУЛИ — РЕЗУЛЬТАТ ТРУДА КОРНЕЕВЦЕВ.

КОР

На весь цех только одна бригада сварщиков.

— Ладно, — он кивнул парню, — становись к Юре Лопатухину.

Анатолий Иванович успокоился тогда только, когда увидел, как сварщик начал заваривать трубки модуля.

Узкая, длинная тень крана, движущегося на рельсах под самым потолком цеха, остановилась возле бригадира. Он взял поданные краном два металлических троса и начал закреплять петли на концах модуля.

— Давай, давай вверх! — Он пома- хал крановщице.

Когда последний модуль был загружен в машину, Корнеев достал блокнот и стал выписывать распоряжение на выдачу трубных досок — готовил материалы на завтра. Рабочие окружили бригадира, следили за его записями. И он в который раз отметил, как привык к работам. Их радости и забота давно уже стали неотделимы от него. Он веселился на их свадьбах, возмывался, когда они сдавали экзамены в техникуме или корпели над курсовыми проектами...

Сейчас Корнееву смешно даже вспомнить, как пять лет назад, осенью, в один почерневший, плаксивый день он положил на стол начальника цеха заявление об уходе.

— Ты что это?! — возмутился тогда начальник. — Мы с тобой тридцать лет на заводе.

ВЫСОКАЯ ТОЧНОСТЬ!

НАГРАДА ЛУЧШЕМУ СЛЕСАРИЮ.

НЕЕВЦЫ

Говорить о причине ухода было неловко. В самом деле, ведь не станешь жаловаться, что новую квартиру выдвали далеко, а автобусы редко ходят, да и ночные смены надоели.

На Подольском ордена Ленина машиностроительном заводе имени С. Орджоникидзе Анатолий Иванович Корнеев работал бригадиром электромонтеров. Ему нравилась профессия электрика. Он считал ее трудной и даже опасной. Когда демобилизовался из армии, где командовал пулеметным отделением, сравнил электриков с саперами. Ведь малейшая оплошность, пренебрежение техникой безопасности — и можно считать, что на этом свете ты уж отбегался. Но с годами привык и потом иногда даже ловил себя на мысли: «Неужели вот так, одно и то же, до самой пенсии?»

В то время на заводе организовывали сборочный цех. Электростанциям срочно требовались сепараторы-пароперегреватели, и дирекция спеша укомплектовывала бригады слесарей-сборщиков. Своих кадровых рабочих не хватало, приходилось набирать новичков по лимиту.

Корнеев понимал, что перед заводом встало множество проблем. Суть дела заключалась не только в том, чтобы освоить совершенно новую технологию производства. Главным было создание крепких ударных бригад, способных в кратчайший срок отлично выполнить задание. Как коммунист, Корнеев не мог оставаться в стороне. Обязан был быть там, где необходим его труд, его опыт. И тогда он неожиданно для себя понял, что устал от спокойной, размеренной жизни. Ему требовалось новое дело. Трудности не пугали, потому что чувствовал в себе еще не растраченные силы.

— Будешь возглавлять комсомольско-молодежную бригаду нового цеха, — через несколько дней объявил начальник Корнееву. Он не уговаривал. Сухо констатировал факт. И, только поняв, что Корнеев не возражает, позволил себе отгадать: — С молодыми ребятами, Толя, и сам помолодеешь, оживеешь.

БРИГАДА

— Дядя Толя, что делать будем? — Это у Вовы Ольховского вместо приветствия. Начинается обычный рабочий день.

Вова, сдвинув вязаную шапочку на левое ухо, с любопытством заглядывает в глаза Анатолия Ивановича. «И уж работу всю освоил и, кажется, привык к бригаде, а глаза любопытные, как и в первый день», — с удовольствием отметил Корнеев.

В цех Вову привел его отец — Захар Николаевич, старейший работник завода. «Чтоб до армии парень не болтался без дела. Пусть привыкает к работе», — объяснил он бригадиру. Анатолий Иванович стал присматриваться к парню. Хватка к работе у Владимира оказалась отцовская. Сидеть без дела он ни минуты не мог.

Как всегда перед началом смены, ребята, обсудив все шайбы, заброшенные накануне бравыми хоккеистами, распределяли между собой задание дня. Анатолий Иванович только в первое время вел предварительную разметку работы на день. Даже завел специальную тетрадку, расчертил ее на графы и еще дома аккуратно записывал, кого из рабочих на какой участок поставить. За пять лет его бригадирства технология модулей налаживалась, и поэтому необходимость делать записи отпала.

За смену предстояло выполнить семь операций по сборке модуля — де-

тали для сепаратора-пароперегревателя. Для восемнадцати человек бригады, казалось бы, это не так много. Но работа была неравнозначна: простая и сложная, требующая быстрой реакции, терпения, почти ювелирной отточности. Поэтому у ребят в работе всегда была взаимозаменяемость. И Корнеева это радовало. Он поощрял их самостоятельность, понимая, что от этого пропадает тягучее однообразие труда.

— Анатолий Иванович, понимаете, дело какое. — Юра Лопатухин замаялся. — В готовом модуле одна трубка течет дала...

Такое случалось редко. Ребята уже год работали с личным клеймом. Корнеевцы добились звания «Бригада высокого качества выпускаемой продукции». И хотя раз в три месяца собиралась новая комиссия проверить работу, еще не было случая, чтобы ребята не выдавали повторного удостоверения.

— Может, выбросить ее и поскорее новую поставить? — осторожно предложил Юра и тут же пожалел о сказанном. Ведь хорошо знал, что бригадир не позволит разбрасываться деталями. Он всегда подходил к таким вопросам по-хозяйски. И дело не только в экономии продукции — не мог Корнеев спокойно переносить брака в работе. По опыту знал, что редко бывают безнадёжные детали, которым место только на свалке.

— Недосмотрели — надо исправлять. Зови Выжанова, пусть рассчитает, может, подправим.

Юра Лопатухин в первую очередь помчался успокаивать ребят. Они ожидали решения бригадира. Чья была вина в течи трубки, они не выясняли. Считали, что всей бригады. Да и трудно теперь определить, отчего это произошло. Может, попалась трубка тонкостенная и не выдержала испытания на прочность наперекор всем техническим расчетам или при развальцовке деталь неплотно прилегла к корпусу трубной доски...

В Викторе Выжанове ребята были уверены. Уж он все сделает и возможное, и даже невозможное. До поступления в политехнический институт Виктор работал в бригаде Корнеева слесарем-сборщиком, четыре года был секретарем комсомольской организации цеха. После третьего курса его перевели в технологическое бюро старшим технологом. Тогда он сказал ребятам: «Теперь от меня цеху больше пользы будет». Действительно, к нему часто обращались за помощью, обычно в связи с рационализаторскими предложениями. Возникла как-то у Леша Шапорова идея сделать новую «геометрию» заточки зенкера (инструмента для подрезки труб в модуле) — тут же к Выжанову. Так, мол, и так. Виктор сделал чертеж, набросал схему; разобрались в деталях — и стойкость зенкера увеличилась в 15 раз. Он хорошо знал работу своей бывшей бригады. Когда Корнеев в начале прошлого года предложил изменить технологию сборки модулей, Виктор сразу же поддержал идею бригадира. Экономический эффект составил около двенадцати тысяч рублей в год.

— Анатолий Иванович, я думаю, дело поправимое, — сказал Выжанов, закончив повторную проверку модуля. — Придется еще раз ее развальцевать.

Корнеев облегченно вздохнул.

— Осторожно.

Ребята, окружившие гидростенд и наблюдавшие, как модуль с наполненным водой межтрубным пространством доводят до давления в 90 атмосфер, расступились. Модуль, поднятый краном, медленно поплыл по цеху.

НОВИЧКИ

Почти в центре цеха, за железной загородкой, на которой красными огромными буквами было написано «Не курить», на длинных скамьях сидят новички бригады. Рядом стоят ведра со специальным обезжиривающим раствором. Они очищают от масел и грязи корпуса полых трубочек. Корнеев, заметив, что новички кривятся от резкого запаха бензина, царящего в этом закутке, улыбнулся. Они выполняли первый, самый легкий этап работы. Корнеев постепенно, с каждым днем усложнял для них задание, прикрепляя к ним «старичков», стараясь, чтобы характеры ребят совпадали.

Он постоянно сравнивал новичков друг с другом, как бы делая отметку в памяти: этот схватывает все на лету, видно, с детства привык уважать труд, а вот этого парнишку неизвестно к какой жизни готовили в семье; и ленив и безответствен. Однако понимал Анатолий Иванович, что нелегко прямо со школы входить в четкие, строгие заводские будни. Тут и сменная работа, и плац, и качество продукции...

Для самого Корнеева трудовая жизнь началась в январе 1942 года. 14 лет ему было. Во время уроков вошел в класс военный. Разговор был короткий. Стране требовались танки, самолеты, орудия. И весь 7 «А» пошел на завод.

Тогда не посвящали в рабочие. Да и заводского музея трудовой славы, где проходили сейчас эти торжества и собирается вся бригада, чтобы подбодрить разволнованного паренька, тогда тоже не было. Знакомилась с работой и работали одновременно. Отдыхали тут же, у станков, а спали на столе в конторке мастера. Порой плакали над запоротой деталью. Понимали: если брак, значит, фронт не получит лишнего снаряда.

Анатолий Иванович не часто вспоминал эти нелегкие дни. И, может быть, поэтому никогда не читал правочувствия новичкам, не распекал их, не сравнивал со своими сверстниками. Думал, что паренек должен сам научиться отвечать за себя. «Трудно», — хныкали некоторые. А что трудно? Вставать рано? Так ложись спать пораньше, не гуляй до первых петухов. Работать? Так все же работают. И хорошо работают. Первое место бригада которой год по всему заводу держит. «Надо отвлекать от слова «трудно» и привыкать к слову «надо», — говорил Корнеев новичкам. Он предоставлял им возможность свободно проявлять себя. Но остальные ребята были несогласны с бригадиром. Если замечали, что новичок работает кое-как, собирали в обеденный перерыв собрание, где провинившемуся доставалось по первое число.

— Ну, лодырь, — кинулся Володя Тихомиров. — Я с ним так поговорю, что он раньше всех на работу являться будет. И куда Анатолий Иванович смотрит...

— Так ведь и тебе Корнеев воспитал... Вспомни, как с тобой возились. Володе как ни неприятно вспомнить первые дни в бригаде, но новичкам в назидание всегда рассказывал...

Когда на институт одного балла не добрал, злой был на весь белый свет. И в школе хорошо учился и в институт готовился добросовестно, а вот поди ж ты... Да еще в добавление ко всем несчастиям в его родной деревне река Велуга обмелела. А у него первый разряд по мотолодочному спорту. Единственной отрады, как он говорил, и той не стало. Махнул он на все рукой и ухватил к другу в Подольск, к Саше Пономареву. Тот работал в бригаде

Корнеева и давно писал письма, приглашая работать к ним в бригаду. А главное, что соблазнило Тихомирова, так это река Пахра.

Корнеев ему понравился. Тихий, никогда не кричит. Если брак допустишь, так Корнеев сам все уладит. Только вздохнет и скажет: «Больше чтоб это не повторилось». И закрутился Тихомиров. День работает, два на Пахре пропадает, с моторами возится, призы получает. И как-то приятель его, Саша, что все сманивал его в бригаду Корнеева, спросил: «У тебя совесть есть? За тебя ведь бригадир работает».

После этого Володя при встрече с Корнеевым опускал глаза. «Ну, отозвал бы он меня в сторонку да отругал как следует», — думал он, понимая, что бригадиру так было бы проще: поставил на вид, предупредил, а там катись на все четыре стороны. И бригаде хорошо — избавились от прогульщика, и бригадиру спокойнее — принял административные меры.

А Корнеев не понимал, что это с парнем произошло, словно подменили: не прогуливает, смежную профессию стал осваивать, в техникум поступил, рационализаторское предложение подал. Выжанов из технологического бюро прибежал в цех, хвалился ему: «Володя экономии заводу дал на 5 тысяч рублей». А когда Корнеева наградили орденом «Знак Почета» за досрочное выполнение бригадой заказа для Ленинградской электростанции, Володя радовался, казалось, больше самого бригадира.

СОСЕДИ

— Володя, — сказал Корнеев, — надо помочь бригаде Подколзина. У него половина бригады гриппом больна. Могут не уложиться в сроки. Пойдешь ты и Лопатухин. Да, захватите с собой Ольховского-младшего, ему в дальнейшем пригодится.

Пароперегреватель — машина весом в 80 тонн — плотно опирался на четыре стальные балки. Подколзин стоял на коленях внутри аппарата с фонарем в руках — просматривал внутренние швы.

— Вася, мы к тебе. Можно? — Тихомиров постучал по корпусу аппарата и присел на корточки.

Корпуса модулей со множеством смонтированных трубочек веером расходились в корпусе пароперегревателя. От слабого накала лампы свет, тускло отражаясь на их стальных бочках, терялся в бесчисленном лабиринте деталей.

— Красиво тут у вас...

Подколзин не ответил. Он не любил лишних разговоров.

К Василию Подколзину корнеевцы относились с уважением. «Серьезный мужик». В 20 лет он стал коммунистом. В будущем году заканчивает политехнический институт. Только Лопатухин вначале не воспринимал Васю. Ровесники ведь, чуть больше двадцати, а никогда даже не побалагурит. Потом, узнав Васю поближе, понял, что серьезность и рассудительность у него в характере. Он даже стал копировать манеру Подколзина разговаривать. Сделает очень внимательные глаза, правую руку на бедро: «Я слушаю».

— Надо проверить швы. Инструменты возьми — и в темпе. — Вася сказал это четко и сухо, как будто отдавал приказание.

У Подколзина самый ответственный участок. От скорости сборки аппарата зависит, в срок ли выйдет заказ. А это результат труда всех бригад цеха.

Раньше было задано так: каждый отвечал только за свой участок. Про-

дукцию-то сдавали в срок, но случалось, если кто-то заболевал, вся технологическая цепочка нарушалась. Страдали не только корнеевцы. Ребята из бригады Подколзина, которые должны были устанавливать в аппарат модули, тоже вынуждены были устраивать длиннейшие перекуры. Это, конечно, никому не нравилось. И как-то незаметно возникла, словно бы сама собой родилась, идея двух бригад по взаимопомощи. Операций не так уж много, всего семь. И квалифицированным рабочим нетрудно было освоить их. Каждый овладел не одной, а сразу несколькими. Потом сами удивлялись: добились полной взаимозаменяемости сразу в двух бригадах.

...Часа через два Вася Подколзин, вытирая ветошью руки, говорил:

— Ну, ребята, уважили, одни бы мы поделены возились. Это точно!

— Да чего уж там,— отнекивался Юра Лопатухин.— Мы вроде и для себя стараемся. Долг платежом красен, ведь верно? — подмигнул он, и все вокруг засмеялись.

СЕКРЕТАРЬ

Толя Боровиков, секретарь комсомольской организации цеха, появился, как всегда, неожиданно. Юра Лопатухин даже не успел увернуться, чтобы избежать неприятных объяснений. Пришлось принять деловой вид и стараться честно смотреть в глаза секретарю.

— Так когда же появится следующий листок «Комсомольского прожектора»?

Юра попытался завести легкий, непринужденный разговор о футболе, чтобы для начала улучшить настроение секретаря. Толя — лучший нападающий заводской команды «Авангард», шестикратного чемпиона Подольска. Но мирной беседы не получилось. Боровиков, казалось, надолго утратил хорошее настроение после того, как переходящее Красное знамя неожиданно для всех отдало цеху № 16. Знамя вручалось лучшей комсомольской организации завода и четыре года находилось в сборочном цехе. «Сами виноваты. Топчемся на одном месте. А все же обидно, ведь проиграли-то всего по одному пункту: не учли важность постов», — сетовали ребята после засе-

дания комитета комсомола. И еще тогда Боровиков сказал, что вернуть знамя надо во что бы то ни стало. Вскоре в цехе организовали в помощь штабу КП специальные комсомольские посты. Из каждой бригады выбрали по три человека, которые должны были следить за качеством продукции, снабжением, износом оборудования. О неполадках обязаны были сообщать в штаб «Комсомольского прожектора». «Конечно, главное,— объяснял секретарь,— вовремя выявить недостатки на узких участках работы. Но отмечайте и отличный труд комсомольцев». Сегодня утром, просматривая сводки постов, Толя натолкнулся на интересное сообщение: бригада сварщиков в рекордно короткий срок заварил швы аппарата СПИ-500. Сварочные работы были тонкие, почти ювелирные. И ребята отлично справились с заданием.

— Чтоб «молния» была! Иначе...

Из-за грохота в цехе Юра не расслышал последних слов, но взгляд секретаря не обещал ничего хорошего и был достаточно выразительным, чтобы правильно понять смысл сказанного.

Юра хотел было сослаться на занятость, ведь почти каждый день ходит на подготовительные курсы, готовится в институт, но оправдываться было бесполезно. В самом деле, сколько можно! В начале цеха на огромном стенде — среди грамот, социалистических обязательств бригад, фотографий лучших рабочих, объявлений о предстоящем субботнике и вечере отдыха — почти в центре сиротливо пустовала добротная сделанная рамочка «Комсомольского прожектора». Юра уже неделю старался не смотреть в сторону стенда. Успокаивал себя: «Завтра, завтра непременно вывешу материалы». Они давно уже были собраны, но подвел художник, который обещал как-то «необычайно красочно» оформить цеховой «Прожектор», да так пока ничего и не сделал. И из-за него Лопатухин дождался-таки, когда Толя подойдет к нему и выскажется по поводу его организаторских способностей. А ведь это не так. Юра подумал, что работа ведется, и ведется по-настоящему. Недавно по просьбе Корнеева рейд провели, проследили за выполнением техники безопасности новичками. Некоторые ребята не наде-

вали очки при шлифовке. А ведь при этом брызги шлифовального камня, песок и металлическая пыль — во все стороны. Бригадир было трудно уследить за всеми. Юра тогда же собрал прожектористов и организовал рейд по рабочим местам, заодно обращая внимание, не разбросаны ли инструменты, не валяются ли по цеху тряпки для зачистки трубочек модуля, надеты ли шлифовальные кожухи на инструменты...

КОГДА ВСЯ БРИГАДА В СБОРЕ

В обеденный перерыв, как всегда, собрались в красном уголке. В огромной комнате, увешанной плакатами, пахло краской: заводской художник временно превратил эту комнату в свою мастерскую. Но все уже привыкли и к резкому запаху нитры, и сосредоточенно выводящему аршинные буквы художнику, и к отчаянному грохоту доминошников, облюбовавших красный уголок. В этот день бригада не говорила ни о футболе, ни о планах на предстоящие выходные. Последний раз Корнеев видел своих ребят такими же серьезными перед комсомольской конференцией, когда они хором, перебивая друг друга, готовили выступление. Собственно, его писал Юра Лопатухин, как делегат от бригады, но каждый считал своим долгом напомнить и подсказать ему что-то самое важное...

— Раз уж мы так удачно все собрались,— сказал Тихомиров,— предлагаю провести собрание. Я председа-

тельствую.

Возражений не последовало. — Сначала я подведу итог. Мы уже несколько лет кряду держим первое место среди бригад на заводе. В прошлом году прямо-таки неожиданно для нас заняли второе в районе. Напоминаю, что за это нас еще байдаркой наградили.

— Все равно ее нет.

— Верно. Нет. Подарили пионерам подшефной школы. 6 «А» классу.— Прищурившись, Тихомиров внимательно посмотрел на отсутствующего реплику паренька.— А если тебе так хочется покататься, приходи на Пахру, уж так прокачу—с ветерком...

— Да, о школе,— сказал Корне-

ев.— Геоята, выберите время для наших маленьких подшефных. Им надо помочь двери покрасить, парты починить...

— Мы чиним — они ломают...

— Давайте ближе к делу.

— Комплект модулей для последнего аппарата предлагаю изготовить на месяц раньше срока,— предложил Юра Лопатухин.

— Поддержать почин москвичей «Пятилетке качества — рабочую гарантию».

— Ежедневно изготавливать дополнительно к плану два модуля.

Были, конечно, и сомнения. Не в себе. Волновали смежные цеха, которые поставляют заготовки. То трубных досок завалились, а корпусов нет, а то наоборот. Но неожиданности могли быть и с другой стороны.

Все очень хорошо помнили срыв плана в октябре прошлого года. Ребята до сих пор не могли успокоиться: было обидно, что напряженный их труд в течение нескольких месяцев пошел насмарку. И все из-за цеха № 15. Бригада Корнеева создала задел. Свою работу выполнили быстро и качественно и теперь ожидали подведения итогов в соревновании. Но отгруженная партия модулей в цехе № 15 для вальцовки не была вовремя обработана. В результате этого план по реализации не был выполнен.

— Комсомольцы смежных цехов уже взяли на контроль выполнение заказов,— успокоил ребят Корнеев и посмотрел на часы: — Пора.

Мерный, приглушенный гул станков наполнил весь цех. По широкому проходу медленно двигался транспортер — увозил готовый сепаратор-пароперегреватель. «Наверное, тот самый, что цех сдал на месяц раньше срока», — подумал Анатолий Иванович. Ему приятно было сознавать, что этот аппарат «набит» модулями, которые сделали его ребята.

Резко вспыхнула сварка. На участке Подколзина заваривали швы нового аппарата. Корнеев заметил: Ольховский-младший как замороженный смотрел на рассыпавшиеся разноцветные снопы искр.

— Глаза побереги.— Бригадир прикрыв ладонью его лицо.

Вова встряхнул головой, засмеялся: — А здорово, правда?!

КОМСОМОЛЬЦЫ БРИГАДЫ.

НОВОЕ ИМЯ

Татьяна СМЕРТИНА

Бывает так: читаешь стихи и мало что видишь, слова сложены в стихотворение — и все! Не чувствуешь кронь стихов, не слышишь эха... Стихи Татьяны Смертиной тем и хороши, что их как бы и не читаешь, а живешь в них. Они не только в тебе, а вокруг тебя. А это дается с чувством языка, который не просто обозначает предмет, но живет слитно с ним. Вот это чувство языка я бы и назвал поэтическим даром.

Т. Смертина родом из Кировской деревни. И скорее начинала не столько писать стихи, сколько рассказывать. Она доверительно разговаривает с читателем, собеседует. Как руководитель семинара в Литературном институте, я давно заметил это у Смертиной и всячески старался не мешать — пусть само произрастает.

Вскоре в издательстве «Советский писатель» выйдет ее первая книга — «Ягодочка». Уверен, что эта журнальная подборка стихов, так же как и будущая книга, по душе придется нашей «Смене», ее молодым читателям.

Егор ИСАЕВ

Сенокосная деревня,
В дыме пляшущий костер,
О невыгребенном сене
Бесконечный разговор.
Спит косилка на поляне,
Дремлет в копнах дядя Ваня,
Перелив гармони звонкий,
Говор баб в своем кругу,
Белобрысые девчонки
В отуманенном лугу...
Др того здесь все родимо,
Грех о том и говорить,
Мне без песни этой дивной
Просто незачем и жить.
Счастье в том,
Что даль погожа,
Горицвет горит во рву,
И отвязанная лошадь
В поле путает траву.

Не обласкать, не задержать
Под белой одурью черемух!
Я знаю слово «уезжать»,
Я знаю, что в лесу есть омут.
Не убедить меня ни в чем,
И не понять простейших слов.
И ты — как сон,
И я — как сон,
И в руки брызги лепестков.
Забывтый луг в тумане весь,
И он сегодня зыбок, топок.
Как много почему-то в лес
Ведет травой заросших тропок!

Я посреди своей деревни,
В зеленой замяти берез,
Там, где журавль колодца древний
Взлететь не может — так природ.
Там тропинка хилая,
Гать, бревном мощенная,
Я росла счастливая,
Девка некрещеная!
Окрестить забыли,
Торопились очень,
Но меня перстами
Осенила осень,
Теплые дожди
Вылила в купель,
И, обвив туманами
В звонкую метель,
Когда плыли листья
На ветру, как рыбки,
Бережно качала
За кольцо у зыбки.
О, как сладко я спала
И под звон осин
Вместе с травами росла
Из земных глубин.
Но болезнь сулила мне
Местная знахарка
И на ночь поила все
Травяной заваркой.
Дед не верил знахарям,
У окна избушки
Кипяток пил с сахаром
Из железной кружки.
Что ж вы накудесили,
Осень и знахарка?
Чем меня поили
Из волшебной чарки?
Что на грудь повесили?
За какие муки?
Сердце плачет песнями
Про березьи руки.
Без лугов мне тягостно.
Без лесов я в горе.
Жить везде безрадостно
Без родного поля.

Сад — сырой, холодный, нежный —
Под апрельскою луной
На ветвях озябших держит
Сумрак голубой.

Почки крепкие исходят
Запахом весны,
По сугробам талым бродят
Сны, сны...

Старый дом и пуст и темен,
Всеми позабытый.
В нем проемы черных окон
Навсегда забыты.

Не звучит ни смех, ни стон,
И на снег весенний
Уж не спустится никто
По сырým ступеням.

Страшных сказок читалась,
В сердце жуть и боль.
Я одна в избе осталась
Да еще зимой.
Кто-то скрипнет,
Кто-то пискнет —
Чуток нынче слух.
Кошка вдруг с полатей
Прыгнет —
Перехватит дух.
Потянусь за шубой к печи —
Тенью вышит мрак,
Кто-то дышит недалече,
Ясно слышу как!
Выбегаю я на волю,
Тьма лесов видна,
Притаилась за сосною
Желтая луна.
Вдруг поземка закрутилась,
Вскрикнул ветер, груб!
Головой бадня забилась
В деревянный сруб.

Забуду, забуду!
Печаль утолю.
Сырыми дровами
Печь растоплю.
Колени согрею,
И руки согрею,
И в то,
Что тебя позабыла,
Поверю.
Окна белый глянец...
Ночь синей масти...
Огонь пляшет танец
Багряной страсти.
Скалится бело,
Трещит берестой,
Гнет свое тело,
Ломая кости.
Сгорит — будет жаль.
Кутаюсь в шаль.
Вон месяц в окне!
Что толку в огне?
Холодно мне.
Ветрено мне.

Опять мы не могли проститься!
А долго ли сказать: «Прощай!»
И ливень так же будет литься
В сырой и горький молочай.

Взволнованна за нас с тобой,
Рванувшись через ельник,
Рябина тонкою ногой
Ступила в муравейник.

И полыхая вся огнем,
Качая ветви лисьи,
Она как будто бы с трудом
Держала ягод кисти...

А я не знаю, что со мной
И кто судьбой мне будет сужен.
Быть может, ты? Или другой?
Или никто не нужен?

Так обними ж меня за плечи!
Пускай рябина сыплет листья.
И в этот золотистый вечер
Нам не суметь с тобой проститься.

Рисунки Михаила ПАПКОВА

с. Сорвижи,
Кировской обл.

ВЕРНИСЬ, ТИТУ, ВЕРНИ-ИСЬ...

Юнус ЧУЯКО

РАССКАЗ

Перевел с адыгейского
Гарий НЕМЧЕНКО

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

1 Так протяжно и долго кричит эта птица за аулом, в глубине теплых полей. Всегда так: вернись, Титу, верни-ись... верни-ись!

И от тонкого ее зова сердце щемит, и чувствуешь себя одиноким.

Покричит, покричит птица, потом замолкнет. Прислушивается, ждет ответа. Но только тяжелое безмолвие душно повисает в прогретом воздухе...

Как только я услышу эту птицу, я сразу бегу к своей бабушке Гошехан. Цепляюсь за подол и прикипаю к ногам, а потом, когда она садится, забираюсь на колени, прижимаюсь тесней: «Бабушка, расскажи...»

Эту легенду я давно уже знаю наизусть, но почему-то мне хочется слышать ее снова и снова.

Бабушка обещает рассказать, но тут же словно забывает об этом, сидит молча, подбородком касаясь моей макушки, и я начинаю ерзать и нетерпеливо поталкивать ее головой: «Расскажи, ба...»

Начинает она потихоньку, как будто сама к себе в это время прислушивается, а потом голос ее становится уверенней, постепенно крепнет, наливается живой силой, и вот уже существует словно сам по себе — захватывает тебя целиком, достает до сердца.

Каждый раз мне начинает казаться, что у бабушки есть тайная привязанность к легенде о маленькой птице, что она любит ее и, когда рассказывает, сама наслаждается. Только почему же тогда она так неохотно, так мучительно тяжело начинает свой рассказ, отбивая порой желание послушать его? Ладно, ну, да ладно, я прощаю ей это, и об этом тут же забываю, когда она начинает наконец говорить...

Поднимаю глаза, всматриваюсь в смуглые, похожие на извивы в дубовой коре морщины, и мне кажется, что постепенно они разглаживаются, что бабушкино лицо молодеет и становится светлее...

Потом уже, когда чуть подрос, я понял, отчего это происходит.

И до этого бабушка не раз будила меня среди ночи, словно та птица, она вдруг тоскливо вскрикивала и звала во сне: вернись, Кандаур, вернись! Верни-ись...

Но этой весной такое стало бывать с бабушкой особенно часто. То, случалось, затихнет она и только длинно вздохнет, а теперь, позвав, она вдруг вставала с кровати, торопясь подходить к двери, кого-то радостно приглашала:

— Заходи, Кандаур, заходи, сын мой!

Помолчит, помолчит, и опять:

— Что же тебя, сынок, так долго не было?

Слегка приподняв голову над подушкой, я лежу не дыша: выходит, кроме дочерей, у бабушки есть сын? Наверное, это тот самый мамин брат, про которого она так часто вспоминает. Говорит, он пропал без вести. Только мне это непонятно, и никак не могу представить: как это вообще можно пропасть, если ты есть на белом свете?

Выглядываю из-под одеяла: а вдруг это и правда вернулся мамин брат, сын бабушки Гошехан? Вот здорово! Тогда мне надо быстренько встать, чтобы встретить гости как следует...

Всматриваюсь в темноту, но мне никого не видно, только белеет длинная бабушкина рубашка. И дверь, мне кажется, по-прежнему на задвижке. А бабушка все разговаривает, разговаривает с кем-то... только что ж ей никто не отвечает?

— Разве тебе обязательно надо уйти? — спрашивает моя бабушка, и голос ее дрожит: — Не надо, сынок, не уходи!

А вокруг так тихо, что мне становится жутко.

Бабушка длинно и, как маленькая, прерывисто вздыхает, но голос у нее делается вдруг такой старый:

— Только ты один, мой единственный аллах, все поймешь и один пожалеешь! Прости меня...

Сухонькая, застывшая у холодного порога, она неслышно пробирается мимо меня, мыгоночко опускается на край постели, трет ножками о трипичный половичок, залезает под одеяло и кротко затихает...

Кто же все-таки этот Кандаур? Почему так неслышно каждый раз стоит он у нашей двери? Почему опять должен уйти?

Мне вдруг приходит в голову, что это, наверное, тот самый парень, чей портрет висит у нас в большой комнате... Не раз и не два, когда мы оставались в доме одни, бабушка Гошехан опускалась перед ним на колени и низко кланялась, потом становилась коленками на кровать и, стараясь удержать равновесие, как старая орлица крыльями, размахивала своими иссохшими руками, тинулась ими к портрету, потом мягко, словно боясь дотронуться, проводила по щекам, по бровям, по лбу, и чуткая ее ладошка то замирала вдруг, а то снова подрагивала...

А парню вроде бы нравилось, что бабушка его гладит, тонкое лицо его всхлипывало ребяческой радостью, сияли глаза, пухлые губы растягивались в широкой улыбке, и мне временами казалось, что вот-вот он бросится к бабушке и прикинется к ней так же, как я, когда прошу рассказать легенду о маленькой птичке...

Точно — это его называла она Кандауром!

2

Теперь я часто смотрю на него, но, когда бы я ни поднял глаза, он все один и тот же, с широкой улыбкой на лице... Возвращаюсь ли я из школы с пятеркой, порвал штаны, сбил коленку, досталось ли мне за баловство — ему все нравится, он всегда всем доволен.

Наверное, он заметил, что я гляжу на него, и сам теперь смотрит на меня, не отрываясь, словно следит за каждым шагом. Только выглянешь из-за приоткрытой, и он уже увидал тебя, уже улыбнулся, и так не сведет с тебя глаз, пока ты не выйдешь из комнаты. Застать его врасплох просто нельзя: только глянул на него, как и он тут же тебя увидал... Может, это потому, что он танкист?

Черный кожаный шлем туго обтягивает тонкое его продолговатое лицо. Он так идет ему, будто шлем этот специально сшили для Кандаура. На ушах с обеих сторон шлема какие-то круглые нащелки. Наверное, это они помогают Кандауру хорошо слышать, когда танк его идет в атаку и все вокруг взрывается и грохочет.

Вот он, стальной танк нашего Кандаура, вот его длинная черная пушка, из которой после каждого выстрела вырывается густое красное пламя... Первым выстрелом он поджигает немецкого «тигра», вторым в цепки разносит громадное орудие, а пушка все бьет и бьет, и только когда снарядов у Кандаура уже не остается, он начинает опрокидывать грузовики, давить пулеметы и гнать впереди себя толпы тонконогих солдат в зеленых шинелях...

Горят похоже на пауков вражеские кресты, и, хоть танк Кандаура тоже загорелся, он все мчится вперед в грозном вихре огня и дыма — такой он для фашистов еще страшней.

Только в самую последнюю минуту выпрыгивает из танка Кандаур — на моих рывках он всегда успевает живой выбраться из огня.

Наш одноклассник учитель подолгу стоит около меня, когда я рисую, и каждый раз ставит жирную пятерку, но мама на днях меня отшлепала: сказала, что нечего изводить столько бумаги, когда хороших тетрадей не достанешь не только в нашем ауле, но и в городе.

И все-таки я упорно продолжаю рисовать громадный стальной танк и солдат с красными звездами на шапках.

— Ты бы отдохнул, — говорит мне бабушка Гошехан. — Лучше иди побегай...

На улице столько солнца, как будто это разлилась, расплескалась по берегам маленькая речка, которая бежит за нашим огородом. И как только ее хватило на все — поближе идут и поля за аулом, и дальняя степь. Отовсюду слышится запах черной, рыхлой земли да молодой, которая только что проклюнулась, травки... Все вокруг наливается тугим соком весны, и от этого кажется, что пахнут и разбухшие почки на вербах, и тонкая их, прозрачная кожура, и даже молодые побеги прошлогоднего лука.

С верхушки невысокой вербы, что растет у нас в палисаднике, крикнула птица.

Как всегда протяжно, словно она нарочно длит каждый звук, и как всегда жалобно: вернись, Тигу, верни-ись!..

Бабушка Гошехан замерла посреди двора, потом бросила хвостину вслед птицам, а сама повернула обратно да так перед палисадником и застыла. Подслеповато прищурилась на чуть зеленую вербу, тихонько сказала:

— И ты, моя маленькая, все еще надеешься?

И дрогнувшей рукой нашла внизу край фартука, понесла к глазам.

Птица как будто напомнила ей о чем-то.

Очнувшись, бабушка Гошехан поспешно закрыла ворота, потом, торопясь, словно только что вырвалась из невидимых рук, которые долго не отпускали ее, кинулась в дом. Хлопот у нее нашлось сразу столько, что позвала и меня: надо принести из сарая дров, найти таз, достать с печки мыло.

Сначала она замачивает совершенно чистое, пахнущее сундуком белье. Потом садится латать и штопать.

Почти до обеда, ни разу не подвигнувшись, сидит она, не разгибая спины, слепо тыкает иголкой, чинит старые, совсем уже никуда не годные брюки и такую же ветхую рубашку. Рубашка эта давно уже выцвела, теперь она изжелта-серая, и вид у нее такой дряхлый, словно, трихнии ее хорошенько, она тут же рассыплется, останутся от нее только крепкие заплатки. Но бабушка Гошехан, мучаясь, пришивает еще одну.

Вот она аккуратно подгибает край лоскутка, натягивает рубец, делает мелкий стежок, рассматривает потом почти каждый. И так же пристально разглядывает она то место, которое штопает. Посмотрит и с лица, и с изнанки, и там, и тут проведет по ниткам рукой, потрогает пальцами, а потом, прижимая к худым коленям, долго станет разглаживать штопку своей сухой ладошкой, и глаза у нее при этом сделаются такие озабоченные: уж не будет ли здесь тереть? Не будет беспокоить того, кто наденет эту рубашку?

Оставив на время штопку, с моей помощью она вытаскивает из кладовки другой сундук. Он поменьше того, что стоит у нас в большой комнате, и железные полоски на нем давно поржавели. Бабушка достает из него светло-коричневые парусиновые туфли.

Эти туфли мы купили с ней несколько лет назад, и, хоть было это давно, я до сих пор помню, как суежилась она в нашем аульском магазине, как смотрели на нее в это время мужчины и женщины.

— Кому ты их берешь, Гошехан? Внуку твоему они большие...

Но бабушка ничего не отвечала, она только попросила надеть их сперва одного парня постарше, потом другого, третьего, пока парусиновые эти туфли не примерили все молодые мужчины, которые были тогда в магазине. Никто из них не отказал бабушке, все покорно надевали обувь, которую теперь почти никто и не носит, и бабушка перед всеми становилась на колени, трогала непослушным пальцем носы, потом охватывала ногу в туфле ладонями, и так надолго задумывалась, словно это было очень сложное дело — выбрать дешевые туфли из парусины...

И каждый год примерно в это же время достает она их из сундука, любитесь ими, а потом, прижимая к кофточке на груди, несет на улицу, рядом выставляет их на завалинке, на ветерок да на солнышко.

Есть в этом сундуке и еще одна вещь, которую бабушка Гошехан не доверяет ни одной живой душе. Даже мне, самому послушному внуку, она не дает и пальцем дотронуться до небольшого полотняного мешочка. Сама вынимает его из сундука, высыпает на стол какие-то продолговатые штучки, похожие на белые патроны, бережно раскладывает их один рядом с другим, негромко шепчет:

— Кресало... кресало... еще кресало!

Потом она берет выпавшую из полотняного мешочка спичечную коробку, вынимает спички и тоже раскладывает их рядком — одну под каждой из этих штучков, которые она называет кресалами. Считать бабушка не умеет и при помощи спичек узнает, все ли на месте.

Вот уже который год спичек оказывается на одну больше, чем этих белых патронов, и бабушка говорит мягко и как будто чуток виновато:

— Только одно кресало и взяла за все это время! Жалко мне стало человека, вот я и взяла.

Это тоже было давно. Однажды ранней зимой наш сосед Индрис с вечера оставил трактор, на котором работал, у себя во дворе, — утром тот никак не хотел заводиться. Чего только не делал с ним Индрис! Но мотор ударит несколько раз, и молчок. Затрещит, затрещит и снова споткнется.

Утро стояло морозное, и далеко было слышно и резкую дробь и обиженный голос Индриса, когда она обрывалась. Вокруг трактора уже собрались соседи, стали помогать советами, да только пользы от этого было мало, и скоро приехал на коне бригадир, стал кричать, что Индрис — лентяй и бездельник. Тогда-то бабушка и не выдержала...

Она забежала в дом, открыла сундучок с ржавыми металлическими полосками на крышке, развязала полотняный мешочек. Подошла к плетню и окликнула парня:

— Индрис! А ну, подойди, что-то я тебе скажу!..

Парень подошел нехотя, кинул на бабушку хмурый взгляд. А она разжала сухонькую ладошку:

— Я не знаю, что это такое, но, может быть, это поможет твоему железному коню?

Он не смотрел на нее. Откуда старухе знать, что ему поможет?

— Мой Кандаур всегда говорил, что без этого он не заведется!

В голосе у бабушки послышалась обида, раскрытые пальцы шевельнулись, но Индрис уже увидел.

— А ну-ка дай, бабушка!

Выхватил свечу, как будто сам только что послал за ней, ни слова не говоря, бросился обратно.

Бабушка Гошехан долго стояла у плетня, следила за темными от тавота руками Индриса. Вот он рукавом телогрейки отер лоб и снова взялся за ручку.

На этот раз трактор не стал ворчать, а сразу трескуче-громко завелся. Как обрадовалась бабушка Гошехан, как она тогда обрадовалась!

Надела свой старинный платок, не спеша пошла в магазин, и по дороге все ее останавливали:

— У тебя ниче радость, Гошехан?

— Да как сказать,— пожимала она плечами.— Просто трактор нашего соседа завелся. Сперва очень долго не хотел, но я знала, отчего он может завестись, и он завелся-таки!

И всем она рассказывала о полотняном мешочке. Недаром ее Кандаур, когда уходил на фронт, просил побережь эти кресала— сегодня все видели... Берегла она их, и дальше будет беречь, они еще пригодятся сыну, когда он наконец вернется.

3

Днем бабушка Гошехан стоит в нашем палисаднике. Вокруг все молодо-зелено. Угрюмые стрелки лука поднялись на три-четыре пальца, и кое-где между ними уже показались бурыли. Пока маленький, надо вырвать.

Левой ладонью опираясь о колено, она привычно наклонилась, правой рукой потянулась к земле, и в это время неподалеку тоненько и протяжно крикнула птица. Бабушка так и замерла, согнувшись, а птица закричала еще ближе и еще, пока не уселась на вербе, около которой была грядка лука.

Медленно разогнулась бабушка Гошехан, тихонько обернулась. Поискала птицу глазами, и взгляды их встретились. Взгляд малой птички и взгляд человека. Ни птица не упорхнула, хотя нагнула головку и присела на лапках, ни бабушка не отвела глаз: так и глядели они друг на друга целую минуту, удивляясь и будто выжидая, кто из них первым заговорит.

«О, маленькая пичужка с разбитым сердцем!..»

Так тихонько прошептала старушка.

«О, ты, человек, живущий одним ожиданием!..»

Так ответила взглядом птица.

Старая легенда рассказывает: когда-то очень давно мать потеряла сына, которого звали Тигу, и превратилась в маленькую птичку. И с тех пор каждую весну и каждое лето и в садах, и в полях за околицей слышится зов ее раненого сердца: верни-ись, Тигу, верни-и-ись!..

Так и бабушка Гошехан.

Разве могла она и дальше спокойно возиться с луком! Опять она спешит в дом, опять начинает ворошить старую одежду. И хоть помогать ей сейчас не надо, бабушка зовет меня— ей хочется с кем-нибудь поговорить.

— Не было в этом большом ауле мальчишка, который так любил бы машины,— начинает она, разглядывая на свет латанную-перелатанную рубашку.— Да-да... Еще ходил в школу, а целыми днями пропадал у трактористов на стане. Может, на роду у него написано, что создал его аллах для поля, для хлеба, который они убирали да сеяли?

— Пришлось мне попереживать,— продолжает она, вздохнув.— И неохота, чтобы школу бросал, когда все дети учатся. И его жалко. Стану говорить: да ты посмотри на себя! Какой из тебя тракторист? Они все вон какие здоровяки! А он: подожди, ты еще увидишь! Старые трактористы говорили, что руки у него и правда золотые, недаром он и в армии сразу нашел себе эту машину!

Бабушка Гошехан молчит, чему-то улыбается и, глядя на меня, говорит с укором:

— Не захотел-таки учиться! Буду, говорил, успевать и там и там— лишь бы разрешила уйти из школы... Ах ты, ширококоротый хитрец!

Так она и будет теперь разговаривать, словно это не я перед нею стою, а Кандаур.

— И отец твой всю жизнь тебе почему-то потакал, а на меня даже покрикивал... Жизнь, мол, она очень большая и толстая книга, и пусть-ка парнишка всю ее хорошенько полистает. Куда мне спорить с двумя? А ходил бы в школу и дальше, глядишь, и стал бы учителем. Учил бы в нашем ауле ребятишек... разве бы из тебя не вышел учитель? Руки вон какие белые да тонкие, только и держать карандаш или эту палочку, которой что-нибудь показывают. Нет, заладил: ты только погляди, какой я большой!.. Вытянулся, как на деревянных виллах рукоятка, и рад... е-е-е! А стал бы учителем, не сел бы на эту машину, к которой, люди говорят, страшно даже подойти, глядишь, и не пришлось бы теперь так долго ждать!

Помолчит-помолчит моя бабушка Гошехан и снова начинает припоминать:

— После первой уборки привез домой три или четыре мешка пшеницы— большие мешки! Дали ему на трудодни, а Комболотоков Ибрагим помог ему, он тогда на подводе... Ой, как много, я говорю. А он: это что! На следующее лето я тебе заработаю еще больше! И разве не заработал бы? А тут этот германский гуур, этот проклятый Гитлер...

Она кладет рубаху на лавку рядом с собой, итыкает в нее иголку, а руки вытягивает на коленях и задумывается... О чем она сейчас думает? Маленькая моя бабушка... И правда, какая она становится маленькая!

Но вот она произносит тихо, почти про себя:

— Да только оставил же он мне зачем-то эти свои кресала! Я ладони подставила, а он выссал: смотри, нани, обязательно это сбереги! Раз так сказал, значит, они ему еще пригодятся, значит, придет... Он ведь и раньше был такой, всегда возвращался с поля последний. Люди уже умоются и поедят, уже на улицу выйдут, а его нет и нет. Что такое?.. А там, говорит, оставалось еще немножко, дай, думаю, доделаю, чтобы на завтра не оставлять... всегда! Всегда он приходил последний, к чему, к чему, а к этому я давно привыкла.

И опять к бушка Гошехан улыбается:

— Ах, ты, хитрец ширококоротый! Ничего им не сделалось, твоим кремням,— берегу...

И так на меня внимательно смотрит, что я думаю: может быть, я очень похож на Кандаура?

В большой комнате опять я стою перед портретом, который в городе пересняли с маленькой фотографии— ее Кандаур прислал, когда только учился на танкиста... Долго стою.

Подхожу потом к стенке, где у нас висит зеркало, гляжу на себя. Долго-долго. Похож или не похож?

И мне начинает казаться, что я очень похож на Кандаура.

4

Нет конца бабушкиным заботам: и посадить кукурузу, и за рассадой присмотреть, и доглядеть внуков, и всех накормить... И весь день она бегаёт, бегаёт, бегаёт. Такая маленькая, успеваёт все переделать, со всем управиться. И только когда позовёт ее несчастная птица, бабушка замрет, будто споткнувшись на ходу, и долго будет к чему-то прислушиваться.

В эти дни за околицей с утра и до вечера не молкнет рокот моторов. Сначала он почти неслышно возникает в глубине нагретых солнцем полей, мягко плывёт издалека, становится все тверже и все настойчивей, и где-то совсем рядом нарастает, наконец, до такой силы, что под ногами, кажется, вздрагивает земля. Обрывается вдруг, начинает падать, делается все тише и тише и вслед за тракторами опять откатывается к дальним курганам, источается там в дрожавшем мареве и пропадает совсем.

Все чаще бабушка Гошехан поглядывает в ту сторону, откуда доносится тугой гул моторов, потом расстилает на столе большой платок, ставит посредине парусиновые туфли, кладет на них брюки и рубашку, а сверху устремляет кастрюльку с горячими пирожками. Завязывает концы платка, берет узелок и, наказав нам не баловаться, выходит за калитку.

Гул моторов приближается к околице, торопит, и она почти бежит ему навстречу.

То затихая на миг, а то снова взрываясь частой дробью, трактора уже разворачиваются в конце загона, вокруг стоит грозный рокот, от которого дрожит горячий воздух, все трясется, и сердце у нее замирает от страха, всю ее захлестывает жадная волна мучительной и сладкой тревоги... Кто там сидит в этих кабинках?

В заднем окошке первого трактора видит она узкий черный затылок, и ноги у нее разом слабеют... да вот же! Вот он, оказывается, где, ее Кандаур!

Ах, ты, хитрец ширококоротый! Значит, не стал заходить домой, а сразу сюда. Наверное, он возвращался с той стороны, от курганов, и завернул посмотреть... Конечно, в такой день у кого душа вытерпит?

Сухонькой рукою стаскивает она платок, стоит у края пашни простоволосая и совсем седая, подставив голову ярому солнцу да вольному в степи ветру. Широкой черною полосой тянется только что проборонованная земля, и к высокому голубому небу поднимается от нее сырой и теплый запах весны, вечный запах бессмертной жизни...

Маленькая моя бабушка! Где сейчас добрая твоя, терпеливая душа?

Стоишь ты сама не своя и думаешь, что прошли, наконец, твои печали, все вернулось на круг, и около твоего очага опять поселится счастье. Никогда ты не сомневалась, что сын твой придет, и вот оно, сбылось,— недаром ты звала его днем и ночью! И все, что было в прошлые годы, и чему только суждено случиться,— все в эту минуту кажется тебе радостным и полным тихого и ясного, как этот апрельский день, света...

Откуда-то с обочины протяжно, как всегда, позвала маленькая птица: верни-и-ись, Тигу!..

И бабушка Гошехан, встрепенувшись, живо обернулась на тонкий голосок:

— Ах, ты, бедняжка! Если бы и к тебе вернулся твой сын, ты тоже наконец успокоилась бы!

А рокот опять начинает приближаться. Бабушка, прижимая к груди свой узелок, делает шаг и другой навстречу, замирает, и сердце ее снова томится ожиданием.

Вот он все ближе, этот первый трактор, на котором едет сюда ее мальчик. Спасибо аллаху, он ничем не обделил ее в долгой жизни— это надо же быть такому счастью, какое ощущает она сейчас! От него можно задохнуться...

Накатившийся стальной гул опять лишил ее сил, ей кажется, это стучит у нее в висках. Ближе, ближе!..

И вдруг узелок падает у нее из рук... Нет, это не узелок, это выпал и безжалостно разбился зеленый и солнечный мир, который она только что радостно держала у себя на груди.

В том тракторе, который уже прошел,— не Кандаур!

Она начинает искать беспомощными глазами: может, ее мальчик отстал и идет вторым? Может быть, третьим? Мало ли что могло случиться? Он ведь не из тех, кто спешит только затем, чтобы обязательно быть первым. Он пойдет и последним, лишь бы не оставить огреха...

Но вот уже прошел и последний трактор. Куда он запропастился, Кандаур?

Она подносит к глазам узкую сухую ладошку, прикрывает от света. Но солнце как будто померкло среди белого дня, все подернулось мутной пеленой, за нею ничего не различить...

Когда трактора повернули обратно, она уже не встречает их взглядом, а смотрит вслед. За окошком первого опять виднеется узкий черный затылок.

Ах ты, говорит она про себя не очень уверенно, заставил меня волноваться. Да только разве я не вижу, что это ты?

Нет, не хочет расставаться с надеждой обманутое сердце— снова начинает лихорадочно верить.

Или она в самом деле не знает, какой у ее мальчишка затылок? Запомнила на всю жизнь, когда с вещевым мешком, который она сама ему сшила, стоял он у крыльца военкомата, когда потом первым в неровном, тяжелом строю шагал по улице...

И, как тогда, она тянет шею, чтобы видеть получше, и приподнимается на цыпочки.

Огромное степное солнце стоит в зените, и бабушке печет голову, но она ничего не замечает, просиявшими глазами жадно глядит вдаль, туда, куда ушли трактора.

Шум от них постепенно затихает за дальними курганами, и тогда из степи слышится тонкий зов птицы: верни-ись, Тигу, верни-ись! Верни-и-ись!

С

высоты диспетчерской башни, взметенной высоко над аэропортом, летное поле, взлетно-посадочная полоса, рулежные дорожки выглядят чертежным листом с нанесенными на нем тушью прямыми линиями, прямоугольниками бетонных покрытий, а самолеты-гиганты «Иль» и «Ту», элегантные сигарки «Яков» кажутся модельками, пластмассовыми модельками, которые каждый мальчишка старательно клеит из стандартных наборов конструкторов, продающихся в Доме игрушки или в «Детском мире». Для кого-то детская забава показалась достаточно серьезной, чтобы помочь

ПОЕТ МОРЗЯНКА...

ПЕРЕД ЗАЧЕТАМИ.

Научно-техническое творчество молодежи

В ВЪ В РЕЖЖ

Представьте себе многие изделия, чтобы достигнем цели быстрее выдумываем не только и onde, пусть самые блестящие экспериментал и выдумываем образцы ко и в, пыткад и пыткад, новые виды продукции.

И. И. И. И.
Генеральный секретарь ЦК КПС
имени К. И. БРЕЖНЕВА,
из XXV съезда КПС

НАЕДИНЕ С ПРИБОРАМИ.

СТУДЕНТЫ ЧЕТВЕРТОГО КУРСА НА ПРАКТИКЕ.

выбрать профессию, и вот эти самые неведомые нам «кто-то» осаждают по осени приемные комиссии институтов гражданской авиации в Киеве, Риге, Ленинграде, Актобинске, Москве.

Да, теперь и в Москве существует сравнительно новый вуз — Московский институт инженеров гражданской авиации. «Сравнительно», потому что создан он в 1971 году. А все-таки «новый», потому что не было еще выпуска из него, лишь только готовят дипломные проекты первые — будущие! — выпускники, которые придут завтра в аэропорты Москвы — Домодедово и Внуково, Шереметьево и Бьково, в научно-исследовательские институты. Так мечта, воплощавшаяся некогда в моделях аэропланов — действующих или нет, не суть важно! — станет для молодых специалистов гражданской авиации львом, жизнью, делом.

Перед новым институтом была поставлена главная задача, продиктованная закономерным процессом раз-

ПВОЖУ ЦИМ

Николай АКРИТОВ
Владимир ЧЕЙШВИЛИ
Фото авторов

вить Московского аэроузла: готовить специалистов для бурно развивающихся аэропортов. Судите сами: уже сегодня московские порты пропускают шестнадцать миллионов пассажиров в год, а через несколько лет эта цифра возрастет до сорока миллионов!

Современная летная техника становится все сложнее, и инженерное обеспечение технической надежности и безопасности полетов во многом зависит от надежной предполетной подготовки, за которую отвечают инженеры-эксплуатационники. Бортинженеров институт не готовит: кто захочет летать, после получения диплома пройдет занятия в учебно-тренировочном отряде и может идти в экипаж...

КОМСОМОЛКА МАРГАРИТА СМЕРНОВА — БУДУЩИЙ ИНЖЕНЕР АЭРОФЛОТА.

ПРОВЕРКА РАБОТЫ СИСТЕМЫ ПИТАНИЯ.

ЭВМ — НАДЕЖНЫЙ ПОМОЩНИК СТУДЕНТОВ.

— Наш вуз ориентируется не только на подготовку молодых специалистов,— говорит ректор МИИ ГА И. С. Голубев.— Мы их учим четко разбираться в потоке информации, обладать широким запасом знаний, которые они смогут использовать сегодня или завтра в своей профессии, прививаем исследовательские навыки. Теоретические знания наши студенты закрепляют, проходя стажировку непосредственно на рабочих местах передовых авиапредприятий, с которыми у нас налажен тесный контакт.

Большое внимание мы уделяем научно-техническому творчеству студентов, которое ведется по специальной программе, разработанной профессорами и преподавателями вуза. К услугам студентов — лаборатории вуза, оснащенные самым современным оборудованием, институтский вычислительный центр. Применение ЭВМ в экспериментах и в техническом творчестве стало необходимостью и помогает нам готовить специалистов, хорошо знающих свою область, и в совершенстве владеть современными способами исследований.

В течение всего периода обучения студенты имеют возможность изучать новинки авиационного оборудования и сами по мере своих сил и способностей проводить эксперименты и участвовать в разработках новых образцов техники.

Одна из основных проблем, над которой сейчас работают почти все учреждения гражданской авиации,— продолжает И. С. Голубев,— проблема важнейшая, насущная, едва ли не главная в авиации — проблема безопасности полетов. Работаем над ее решением — частных ее аспектов, конечно, и мы в институте — на кафедрах, в отраслевых лабораториях. Важным направлением повышения эффективности обслуживания авиационной техники становится широчайшее внедрение средств технической диагностики, позволяющей быстро и точно определить состояние отдельных узлов и агрегатов самолетов и наземных систем. Это и наша тема. И не только специалистов — аспирантов, инженеров, профессоров, — но и самих студентов. Скажем, такая работа, как «Метод контроля технического состояния подшипников качения в изделиях авиационной техники с помощью электронного диагностического прибора», — работа студенческая. Звучит сложно, а если попроще: методами, предложенными автором, мы сможем контролировать четкую работу антенн радиолокаторов. Важнейшая разработка!..

За эту тему студентка-заочница, а теперь сотрудница одной из кафедр института Алла Боброва получила в этом году третью премию на межвузовском конкурсе Министерства гражданской авиации на лучшую студенческую работу. Такие конкурсы министерство организует ежегодно, и трижды в них участвовали студенты «новорожденного» вуза — МИИ ГА. Работы на конкурс студенты представляют под девизами. Девизом Аллы Бобровой стал «Эффект». Что ж, она не ошиблась в выборе определения для своей темы. Ее эффективность подтвердили и ректор МИИ ГА, да и комиссия, присудившая премию студентке.

Спустя год после образования института в нем был создан Совет научно-исследовательских студенческих работ. Когда мы спросили председателя совета Евгения Владимировича Промыслова, сколько студентов в вузе занимается научно-техническим творчеством, он помялся немного и сказал виновато:

— Цифра невелика: процентов семьдесят...

Это не было кокетством руководителя, безмерно гордящегося «широчайшим охватом» студентов деятельностью своего совета. Дело в том, что в институте стараются именно каждого студента привлечь к работе на кафедре или в лаборатории, а там видно будет: сумеет он мыслить творчески или станет просто хорошим исполнителем, специалистом.

— Мы должны из сегодняшних сту-

дентов выбирать завтрашних аспирантов нашего вуза, готовить работников научно-исследовательских институтов гражданской авиации,— говорит Е. В. Промыслов.— А умение творчески мыслить, исследовательские способности проявляются как раз на студенческой скамье. Поработает студент лаборантом под руководством преподавателя — смотришь, он уже сам свою работу сделал. Пусть еще маленькую, незначительную, но свою...

Ежегодно руководители лабораторий, кафедр рассматривают такие студенческие работы (даже «самые незначительные», пользуясь оценкой Промыслова) и представляют их комиссии Совета по научно-исследовательской работе студентов. А уж комиссия выдвигает лучшие на Всесоюзный конкурс. Так была выдвинута тема Аллы Бобровой. Так была замечена работа под девизом «Акцент». Ее авторы — студенты пятого курса Виктор Масляков и Василий Сериков исследовали методы посадки самолетов с помощью луча лазера.

— Если удастся осуществить в конце концов эти методы в практической работе аэропортов,— говорит Промыслов,— то это очень поможет обеспечению безопасности посадок машин. До сих пор, как известно, посадка самолета осуществляется с помощью радиосистем. Воздух над аэропортом буквально «набит» ра-

диосигналами, «перегружен» ими до отказа. Лазерный луч «разгрузит» воздух, да и точность посадки станет выше. «Акцент» — часть общей темы, решением которой занимается и наш институт, немаловажная часть. Недаром работа Маслякова и Серикова отмечена на конкурсе первой премией.

Раз уж мы заговорили о недавнем конкурсе, то стоит подчеркнуть, что научный диапазон студенческих научно-исследовательских работ в институте достаточно широк. Например, вторую премию получила тема студента Алексея Бубнова, в которой он доказывает экономическую целесообразность контейнерных унифицированных перевозок грузов с помощью авиации — так, как это уже делается в морском флоте. Пока это лишь предварительный расчет, предложение на будущее. А вот студенческая работа «Физико-химия поверхностей и надежности авиационных материалов», в которой доказано, как можно повысить износостойкость стальных конструкций, их сопротивляемость коррозии, уже внедрена в промышленность, и экономический эффект составил пятьдесят тысяч рублей.

Сергей Киреев и Александр Захаров учатся на четвертом курсе, и их научно-техническое творчество, как, впрочем, у многих студентов, имеет узкопрактическое направление: совершенствование учебного процесса.

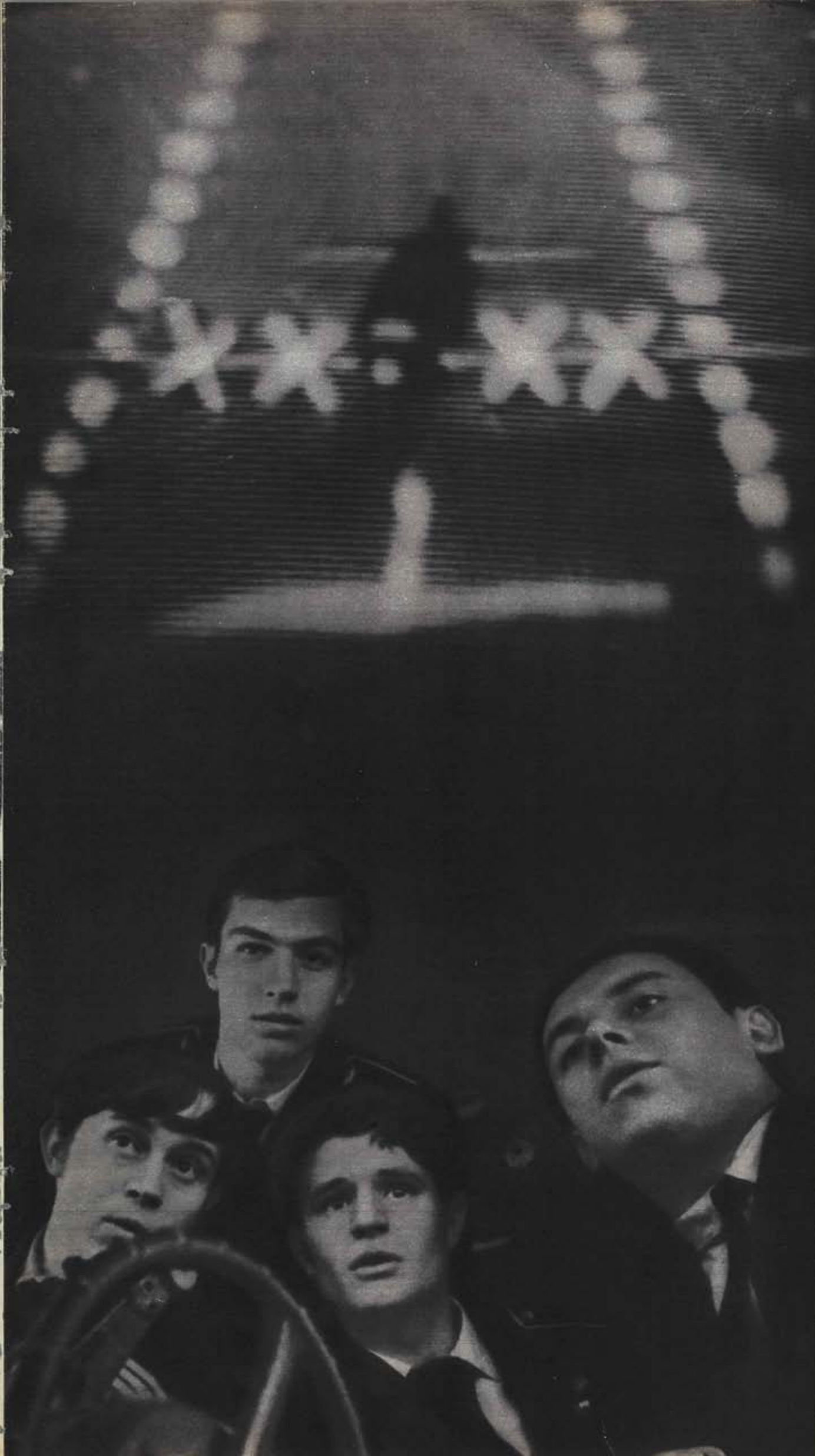
ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО.

КАК САМОЧУВСТВИЕ, ДВИГАТЕЛЬ?

Точнее, создание стенда на транзисторах для проведения лабораторных работ по курсу «Радиопередающие устройства». Созданием аналогичного стенда занимались и студенты Киевского и Рижского институтов, но пока не добились желаемых результатов. В прошлом году Киреев и Захаров выступили в Киеве с докладом на эту тему на студенческой конференции. Их замыслами заинтересовались на многих авиапредприятиях, звонят в институт, спрашивают: как идут дела. Ребята отвечают, что схема пока собрана на панелях, уже работает, остается смонтировать в блок, а там и до конечного результата недалеко.

Александра и Сергея свела вместе любовь к радиотехнике, свела, несмотря на разницу в возрасте: Захаров армию прошел, а Киреев поступил в институт на радиотехнический факультет через год после окончания школы. Но вот сдружились, и не помешали несколько лет разницы, вместе на лекциях сидят, вместе конспекты пишут, вместе придумывают и чертят свои радиосхемы, вместе пропадают в лаборатории, готовя свой стенд.

...Сергей прикрепил микроамперметр в блок и включил питание.

— Вывожу в режим.— И подвинулся поближе к осциллографу. На экране вырисовалась правильная синусоида, но прибор показывал не то, что надо.

— Ты уверен, что диоды нормальные?

— Не в диодах дело,— рассеянно ответил Саша, вычерчивая на бумаге новый элемент схемы.— Мне кажется, нашу схему надо еще раз пересчитать. Где линейка?

— Зачем тебе логарифмичка? Я сейчас сбегу в лабораторию вычислительной техники и вмиг пересчитаю. Готовь данные.

— Разленился ты в последнее время.

— Моя лень считать на линейке оборачивается положительной стороной: я нашел общий язык с ЭВМ. Тем более к ней в очереди стоять не надо: всех успеваешь обслужить. Еще немного поучусь и смогу управляться с ней, как Земеров. Помнишь его доклад на последней конференции?

Конечно, Александр помнил. Среди шестидесяти докладов, прочитанных в прошлом году на научно-технических студенческих конференциях, ему запомнились 5—6 интересных, но особенно доклад пятикурсника Валерия Земерова. Название работы громоздкое, но помнил он его хорошо: «Алгоритмизация расчета стартовой массы системы энергоснабжения летательных аппаратов». Не случайно Сережа запомнил именно эту работу. Захаров, серьезный и вдумчивый друг, уже сейчас, на четвертом курсе, четко видит свою цель: после защиты диплома продолжать научную работу. Теоретическая работа Земерова понравилась ему нестандартным, смелым подходом к совершенно новой проблеме, которой до этого никто всерьез не занимался. Существует семь самолетных систем энергоснабжения. С помощью специально разработанного алгоритма можно посчитать каждую цепь с учетом количества потребителей, их мощности, коэффициента полезного действия генераторов, а вычислительная машина выдаст схему оптимальной системы.

Надо сказать, что работой Земерова заинтересовался не только Александр, но понравилась она и Совету НИРС института, и в Министерстве гражданской авиации. При некоторых доработках ее можно применять в расчетах энергоснабжения самолетов, что позволит добиться оптимального веса энергосистем. Это немаловажно: один килограмм лишнего веса на борту—шесть тысяч рублей за срок эксплуатации!

За четыре года существования Совета НИРС института выполнено семь хозрасчетных договоров на общую сумму четыреста тысяч рублей. Только в минувшем году подано девятнадцать заявок, пятнадцать рацпредложений, получено семь авторских свидетельств, опубликовано пятьдесят шесть научных работ, выставлено две экспозиции на ВДНХ, а результат—три золотые, две серебряные, шесть бронзовых медалей. Выходит, прав председатель совета Е. В. Проmysлов, когда заявляет:

— Мы стараемся, чтобы каждая студенческая работа была, как принято говорить, реальной.

Может быть, именно такой работой станет и стенд Киреева и Захарова. Они сейчас снова, чертыхаясь всюю, разбирают блок.

— И когда будут выпускать стенды на полупроводниках?— ворчит Александр.

— А чего ждать?— удивляется его друг.— Сделаем свой, он и пойдет в серию.

— Его еще доводить и доводить...
— Доведем,— твердо сказал Сергей.

ПИСЬМА СЫНУ

Автор писем—Михаил Васильевич Рогов, известный журналист, специальный корреспондент газеты «Известия». Он прожил большую, интересную жизнь. Юношей в 1917 году Рогов стал солдатом революции. Воевал под Псковом, Лугой, освобождал Архангельск от беломятежников. На фронтах гражданской войны прошел путь от рядового солдата до командира полка.

В годы Великой Отечественной войны ушел добровольцем в полк московских рабочих. Несколько раз был ранен. Рогов сражался с врагом не только оружием, но и острым, боевым пером журналиста.

М. В. Рогов—один из ветеранов большевистской печати, неутомимый труженик. Он щедро отдавал молодым свой огромный жизненный опыт и разносторонние знания. В 1965 году его не стало.

Письма, которые мы предлагаем читателям, посылались Роговым сыну из действующей армии на протяжении почти четырех лет войны. Обратный адрес тогда у них был один—полевая почта... Тем не менее нетрудно установить, что отправлялись они из самых горячих точек войны. Последнее из сохранившихся писем послано из Польши.

Остается добавить, что мечта отца сбылась—сын стал архитектором, хорошим архитектором и честным человеком. Таким, каким его хотел видеть отец, сражавшийся за Родину.

7 октября 1941 г. Москва.

...Крутая дорога войны тревожит своей протяженностью, воронками, колеями окопов... За себя я спокоен, и чем дальше, тем крепче становится ненависть и потребность, понимаешь—потребность мстить. Говорил на днях с командиром, который дрался на моей родной станции Шимск, выбивал гадов с завода. Он мне нарисовал план, и я увидел дом, где я вырос, раздавлен танками; мост, под которым в детстве ловил рыбу, уничтожен; все, с чем детство и юность мои связаны, разорено...

19 января 1942 г.

Илюнька, мальчик родной! Эту бумагу я приготовил, чтобы написать тебе новогоднее письмо. Не удалось. Пришлось встречать Новый год при большой «грозе», под бетонным куполом нашего дота. Вдвоем с товарищем мы встретили Новый год теплым рукопожатием, вспомнили вас—самых родных—и выпили из баклажных по 200 г холодной-холодной водочки. За вас—за своих наследников на солнечном свете, на радостной земле... Не удалось написать и вскорости. Боевая служба. Темь в землянке. Мороз на свету. Зато сегодня я пишу в хате, хотя сижу в шинели, а чернила приходится подогревать в ладонях. Но блаженствую: впервые за три месяца пишу чернилами. Превеликое это удовольствие!.. От тебя я получил два письма, таких умных, ободряющих и сердечных. Презрение, которое ты испытываешь к подлым и мелким душам, обрадовало меня, как глоток родниковой воды летом: значит, ты по-настоящему мужеешь, начинаешь понимать людей и учиться ненавидеть. Ненависть, ненависть и еще раз ненависть—вот что нужно нам, чтобы защитить жизнь, исполненную дружбы, товарищества и великой человечности.

Хорошо, что ты с юношества видишь людской хлам, душевный мусор и рухлядь. Значит, ты усвоишь и мораль строителей новой жизни на земле, мораль, диктующую нам наше поведение в жизни и бою. Не подведи меня, я в тебя верю! Хочу тебе повторить свое новогоднее пожелание, его

я произнес и отправил мысленно, прикорнув у пулемета: думай, мальчик! До всех явлений жизни доходи разумом; раздумывай, размышляй! Мучительно тебе иногда будет; ты попадешь не в один тупик, побродишь бессильными ногами по лабиринтам противоречий. Не смущайся! Только так воспитаешь свой разум, свой ум. В том помогут тебе книги. Выбирай, советуйся с мамой, со мной. Книжки тебя ко многому подготовят, если ты их прочтешь, размышляя, раздумывая над страницами.

Руки мои замерзли, и большое письмо сжимается от холода. Но холода скоро окончатся—письма станут приходить к вам почаще и не такие мазаные. Мы с тобой обменяемся не одним десятком их: коричневую рвань придется выметать долго. Это я говорю к тому, чтобы посоветовать и маме и тебе: если вы ожидаете меня, то запаситесь терпением полярников, хотя и живете в солнечном краю. Я вернусь не скоро, но вернусь обязательно, быть может, тогда, когда и вы меня перестанете ждать. Крута солдатская доля, но я не брошу свой котелок, пока не выхлебаю его до последней ложки. Так написано мне на роду.

25 февраля 1942 г.

Милый мальчик! Пишу тебе в момент бомбежки, сидя в укрытии. Ждем приказа о продвижении вперед. Фрицев гоним по всем правилам—тот, кто вошел на нашу землю, тут и останется, запорошенный снегом. Трофеи наши также велики: гансы, убегая, бросают даже свои солдатские ранцы. Мне воевать трудно—староват я, но без нытья и жалоб несу свои обязанности пулеметной головы в боевом расчете. Это очень радостно ощущать и переживать. Если мои письма редки, то виновато наше новое направление: отсюда далеко до железных дорог и городов. Завершая грандиозное окружение немцев, мы бьем врага с неожиданных подходов из тыла, бьем насмерть. Успокой маму, помогай ей всячески—этим ты и мне поможешь без волнений, сосредоточенно исполнять свои обязанности перед Родиной и народом. Надеюсь на тебя, мальчик, что и

ты честно исполняешь свои обязанности советского юноши в дни войны за Великое Счастье. Целую тебя. Михвас.

6 марта 1942 г.

Милый мой мальчик, Илюшок мой! Пишу тебе из госпиталя—ранен пулей в плечо и лопатку. Рана легкая, лечить меня будут в полевом госпитале, где пробуду 2—3 недели. Успокой маму—дело на фронте обыкновенное. Хотя рана и мозжит, настроение у меня великолепное, готовлюсь к майской битве. Очень тоскую по маме, по тебе—писем нет и долго-долго не будет. У меня нет пока адреса—госпиталь наш передвижной, нет у меня и своей части, не осталось ни одного товарища—все придется заводить заново после выздоровления; тогда же буду и списываться с вами. Помните меня, ожидайте меня: я вернусь к вам любящим и верным другом, чтобы вместе жить и творить.

12 марта 1942 г.

Илюнько, родной мой! Ты часто пророчил: «Быть тебе кашеваром-поваром в армии». Таким я и оказался в последнее время—именно поваром, хотя и «особого назначения». Недавно наши летчики сбили гитлеровский почтовый самолет. Во всех письмах на родину фашисты сообщают своим: «Мы попали в котел», «Мы—в глубоком котле», «Над котлом нашим опускается уже герметическая крышка». «Попасть в котел»—дословно значит «попасть в окружение». После такой лингвистической справки ты иобрази, что я за повар: наша армия загнала в котел огромное количество фашистов... Приятно это сознавать, мальчик; от сознания своей военной полноценности и раны меньше болят и трудности легче переносятся.

Ранили меня 1 марта под вечер во время контратаки немцев на деревню, которую мы заняли после десятичасового ночного боя; ранил меня автоматчик, забравшийся к нам в тыл. Мой командир его пристрелил, но поздновато. Вообще ночь выдалась весьма хлопотливой. Наступали мы при поддержке танков, немцы ударили по танкам бронбойно-зажигательными. В танки они не попали, а мне всадили одну пулю в правую руку, прожгли шинель и зажгли на мне телогрейку. Пришлось под злейшим огнем всех видов приподняться и сбрасывать с себя горящую телогрейку, чтобы не сгореть заживо. После этого опять лег за щиток. А днем малюсенький осколочек мины просек мне верхнюю губу и застрял над зубом, потом шинель мою располосовал другой осколок. Когда теперь на койке все это начинаешь вспоминать, то так и кажется, что судьба покрикивала мне среди боя: «Эй, берегись, Михвас! Эй, посторонись, Михвас, тут смерть гуляет!»

Когда я вернусь и сяду писать свою книгу, то страницы боев мне будет легко создавать—я видел все открытыми глазами и во многом смогу исправить батальные картины, существующие в нашей литературе; на линии огня я набираю точные слова для будущей книги и верю, что на своем закате окажусь одним из литературных богатей—мне останется только записать пережитое, чтобы получилась книга большого звучания. Твой Михвас.

19 марта 1942 г.

Сегодня двенадцатые сутки, как я в госпитале, и раны совсем подсохли. Рука движется удовлетворительно, поднимается и сгибается в локте, хотя боль в плече и дает себя порой знать. Побаливает оттого, что пуля затронула малость лопатку. Дух у меня бодрый, тому способствуют вести с огневых рубежей: котел, о котором я писал тебе, кипит

при смертельной температуре — немцы гибнут с национально-прусской методичностью в каждом населенном пункте; крышка, завернутая над котлом, как над походной кухней, паронепроницаема. Все это — с подробностями — я ежедневно слышу от одноармейцев, прибывающих к нам с новостями из только что занятых деревень. Физически я здоров, как никогда: толст, краснощек, с двойным подбородком — раскормили здесь меня, как предпраздничного индюка... Послал тебе денег на день рождения. Обнимаю тебя. Твой Михвас.

21 марта 1942 г.

Илюнько, родной! Вот я и снова солдат, капитально отремонтированный, на славу откормленный, отдохнувший, свежий, бритый, чистый и веселый. Еду по земле своей древней пятины, к городу, в котором рос и мужал, еду на огневой рубеж, пролегающий по реке, в которой я купался и ловил красноперых окуней, еду на весеннюю пахоту, на осеннюю корчевку, на осушение древних земель от крови, стонов и муки. Пожелай мне, мальчик, доброго пути и боевой удачи. Возможно, что письма теперь от меня станут редкими, а быть может, их и вовсе не будет месяца два. Не давай в это время маме киснуть, нервничать — объясни ей, что мое молчание связано с характером задания, на которое я иду, а не с бедой... Да и сам не чурайся труда, даже самого грубого и потного, — войну мы не выиграем кровью, если не выиграем ее потом. Твой труд, мамина работа Родне нашей так же необходимы, как и мой опыт, моя кровь, мое умение бить из пулемета на любую дистанцию с одинаковым самообладанием и хладнокровием. Твой Михвас.

15 апреля 1942 г.

Илюнько! Отправив тебе письмо, распрощался с тобой надолго, а сегодня говорю снова: здравствуй, мальчик! Рука подвела меня на последнем освидетельствовании перед выходом на выполнение особого задания — послали долечиваться в батальон выздоравливающих. Здесь я пробуду дней 10—15, суждено еще раз пройти через мялку физиотерапевта. Живу я в древней русской деревеньке; здесь некогда останавливался на ночлег Александр Сергеевич, упоминает о ней в своем «Путешествии» и Радищев. Жину с товарищами в пустой хате, на берегу озера, на опушке леса... Много, мальчик, думаю о тебе, о судьбе, тебя ожидающей. И хочу, чтобы думы оказались «в руку», но при условии, что сбываться они начнут, когда ты окончишь десятилетку. Если ты сейчас работаешь в поле, работай честно, вложи душу в потный, но благородный труд, чтобы с осени снова сесть за книгу. Если ты проходишь военное обучение, будь образцовым солдатом. Покжм мне руку, милый мой друг и мужающий товарищ! Михвас.

30 мая 1942 г.

Дорогие мои! Вчера меня вызвали из Едрова в Валдай и здесь оставили на работе. Уезжал я из Едрова с неохотой. В Валдае придется очень много работать, работать по ночам... Здесь встретил товарища Герцака, каликаем с ним по вечерам, зовут на ночные рыбалки на озеро. Попробую съездить. Сообщаю свой новый временный адрес.

4 июня 1942 г.

Илюнька, взрослый! По расчету времени ты — десятого класса юноша. Поздравляю тебя, надеюсь, что год был удачным и успешным, что ты стал мускулистее, богаче душой; что похож ты сейчас на обогащенную железную

руду, из которой плавят сталь, минуя стадию остуженного чугуна. Это самая счастливая пора твоей жизни; ощути ее, не прозевай, Илюнько; бори трудности, ломай препятствия; и как можно больше читай, все отлагается в твою пору на долгую жизнь; вот в эти годы и запоминают до смерти Пушкина, Тютчева, Лермонтова и Фета, страницы из Тургенева и Льва Толстого. Если ты мне скажешь, что обстановка не позволяет, я тебе не поверю. Я сам в январе этого года перечитывал страницы «Войны и мира» в бетонном пулеметном гнезде, под морозным солнцем: выходил в ход сообщения, пристраивал книгу на снежном бруствере — и читал с упоением. Надо читать, взрослый мой мальчик! О себе могу сообщить мало. Делаю передачи, веду их с знакомым тебе товарищем Герцыком, орудую микрофоном, как своим старым оружием, за которым меня ранили, работаю в тех же районах, лесных, холмистых... Пиши мне, Илюнько, обо всем — о фактах, людях, наблюдениях, а главное — о думах и размышлениях своих молодых. Обнимаю тебя, родной. Михвас.

8 августа 1942 г.

Мальчик милый! Обрадуй меня большой радостью: соберись с силами, выдержи конкурс в архитектурный институт. Я много думал о твоём выборе; это точный прицел на большое творчество, которое особенно будет необходимо народу после войны. Ведь все разрушенное придется воссоздавать, а сколько придется строить заново — дух захватывает. Мы и разрушаем здесь, памятуя, что дети наши отстроятся на земле еще краше, чем было в поселении отцов. Это первый твой случай в жизни, когда от тебя твое будущее требует многолетней заявки. Благословляю тебя, сын! Твой отец.

12 августа 1942 г.

Родные мои! Поздравления с чином не принимаю: это должность, а не воинское звание, для меня — пулеметчика — обидное. Опасаюсь, что старому «максиму» я в ближайшие дни изменю — стану молодым автоматчиком. Во мне открылись явные и большие способности к этому оружию. Оказывается, я хорошо знаю и ППД и ПППШ. Пришлось познакомиться с такой темой, как батальон в обороне и в наступлении, совмещаю это знакомство с очередной радиопередачей. Как видите, нагрузка у меня полная: заряжен подобно диску — на все 72 патрона. Открыточка ваша меня успокоила: стало быть, у сына к празднику обнова. Когда-то я очень любил сам и сапоги, и галифе, и тонкую гимнастерку. Было это в Илюнькином возрасте... Моя жизнь? Пестрая, плохо организованная, с большими военными помехами: фронт я здесь больше ощущаю, чем в пулеметной роте, как сие ни парадоксально. Единственный плюс — крыша и крепкие сапоги — сухие ноги, когда сплю, то на шинель не каплет... Обнимаю вас, милые. Михвас.

14 августа 1942 г.

Илюнько, милый!.. Я подтянут и телом, и душой, и разумом. Думаю, что и ты подтянулся. Нам, русским, чтобы жить, надо сейчас выстоять, каждому на своем посту, где нас застигла гроза. Учись, милый мой сын, с самым высоким напряжением, на которое способен. Это твой пост, ибо залечивать раны, обстраивать землю придется таким молодым, как ты, сынок. Обнимаю тебя.

19 августа 1942 г.

Родной! Тебе сегодня семнадцать. Целую тебя, милый

Илюнько, поздравляю. Хочу, чтобы ты сегодня о многом подумал: для тебя возник некий рубеж, который ты переступаешь, — отрочество окончилось, юность твоя спрессована до предела, зреешь ты при подсветах войны, а это весьма интенсивный свет. Хоть в «кармане» у тебя и 10 классов, но не верь себе: ты скороспелый, зеленый горошек. Ведь война, Илюнько, коснулась твоей жизни более чем легко, помни это всегда и будь не только честным в труде, но и благодарным стране за возможности, которыми ты пользуешься и которых начисто лишены миллионы твоих сверстников. Сегодня ровно год, как мы разъехались, но мы не расстались: росли в нашей жизни не было, хотя между нами и 4000 километров. Свидимся мы, вероятно, не скоро, я увижу тебя уже взрослым, сформировавшимся. И если у нас не было разлук за год минувший, пусть не будет их и при встрече. Я хочу встретить тебя таким, каким ты обязан стать и перед собой и перед народом: очень стойким, очень прямодушным, но прямодушным от глубокой души, а не от элементарности, очень богатым эмоциями — отзывчивым на мир, на ливню, на цвет, понимающим не столько набор и законы смешения красок, сколько радуго после июльского дождя. Хочу встретить тебя шагающим по жизни без смущения и робости, без выливания и одышки... Я пишу тебе, сын, не завещание, а совет отца, много думавшего о твоей жизни среди смертей и большой крови. Именно здесь ты формируешься для меня таким, каким я хочу тебя видеть... Будь здоров, сын, расти честным и умным. Люби маму и меня. Для тебя мы все сделаем. Твой отец.

14 сентября 1942 г.

Сынок мой хороший! Очень, очень обрадовал ты меня своей открыткой-рапортом о зачислении в АИ. Ну, родной, держись за гуж, коли взялся. Дела сейчас так повернулись, что небо — наша будущая кровля. Оно родное, русское, под ним не пропадем, выдюжим. Будет и ночлег. Будет и стол письменный, но право сесть за него надо добыть в походе. Не смей завидовать дряни, под шумок заползающей в пору обжитую: живи на сквозняке, от этого ты не умрешь, а чище будешь. Поверь, что будущее вслед за такой войной не может принадлежать никому иному, кроме людей безупречного поведения. Поделуй маму за меня, поклонись, студент, хозяевам дома вашего и считай за мной выживку по случаю твоего семнадцатилетия, совпавшего со вступлением в студенческую жизнь. Михвас.

12 марта 1943 г.

Вот и отлично, милый мой сын, что ты стал полноценным курсантом. Обнимаю тебя, родной, как отец, и поздравляю как капитан воздушного флота, как старый пулеметчик русской армии. Но — смотри! С первого же дня не скользи, а ставь ногу крепко, по-солдатски. Тебе надо скоро и хорошо пройти *крутую* выучку, чтобы стать офицером. Не жалея своих молодых костей; потей, но строго, точно и с охотой — *всегда с охотой!* — выполняй всякое приказание. Не смей в среде кичиться своим московским происхождением, своим студенческим прошлым, даже если твои командиры — люди с малым образованием. Не смей выказывать свое превосходство в интеллекте, ты жизни не знаешь, как таковой, ты ее в поту и труде, в подчиненности и послушании узнай. Только тогда твой интеллект обрстет сильной, бодрой, жизнедеятельной мускулатурой. Служи, мальчик мой, образцово и скромно. Только на это я тебя благословляю. Сводки Совинформбюро ты читаешь, стало быть, понимаешь, что писать мне недосуг. Но хоть коротко,

а писать буду. Не скучай! Целую тебя крепко, Илюнько, милый. Твой Михвас!

10 мая 1943 г.

Родной! Тороплюсь обрадовать тебя своей большой радостью—29 апреля меня наградили орденом Красной Звезды. Поздравь меня, мальчик! Теперь дело за тобой, и вся наша семья будет орденосной! Стало быть, когда мы с тобой вернемся к маме, то она уже не будет задаваться своим орденом: мы ее догнали. Пишу тебе издали, от места своей работы... У меня не совсем удобные для переписки обстоятельства, которые все время изменяются в радиусе 150—200 километров. Я здоров, работаю и очень сосредоточен на том деле, которое делаю. Не все складывается ладно, но на войне надо уметь хранить спокойствие, терпение и выдержку, как НЗ в вещевом мешке. Этому я учился и, кажется, с пользой. Обнимаю тебя, сын, радостно и крепко. Отец.

8 сентября 1943 г.

Родной мой! Писем от тебя нет давно, да и сам я не писал тебе долго. Винавата в том, кроме оперативной занятости, некая неопределенность.

Когда ты мечтаешь на одну тему: «Кем стать? Кем быть?»—и пытливо перебираешь профессии, примеряя к каждой из них свои склонности, ты честен сам с собой. Таким свободным жизнелюбом вырастила тебя Родина. Но, мальчик мой, ты упускаешь одно—движение и пути развития общества, нашей страны. Тебе кажется, что хотя идет война, но в жизни, в твоём росте и развитии, в их путях ничего не случилось. Окончится война, думаешь ты, пройдет демобилизация, все разъедутся по домам и начнут жить с того места, на котором их война застала. Это не так. Война изменила основной критерий мужской полноценности в нашем обществе, а следовательно, и твой, Илюнько.

Война с особой остротой открыла нам глаза на обязанности советского человека от рождения до смерти: раньше, чем он выберет свое место в жизни, он обязан запомнить свое место в военном строю. После победы над Гитлером наша социалистическая Родина останется в условиях сосуществования с капиталистическим миром. Стало быть, военная охрана строительства нашего сныта не будет. А раз так, то каждый мужчина, прежде чем готовить себя к творчеству личному, к дерзостному раскрытию своих дарований, склонностей, способностей, должен будет приоткрыть себя к квалифицированной защите своего права жить под советской звездой. Говоря другими словами: прежде чем стать рабочим, инженером, писателем, архитектором, журналистом, наш советский юноша будет обязан показать народу свое умение защищать его. И мужская гражданская полноценность после войны будет измеряться одной мерой—воинским званием, как свидетельством твоих способностей к защите Отчизны. Во всем этом и заключен мой ответ на твои вопросы: до тех дней, когда тебя произведут в офицеры, до той поры, когда ты покажешь своему народу свою воинскую квалификацию, до дня, когда тебя поставят в строй по ранжиру твоих знаний, а не по физическим качествам,—до всего этого ты не имеешь права—я тебе говорю прямо, как всегда,—думать о будущем. Вот когда ты послужишь Родине, она и даст тебе право выбирать профессию по склонности, зная, что в нужный час она найдет в тебе квалифицированного защитника. Именно с этого конца, мальчик, и надо начинать строить свою жизнелюбивую мечту. Отец.

4 сентября 1944 г.

Сынок! Очередной обрыв связи произошел по стандартной причине: путешествовал по доверенным мне вотчинам—ездил русскими трактами до известного тебе города. А с этой открытки связь снова оборвется. Все остальное у меня ходит в прилаженной запряжке, впрочем, возможно, мне это так кажется, а на самом деле хожу в запряжке я сам и мною погоняют обстоятельства. Ну, да не будем вдаваться в аналитику. Письма твои милые приходят исправно, но главное в них не ясно: когда же ты окончишь училище и кем?.. Обнимаю тебя, родной. Отец.

10 ноября 1944 г.

Сынок! Можешь послать мне свое почтительное поздравление: твой Михвас стал дважды орденосцем—награжден орденом Отечественной войны, пока II степени... У меня все в порядке, в ладной норме: и работа, и здоровье, и—соответственно—настроение. Да, стал я наконец щеголем: окителся, ношу свою лысую голову в твердом хомутке с голубым кантиком. Старик стал—на загляденье! Когда же ты обретишь форму взрослого воина?

13 ноября 1944 г.

Милый мой! У меня все в ладу, в добром и веселом здравии. От тебя открытки давно не приходили. Вероятно, ты занят экзаменами. Желаю тебе точных и умных ответов. Есть у меня одна новость, она—в моем новом адресе, обрати на него внимание! Другая «новость»: на старости лет изучаю польский язык... Да, как твоя новая шинель? Дошли до тебя мои маленькие переводы? Будь здоров, обнимаю. Отец.

Анатолий ЖАРЕНОВ

ПОВЕСТЬ

Фамильная реликвия

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

— Каково, а? Преступница! Моя дочь—преступница! Ты слышишь, Томочка? Почему ты молчишь, как Валаамова ослица?

Федор Васильевич Казаков ртутным шариком катался по комнате. Его жена сидела в кресле, уставив отрешенный взор куда-то вверх. Бывший актер, о котором до этой встречи я знал только со слов Лаврухина и Пети Саватеева, оказался на удивление подвижным и крепким стариком, несмотря на нездоровую полноту и мешки под глазами. Томочка была худенькой, этакой сублильной старушкой с букольками, присыпанными серым пеплом прожитых лет. Федор же бегал молодцом и рычал, словно лев в пустыне. И одышка не мучила. И трость ему вроде бы и не нужна была.

Она стояла в углу, черная лакированная трость с резиновым набалдашником. Я ее даже гуляла в руках подержал. Нет, не похоже было, что гуляла эта трость по чужим головам. Но ведь и другую палку можно было взять в руки, думал я, глядя на трость, на Казакова, на его Томочку.

А Казаков витийствовал.

Продолжение. Начало в №№ 7—8.

Да, витийствовал Федор Казаков—другого слова тут, пожалуй, и не подобрать. Петя Саватеев, правда, употребил более современную формулировку. «Старик любит выступать»,—сказал он. Я бы добавил к этому, что старик еще любит играть в «перевертыши». Сознательно или бессознательно, не знаю, но он отбирал у слов и понятий смысл, присущий им изначально; он опрокидывал этот смысл, искажал, и в результате получалось что-то чудовищное, иногда глупое, а иногда и кощунственное. Валаамова ослица прославилась тем, что однажды заговорила, а Казаков спрашивал: «Почему ты молчишь, как...» Фраза: «Моя дочь—преступница!»—в устах Казакова звучала гордо, он произносил ее так, как если бы говорил: «Моя дочь—космонавт!» Валя Цыбина как-то обмолвилась, что отец у Леры «с приветом». Но это было слишком прямолинейное и примитивное определение. Лаврухин считал, что Казаков «заигрался», что сорок лет ежевечерних перевоплощений не прошли для него бесследно. Актер вошел в образ, сотканный из обрывков ролей, из черточек характеров: Казаков не был ни Фальстафом, ни Тартюфом, ни Шмагой, но в нем было что-то и от Фальстафа, и от Тартюфа, и от Шмаги, и от десятков других персонажей, жизнью которых он жил на сцене. И от каждого он оставил что-то себе, оставил безотчетно, бездумно; просто оно само

сначала впечаталось в мозг, а потом растворилось в личности Казакова.

Томочка, Тамара Михайловна, старушка с седыми буклями. В юности она тоже стремилась на сцену, но не вышло из нее ни инжени, ни великой трагической актрисы. Родилась Лирочка. В сороковом году родилась Лирочка-Велирочка. А в сорок первом началась война, и театр в Заозерске перестал функционировать. Муж ушел на фронт, а Тамара Михайловна выучилась стучать на машинке. И так и стучала до пенсии, до седины в буклях, и под этот стук умирали в ней и Дездемона и Мария Стюарт, умирали невоплощенные, неоткрытые, несыгранные.

Так думал я, так мне казалось. Может быть, я неправильно думал, может, все обстояло не так, может, все было проще—без вздохов, сожалений и слез. Но когда Тамара Михайловна была Томочкой, то ей очень хотелось сыграть Дездемону. Об этом она сказала сама, сказала, когда я рассматривал афиши, которыми были обклеены стены гостиной. Афиш было много, они назойливо мельтешили в глазах, и в то же время эта красочная разноголосица сплеталась в некий рисунок, всматриваясь в который внимательный наблюдатель мог бы увидеть много интересного. Я уже не говорю о том, что в афишах, как в зеркале, отражалась история нашего городского театра. Любопытно было бы проследить, например, за тем, как из года в год менялся репертуар. Но так как я не был искусствоведам, то этой целью и не задавался. Я просто смотрел, смотрел и слушал, что мне говорит Тамара Михайловна. Мне пришлось с полчаса внимать ей и глядеть на афиши, потому что самого Казакова не было дома, когда я пришел, а мне нужен был он, или по крайней мере я думал, что именно он нужен мне. Я так и сказал Тамаре Михайловне, и она повела меня в гостиную и стала показывать афиши и говорить о театре, о своих несбывшихся желаниях, о Дездемоне, которую ей когда-то хотелось сыграть, но сыграла Дездемону не она, а какая-то Надеждина.

Тамара Михайловна даже показала мне эту Дездемону—Надеждину, она показала мне также и другие фотографии, только себя она не показала, потому что роли у нее были маленькие, проходные, а вот у Надеждиной роли были что надо, отличные роли, чего нельзя сказать о самой Надеждиной, пустой в общем-то женщине и бездарной актрисе. Я слушал и не слушал Тамару Михайловну. Я смотрел на ее изрядно потертое временем лицо и думал о том, что есть чувство долговечнее любви. Здорово ненавидела Тамара Михайловна эту Надеждину. Она пронесла свою ненависть через годы, и чувство ее несколько не замутилось, оно сверкало, как кристалл, в лучах воспоминаний.

Я слушал и не слушал Тамару Михайловну. Мне не было дела до ее неудач, до той самой Надеждиной. И невдомек мне было, что именно в этот момент передо мной приоткрывалась шкатулка с семейными тайнами. Невдомек мне было, что стоило только покопаться в ларце, и я бы понял, кто убил Вито Лютикова и почему, собственно, возникло темное дело, которым мы занимались.

Мне бы почитать афиши, мне бы послушать Тамару Михайловну, почувствовать ей, позволить ей утонуть в воспоминаниях... И, может быть, тогда произнесла бы она заветные слова и я пришел бы к Лаврухину с ключом в руках.

Но, может, и не произнесла бы она заветных слов. Это сейчас мне кажется, что стоял я рядом с разгадкой. А тогда...

Тогда я просто дождался Казакова. Мне хотелось взглянуть на него. Посмотреть на выражение его лица, прикинуть, способен ли он бегать в ночное время по умеренно пересеченной местности.

Мне показалось, что он способен. А выражение лица... Сначала на нем было написано негодование. Он догадался, кто я такой. Он швырнул палку в угол, шариком прокатился по комнате и закричал:

— Что, телеграмма? «Да, сэр, я все это сделал. Вот я и ответил».

* Слова Фальстафа из комедии Шекспира «Видздорские насмешницы».

Из какой пьесы он выдернул «сэра», мне было неизвестно. О телеграмме я его не спрашивал. Поэтому и изумился неожиданному признанию. Старик, до сих пор отрицавший причастность к телеграмме, вдруг заявил о своем авторстве, да еще с какой-то торжественностью. Было чему удивляться. Ведь я впервые встретился с Казаковым и еще не знал о его привычке ставить все с ног на голову. Впрочем, удивление не помешало мне поинтересоваться, из какого источника сведения о смерти Астахова поступили в распоряжение Федора Васильевича в тот самый день, когда случилось это прискорбное событие. Федор Васильевич моментально прекратил кружение по комнате и грозно спросил:

— Что?

— В телеграмме говорилось, что Астахов умер,— сказал я.— Откуда это стало вам известно?

— Что? Откуда? Послушай, Томочка, он спрашивает: откуда? Он ничего не понимает, каково, а?

Томочка молчала. По-моему, и она ничего не понимала. Я следил за эволюциями Казакова, который снова начал бегать по комнате и кричать, что мы надоели ему с этой проклятой телеграммой, надоели, надоели, надоели...

Он простер длань и продекламировал:

— Моя дочь! Каково, а? Преступница! Моя дочь—преступница! Ты слышишь, Томочка? Почему ты молчишь, как Валаамова ослица?

Томочка молча смотрела в потолок, всем своим видом показывая, что ей крайне нежелательно уподобляться Валаамовой ослице. Ей, видимо, было известно, что любая попытка внедриться в монолог мужа обречена на провал. А когда я все-таки умудрялся вставлять реплику или вопрос, то в ответ получал лишь пренебрежительный взгляд. Казаков вскрикивал: «Ты, слышишь, Томочка?»—и все начиналось снова: беготня, шум, мелодекламация. Я ушел от Казаковых, не выяснив и сотой доли того, что хотел узнать, ушел с чувством, которое, может быть, и нельзя было назвать подозрением, но уверенность в том, что от меня хотели скрыть нечто важное, такая уверенность у меня появилась. Так и доложил я Лаврухину, едва переступив порог его кабинета.

Лаврухин примерял новые очки. Оправа была позолочена, стекла соединялись не только обычной дужкой, но и какой-то странной перекладной.

— Как вторая ручка у чайника,— заметил Лаврухин, трогая пальцем перекладную.— Но красиво. Ты не находишь?

— В ней нет целесообразности,— сказал я, усаживаясь. Мне было жарко, воротничок рубашки лип к шее, и вообще после разговора с Казаковым я чувствовал себя идиотом.

— А может, мы ее просто не замечаем?— предположил он задумчиво.— Ну-ка, повтори, что там тебе старик нажужжал.

Я повторил.

— Да,— проворчал Лаврухин.— Значит, мы по-прежнему не знаем, почему дочь ушла из семьи, почему разбежалась с мужем... Придется, видно, тащить сюда доцента Наумова. Кстати, и о коллекции княгининой потолкуем. Я вот все думаю, чего ради Сикорский заговорил с тобой об этой княгине...

— Ему очень не хотелось говорить о Лире Федоровне. А меня черт дернул за язык, воспоминания детства одолели, старичка Бакуева вспомнил. Ну и пошло слово за слово.

— Выходит, ты его спровоцировал?

— Можно и так сказать...

— Забавное дельце.— Лаврухин снял очки, положил их перед собой, полюбился и снова нацепил на нос.— Весьма. С одной стороны, мелодрама сплошная—разводы, любовь неразделенная, то да се... С другой—убийство, бегство и даже слежка. Ну зачем, скажи на милость, следить-то за тобой, Зыкин? Кино какое-то, честное слово.

— Скрытая целесообразность,— хмыкнул я.— Вторая ручка у чайника.

Лаврухин промолчал. Я подумал и решил, что будет совсем неплохо, если я поделюсь с ним кое-какими мыслями, посетившими меня в связи с этой самой слежкой. Для этого мне пришлось углубиться в историю вопроса, вспомнить свой давний разговор с Петей Саватеевым, когда он допытывался, почему все-таки меня не отправили на тот свет вместе с Витей. Он искал смысла, но мне тогда Петины рассуждения казались чересчур отвлеченными, несерьезными и даже чуть-чуть глуповатыми. А сейчас я был почти уверен, что он попал в самую точку.

— Это как же?—спросил Лаврухин.

— Очень просто,— сказал я и объяснил, что, если бы меня убили тогда, о существовании альбома знал бы только господь бог. А поскольку Лаврухин является атеистом, то он этого свидетеля на допрос не потащил бы. И призрак альбома не фигурировал бы сейчас в качестве наводящей детали в этом, как только что выразился уважаемый Павел Иванович, забавном дельце. Нашел бы он в кармане у Вити золотую бляшку—и пошло бы следствие...

— В общем, не знаю, куда бы оно пошло,— сказал я.— А бляшку эту, между прочим, мог и убийца всунуть Вите в карман.

— Ну, это еще не факт,— сказал Лаврухин.— Это еще доказать надо. Но мысль у тебя любопытная.

— Претендую только на соавторство,— сказал я скромно.— Идея целиком Пети Саватеева.

— Значит, ты считаешь, что убийце помешали?— произнес Лаврухин задумчиво.— У меня тоже мелькало что-то такое, но в связи с Цыбиной. А она в этот вариант не влезает.

Да, в этот вариант Валя Цыбина не влезала. Ее не пускало

время. Когда я пришел к Вите в мастерскую, было десять с четвертью. Стукнули меня минут через пятнадцать, а Валя в десять сорок уже была на работе. В десять сорок у входа в театр Валю встретил главный режиссер и, поглядев на часы, упрекнул за опоздание. За десять минут от дома Лютиковых до театра можно было добраться только на машине. А это маловероятно.

Мы согласились, что совсем уж фантастикой отдаст и от другого варианта, в котором Вале отводилась роль убийцы. Женщина она, конечно, хладнокровная и спортивная. Кроме того, любит сказки рассказывать. Но и в этом варианте она оказывалась в чейтноте.

— Если, конечно, отбросить машину,— сказал я.

— И любовь,— сказал Лаврухин.— Ты говоришь, что она повесила Витину картину над кроватью, так?

— Так.

— Н-да,— протянул Лаврухин.— Значит, говоришь, убийце помешали. Намеки такие в деле имеются. Кто-то вроде из дома выбегал: то ли девка, то ли парень. Но куда же оно делось, это существо? Все Витины дружки-приятели передо мной прошли—и никаких подтверждений.

— Я подтверждаю,— сказал я.

Лаврухин усмехнулся.

— Не подтверждение, а допущение. И спаситель твой предпологаемый—тоже допущение. Ты из чего исходишь? Альбом—важная наводящая деталь. Но ведь пока она нас ни на что не навела...

— Все впереди,— бодро возразил я.— Может, еще и наведет.

Но бодрость моя была наигранной, и поэтому фраза прозвучала фальшиво. Я знал, что на допущениях далеко не уедешь.

И Лаврухин знал...

Портрет княгини сохранился неважно—краска на углах облупилась, но лицо можно было рассмотреть. Приятное молодое лицо с налетом некоторой таинственности или задумчивости. Печально даже лицо, если глядеться повнимательней. И почему-то оно показалось мне знакомым.

Когда портрет доставили в кабинет Сикорского, он водрузил его на стол; рядом с бронзовой избушкой-пепельницей, и сказал, улыбаясь:

— Ну вот...

Продолжать фразу он не стал, но мне все было понятно и так. «Ну вот,—прочитал я его улыбку,—говорил же я вам, что спать не будете и аппетит потеряете».

В кабинете, кроме нас с Сикорским, сидел доцент Наумов. Прямо с аэродрома мы с ним поехали в управление, посидели у Лаврухина, потом пообедали и отправились в музей. Доцент Наумов выглядел, как справедливо заметила в свое время Валя Цыбина, скорее толстым, чем худым, был шатеном, а не брюнетом. Вежливый, корректный человек, он сначала выразил легкое недоумение по поводу вызова, а потом, когда я в нескольких словах обрисовал ему ситуацию, кивнул понимающе и сказал, что всегда готов помочь, только он не знает, к сожалению, какого рода помощь он может оказать следствию. Я этого тоже не знал и поэтому предоставил инициативу Лаврухину. Павел Иванович поступил просто: извлек из сейфа три предмета—книжку с приключениями капитана Хватова, фотографию неизвестной дамы, которая была обнаружена в книжке, и золотую бляшку, называемую брактеем. Все вещи Лаврухин разложил на столе и попросил Наумова поделиться с нами впечатлениями от этих раритетов. Доцент полистал книжку и, произнеся слово «дешевка», отложил ее в сторону. Фотографию он рассматривал несколько дольше, но в конце концов пожал плечами и заметил, что скорее всего в заведении Коркина снималась какая-то Санкт-петербургская мещаночка. Брактеем Наумов занялся в последнюю очередь. Полюбился всадником, изображенным на лицевой стороне, и между делом прочитал нам популярную лекцию об оссуриях и зороастрийцах, словом, о том, о чем мы уже слышали от Сикорского. Потом он перевернул бляшку, и у него сразу вытянулось лицо, едва он увидел надпись: «С любовью. А. В.».

Наумов прошептал: «Неужели?»—и посмотрел сперва на меня, потом на Лаврухина, посмотрел так, будто его кроено обидели, оскорбили. Да, такой взгляд был у Наумова, когда он шептал свое «неужели?».

— Знакомая вещица?—полюбопытствовал Лаврухин.

Наумов положил брактеем на книжку и отрицательно качнул головой.

— Нет,— сказал он уныло.— Эту вещицу я не видел никогда.

Он подчеркнул слово «эту». Лаврухин спросил осторожно: — Тогда что же?

Доцент Наумов погрузился в задумчивость. Его лицо стало похоже на лицо человека, готовящегося к прыжку в водоём, глубина которого ему неизвестна.

Наконец он прыгнул.

— Мне знакомы инициалы,— сказал он.— Но и только...

— Расскажите,— предложил Лаврухин.— И желателен поподробнее.

Но Наумов не торопился вдаваться в детали.

— Я видел эти инициалы на портрете княгини Улусовой. Вы слышали что-нибудь о Бакуеве?

Мы о Бакуеве слышали.

— Тогда вам должно быть известно о том, что накануне смерти Бакуев где-то раздобыл портрет юной княгини, исполненный неизвестным художником.

— Почему накануне?—спросил Лаврухин.

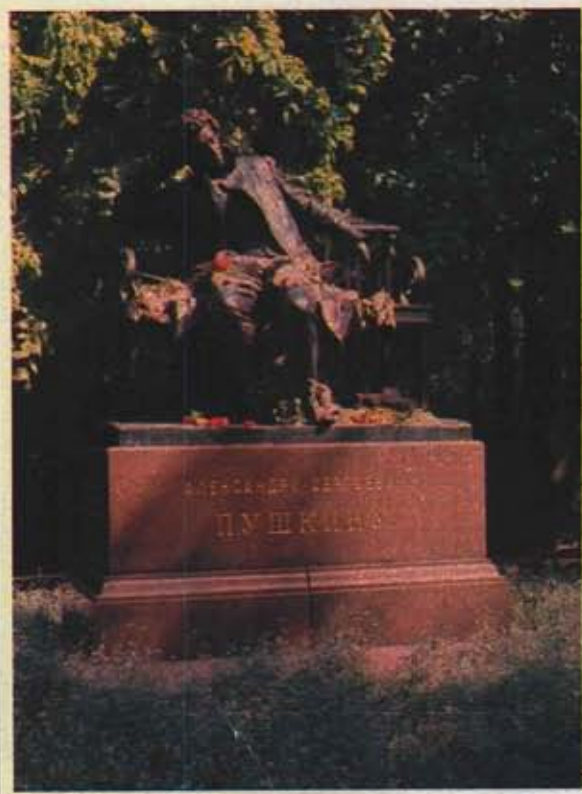
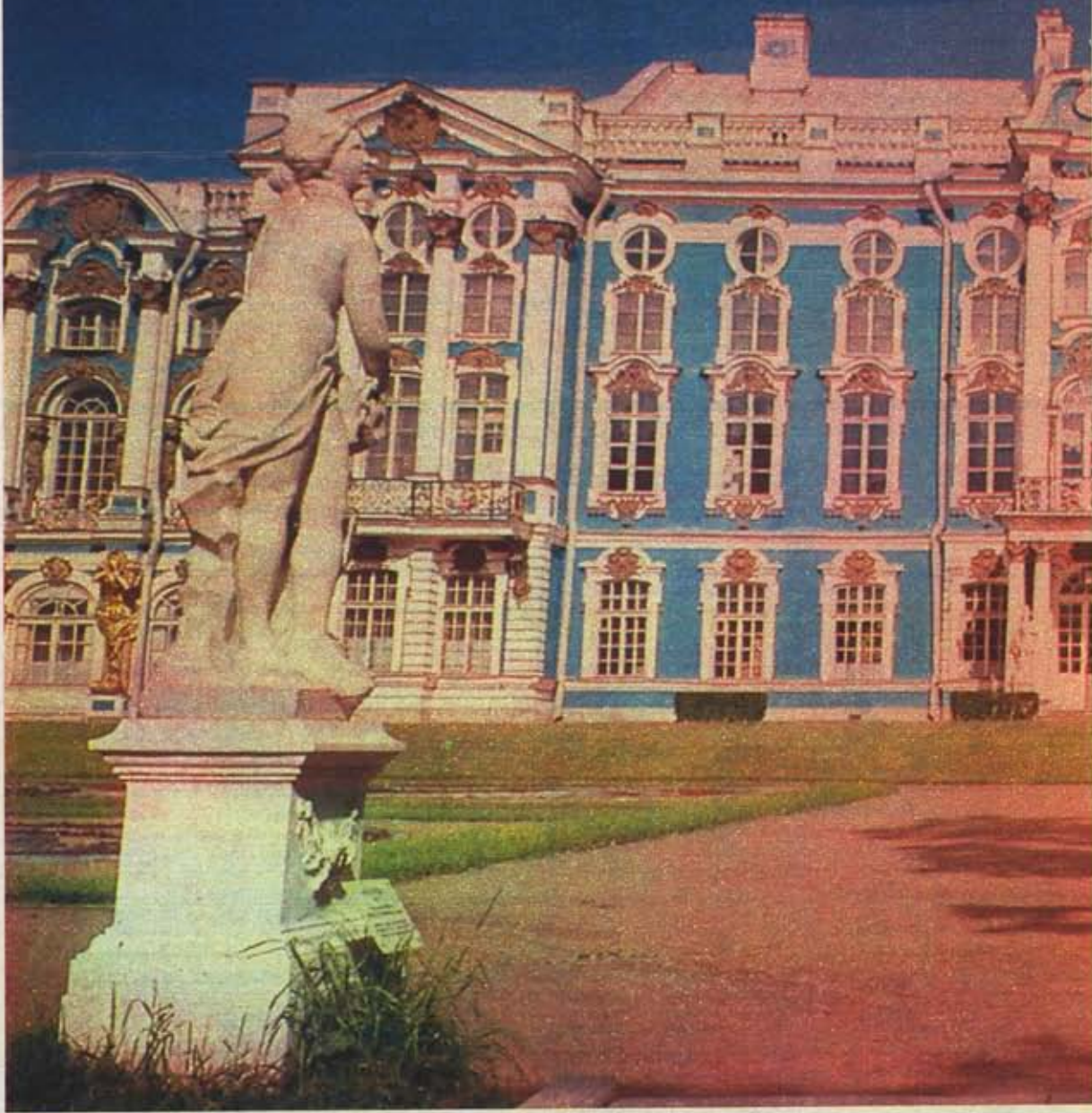
Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

**Жемчужины
отечественной культуры**

**ЕКАТЕРИНИНСКИЙ ДВОРЕЦ, ОКТЯБРЬ СОРОК
ЧЕТВЕРТОГО...**

ЛАЗОРЕВЫЙ

Иначе, как словами восхищения, трудно говорить о Екатерининском дворце. Только чрезвычайные обстоятельства вынуждают нас начать с трагедии. Вглядитесь в эти фотографии. Посмотрите еще.

Всего этого у нашего поколения уже не было.

За двадцать восемь месяцев оккупации города Пушкина фашисты уничтожили почти все. Екатерининский дворец был сожжен, разрушен, разграблен. Но все, что видите вы на этих страницах, снято сегодня. Если же мелькнет у кого-то мысль о реставрации, отбросьте ее. Говорить можно только о восстановлении, а еще точнее — не убоюсь старинного слова — о воскрешении из мертвых. Смерть констатировали документы, которые не спрятаешь теперь в молчание архивы: они кричат голосом сожженной и окровавленной истории. И хотя случилось так, что баснословный труд сотен людей возвратил нам все, что было уничтожено, каждый наш взгляд на возрожденное чудо сходится сегодня в фокусе прошлого — недавнего прошлого, которое на памяти нашего поколения.

Кто видел это в конце сорок четвертого, не сможет забыть израиенные, перебитые деревья, одногодки дворца. Черный остов обнажившегося кирпича, безжизненные глазницы проемов, рухнувшая кровля — все немо, мертво. Только ветер громыхнет иногда листом уцепившегося в черном переплетье железа, но даже эхо не задержится в решетчатой пустоте. Всю глубину свершившейся трагедии постичь могли только люди, которым

«В ТЕ ДНИ, КОГДА В САДАХ ЛИЦЕЯ...»

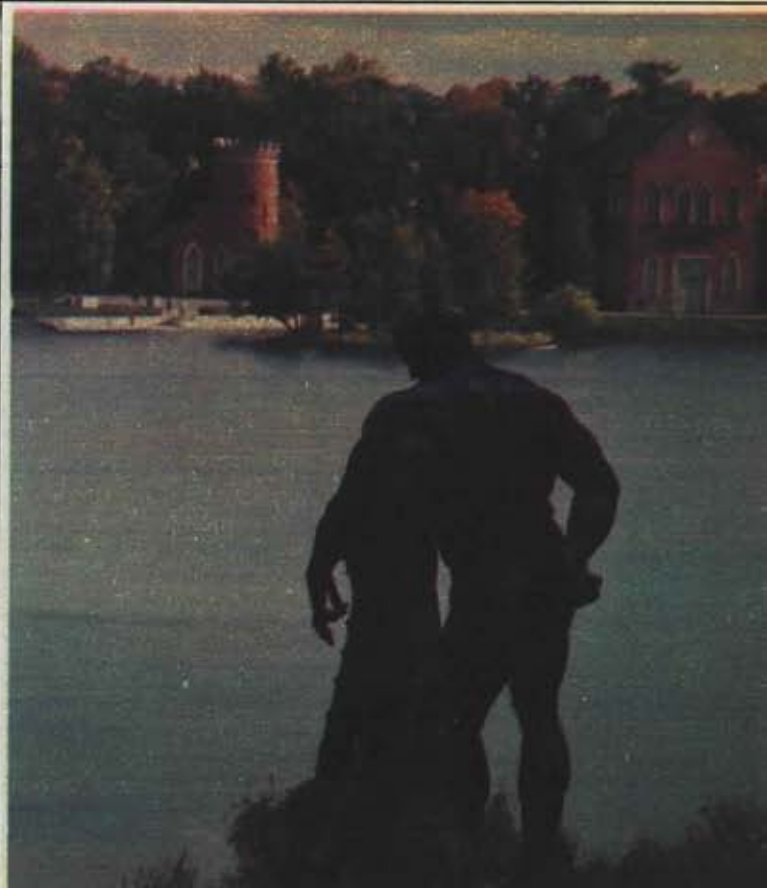
ОТЪАЕСК БЫЛОГО

«ОГРАД УЗОР ЧУГУННЫЙ...»

ПРЕКРАСНЕЙШАЯ ЭТА СТАТУЯ БЫЛА НАЙДЕНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ НА МЕДЕПЛА-
ВИЛЬНОМ ЗАВОДЕ В ГЕРМАНИИ...

ОДНА ИЗ КРАСИВЕЙШИХ ЛЕСТНИЦ В МИРЕ.

предстояло невозможное — возродить из небытия один из самых замечательных памятников русского зодчества.

Подобного не знала мировая практика. Два с лишним километра дворцовых фасадов, славившихся своей неповторимостью, десятки залов, внутреннее убранство которых не имело себе равных в дворцовом строительстве, нужно было создать заново. Все, что было в распоряжении реставраторов, ограничивалось довоенными фотографиями и фрагментами чертежей. Ничтожно мало, но с этого начали.

Решить такую задачу даже самым совершенным мастерством и колоссальным опытом, которым в полной мере обладали советские реставраторы, в данном случае не представлялось возможным, потому что в такой работе не оставалось места ни виртуозной стилизации, ни самому искусному подражанию и реминисценциям. В дело вступали качественно новые категории и прежде всего талант художественного перевоплощения. Наши современники должны были погрузиться в середину восемнадцатого столетия и отнюдь не силой одного воображения. Приходилось искать и разгадывать секреты творчества мастеров прошлого, саму — прошу извинить неизбежный прозаизм — технологию их труда. Вот почему, говоря сегодня о Екатерининском дворце, созданном в восемнадцатом столетии, мы не можем оставить в неизвестности тех, кто дал ему второе рождение, хотя и невозможно в пределах этих заметок даже перечислить имена архитекторов, скульпторов, гранитчиков, лепщиков, кузнецов, мраморщиков, кровельщиков, столбяр, чеканщиков, позолотчиков, других рабочих-художников, свершивших непосильный этот труд.

Как и прежде, стоит дворец на гребне пологого холма в центре гигантского паркового массива, и, как прежде, мы приходим сюда на свидание с чудом русского гения. С того момента, когда сквозь темную зелень вековых деревьев блеснет ослепительная лазурь фасада с четкими ритмами белых колонн, прописанная тончайшим золотом ажурных решеток, с этого момента начинается неторопливый и вдумчивый диалог с творением Растрелли.

По свидетельству современников, подтвержденному и последующими поколениями, создатель Зимнего и Петергофского дворцов здесь превзошел себя. Изобретательность архитектора поистине поразительна. Дело не только в том, что он смог создать эту гигантскую линию фасадов, избежав однообразия, ни в едином дюйме не сбившись на монотонность, и пропеть (иначе не скажешь) мощную, единую пластическую мелодию. Отдавая себе отчет в том, кто его заказчик, зодчий сумел с полной силой выразить то, что хотел он сам. Монуменальность и величавость придает дворцу могучий строй колонн, опоясывающий его по фасадам. Казалось бы, это должно замкнуть дворец в себе, создать ощущение неприступности, подчеркнуть его обособленность от всего окружающего. Но эти качества полностью отсутствуют в творении Растрелли. Он слишком велик как мастер, чтобы условия и пределы царского заказа могли сковать его личность. Резиденция грозных монархов зодчий распахивает свету, воздуху, деревьям, небу, солнцу — всему миру. И делает это с виртуозной изобретательностью. В точно найденных ритмах, в изысканных барочных пропорциях Растрелли чередует могучий строй колонн с обширными оконными проемами. Теперь мощные стены в охранительной колоннаде, не теряя импозантной величавости, кажутся почти невесомыми.

Это чувствуешь, глядя на дворец с расстояния. Масштаб взгляда рассчитан с ювелирной точностью. Но когда приближаешься к зданию и угол зрения уменьшается, ощущение легкости еще более усиливается. В декоре фасада Растрелли дает полную волю своему темпераменту; фантазия его неистощима. Он насыщает фасад мощным рельефом и контрастами, точно лепит его рукой ваятеля. С нарастающей торжественной силой вырывается из холодного камня гимн жизни. Лазурь стен, лепные гирлянды, капризные очертания коронштейнов, упругие фигуры атлантов, львиные и женские маски, сверкающие ослепительным золотом кружева решеток, трепещущее чередование тени и блеска, зелени шевелящейся листвы и живого мрамора — все сливается в ликующую радость, в ощущение праздника, идущего по законам внутренней гармонии, заданной ему зодчим — музыкантом и дирижером этого оркестра...

Архитектура — эмоциональное искусство, оно требует от человека сопереживания и получает его здесь в полной мере. Но теперь самое время дать читателю некоторые пояснения, прежде всего об истории дворца, начатого постройкой в первые годы XVIII века на одном из царскосельских холмов.

Царское Село — название, в сущности, новое. Прежде именовалось оно Сарской мызой («возвышенное место»). Эту землю, некогда новгородскую, отвоеванную Петром у шведов, подарил он жене, ибо царица «особливо сие место жаловалъ изволила». Построен здесь был сначала маленький дворец «о шестнадцати зальцах». С того и пошло. И хоть осталось за ним по первой владелице название Екатерининский, создавали дворец, конечно, те, кому дано создавать, а не царствовать. Кроме Растрелли, которому принадлежит главная часть ансамбля, работали здесь на протяжении века первейшие русские зодчие: Квасов, Чевачинский, Нееловы, Кваренги, Камерон, Стасов.

УПОРНЫЙ, НА МНОГИЕ ГОДЫ ТРУД РЕСТАВРАТОРОВ ВОЗРОДИЛ ДЛЯ НАС ТО, ЧЕГО УЖЕ НЕ СУЩЕСТВОВАЛО.

Собрание звезд первой величины, на протяжении целого столетия принимавших участие в строительстве одного сооружения, придает дворцу особый интерес в его архитектурных особенностях. Но столетие — срок значительный для истории искусства, особенно такого «практического», как архитектура. За это время иными становились требования к архитектору, менялись стили, вкусы, — не случайно Екатерининский дворец называют энциклопедией развития русского зодчества XVIII века. Однако на неизбежном этом пути дворцу грозила реальная опасность — вобрав в себя все веяния века, стать в конце концов созданием хотя и грандиозным, но эклектичным (примеров тому мировое зодчество знает, к сожалению, множество). Екатерининский дворец избежал этой участи. Главная причина в том, что, как бы ни менялись вкусы монархов-заказчиков, неизменным оставался вкус русских зодчих. Как, впрочем, и уважение их к творчеству предшественников. Известно, что Камерон, проходя мимо творения Растрелли, всякий раз снимал шляпу. Считать это только жестом вежливости несправедливо, потому что истинное, а не показное уважение к предшественникам и придает Екатерининскому дворцу при стилевом его разнообразии цельный архитектурный образ.

Эту гармоническую смену времен и творцов особенно чувствуешь, когда после растреллиевского праздничества с его буйным обилием декора попадаешь во «владения» Камерона, одного из ярких представителей русского классицизма. Ощущение можно, пожалуй, сравнить с тем, когда после открытой солнечной поляны с порхающими бабочками, густым жужжанием пчел, разноцветным сверканием цветов и ослепительным светом входишь в тенистую аллею с ее прохладной тишиной и задумчивой строгостью.

Такое или подобное чувство оставит у вас первый взгляд на знаменитую Камеронову галерею. Будучи сама по себе неповторимым памятником искусства, в архитектурном ансамбле галерея занимает особое место. Прямая к парковому фасаду дворца, она становится естественным его продолжением. Огромный и величавый Екатерининский парк способен, как кажется, поглотить в широком своем размахе любое архитектурное сооружение, но изящная, сравнительно небольших размеров

галерея поставлена и спроектирована с таким расчетом, что доминирует над всем массивом парка с его зеленым морем вековых деревьев, системой прудов, каналов, мостами, памятниками, множеством павильонов. Подобно Растрелли, Камерон верен золотому правилу пространственного искусства — здание должно смотреться на любом расстоянии и в каждом ракурсе.

Но нашему поколению дан еще особый ракурс взгляда — недавнее прошлое, в котором фокусируется неостывающая память. Потому что не может человек с нормальным мышлением и элементарным комплексом чувств забыть, что украшение галереи — бронзовые скульптуры Геркулеса и Флоры — после войны были найдены... на медеплавильном заводе в Галле! Это всего лишь одна из акций специальной «кунсткаманды», действовавшей здесь двадцать восемь месяцев. Чудовищным цинизмом звучит сейчас слово «кунст», по-немецки «искусство»... Время лечит раны, но не остужает памяти. Теперь только на фотографиях тридцатилетней давности увидим мы размоленный мрамор в черных ожогах войны, но оттого еще выше становится подвиг людей, вернувших нам творение великого зодчего в первозданной его красоте.

Прямая лестница, как и прежде, ведет на первую площадку галереи, затем двумя упруго и изящно выгнутыми маршами поднимается на верхнюю террасу (по свидетельству специалистов, это одна из самых красивых лестниц в мире). Здесь, наверху, легкая воздушная перспектива ионических колонн с бронзовыми копиями античных скульптур, которые четко «читаются» на белом мраморе, окружает вытянутый застекленный павильон. Колоннада не стоит, а словно вырастает из массивного цокольного этажа, сложенного из грубо отесанного пудожского камня. Неожиданное на первый взгляд совмещение двух различных фактур не случайно. Зодчий учел колористический эффект — игру светотени на легкой белой колоннаде и желтовато-сером массивном цоколе, отчего строгий и стройный камень, гармонически контрастируя с тяжестью мощной фактуры, ожил и затрепетал.

Два столетия до сего дня галерея называется Камероновой — это единственное здание в России, сохранившее

ния своего творца. Она представляет собой одну из самых ярких жемчужин екатерининского ансамбля. Пропорции — тот оселок, на котором безошибочно проверяется любое архитектурное сооружение, — здесь совершенны. По отточенной завершенности архитектурного образа, по чистоте формы и ясной четкости стиля Камеронову галерею трудно с чем-либо сравнить: она одна...

Да, архитектура — эмоциональное искусство, но пора остановиться, чтобы осмыслить нескончаемый поток впечатлений, тем более, что нет-нет да и придет в голову: во что же обошлась российской казне баснословная эта красота — прихоть монархов? Вопрос не праздный и отнюдь не меркантильный: ведь речь-то идет о казне народной — цари богатств не создавали. А цена, должно быть, выходила изрядная, если одна из хозяек дворца, рыная его «строительница», отойдя в лучший мир, оставила после себя пятнадцать тысяч платяев и кучу непоплаченных счетов, деньги по которым следовали строителям. Правда, за давностью лет на этом можно было бы и не останавливаться, но история справедлива, — то, что платил народ за монаршую роскошь, спустя столетия отдано ему сторицей, потому что теперь никакая цена не покажется нам излишней, когда речь идет — ни много ни мало — о художественном достоянии народа. Надо ли говорить, что Екатерининский дворец — музей с морем посетителей, которое год от года обильнее и богаче, — лучшее тому свидетельство. Царские дворцы обернулись иной ипостасью. Вот и выходит, что платят цари долги, не хотят, а платят...

Наше поколение воспринимает сегодня царские черты не сравненно выше и значительнее их былого исторического предназначения. Тысячи и тысячи людей приходят в Екатерининские парки, любят творениям зодчих, учатся понимать прекрасное, погружаются в глубину русской истории, представляют, какая текла, кипела, бурлила здесь жизнь... Но как-то вяло отзывается воображение современного человека на пышные маскарады, тизонитства, бракосочетания с придворными арапами, на фрейлин с болонками, скусающих в мраморных павильонах, брызги фейерверка по поводу и без оного или на пресловутые пятнадцать тысяч Елизаветинных платяев, будь они неладны!.. Хотя и было все это и никуда не спрячешь, а вот чем-то бутафорским отдают давние эти картинки. Вспоминается-то здесь иное!

Словно видишь сейчас: под старыми широкошумными липами прогуливаются двое. Один крупен, высок, в черном, лоснящемся на швах сюртуке, опираясь на палку, несет прямую свою тучную фигуру. Другой, поменьше ростом, в высоком аккуратном воротнике, изящно наклоняет голову чуть в сторону собеседника; на круглом, мягком лице с задумчивыми темными, чуть косящими глазами — внимание... Ну как не узнать — Крылов с Жуковским идут по знакомому парку к желтеющему сквозь листву двухэтажному домику в три окна по фасаду. Домик этот, точно магнит для русских литераторов — тех,

что живут здесь или наезжают из Петербурга, благо не велик крюк в двадцать верст. Хозяин, как всегда, отменно выбрит и, как всегда, рад гостям. Утром неторопливо шелестели в этом кабинете коррективные листы «Истории государства Российского», день кончен, вечер — друзьям. Знакомые все лица! Батюшков, Вяземский, Александр Тургенев; да и лейб-гусары, видать, не все на балу, — вот и Каверин с Чаадаевым пожаловали. Быть теперь спору великому, после двенадцатого года у всех наболело... Не станем, однако, мешать умной, хорошей беседе в гостеприимном домике Николая Михайловича Карамзина, в ней частицы и нашего будущего...

Пройдем дальше вдоль чугунной ограды парка, минуем трехпролетную арку с галереей, которая соединяет дворец с вытянутым зданием спокойной строгой архитектуры... И — словно блеск солнца в глаза — золотом по белому мрамору: «Здесь воспитывался Александр Сергеевич Пушкин с 1811 по 1817 год».

Вот она, колыбель пушкинской поэзии! И далекая еще отсюда — но сверкающе мгновенно! — путь до Черной речки. А пока — безмятежный расцвет «в садах Лицея», смуглый курчавый мальчик в синем мундире с красным воротником и золотыми пуговицами, живой, быстрый во всех лицейских играх и тихий, задумчивый, когда один в любимом Екатерининском парке (этом, этом самом!) под шумливой сенью дубов, лип и кленов, на скате холма у неподвижного пруда, под Камероновой галереей.

Пушкин начинался здесь:

*В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединных,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне...*

И день, всем нам памятный день 8 января 1815 года, тоже здесь...

Вошел в залу небольшого роста сгорбленный старик в мундире, высоких плисовых сапогах. Начался экзамен по словесности. Старик опустился в кресло, прикрыл усталые, выцветшие глаза. Экзамен шел своим чередом, вызвали одного за другим. Яковлев. Дельвиг. Кюхельбекер. При имени Пушкин старик дремал; на мягком, в синих прожилках лице усталость от жизненной доуки и покой. Но первые звуки звонкого голоса заставили его приподняться с чувством некоторого удивления, потом откинуться в кресле и слушать так до конца. С последней строкой старик вскочил неожиданно живо, выбежал из-за стола. В белесых глазах его были слезы.

«Старик Державин нас заметил...» Потом — вся Россия, мир...

Не назовешь воспоминанием то, о чем всегда помнил. Это стало частью твоей собственной жизни, культуры Отечества, его истории. Но не сравненно живее и острее чувствуешь это здесь. Не один ты, конечно. Это — общенациональное наше чувство. Не потому ли, когда в январе сорок четвертого из города выбили фашистов и Екатери-

нинский дворец с Лицеем стоял обугленный и разломанный, первое застекленное окно появилось на фасаде Лицея. Окно комнаты Пушкина...

Но пора нам, говоря словами поэта, ступить «под мраморные своды», в царство красоты, которая творилась, как рассудила история, для нас. Стоит сделать только шаг, чтобы остаться в пленительной ее власти.

Большая галерея была уничтожена фашистами при отступлении. Уничтожена полностью. Три года поисков и исследований положил архитектор А. Кедринский только на то, чтобы собрать необходимые материалы и обосновать проект воссоздания галереи — главного интерьера дворца. Представить себе истинные масштабы этого труда может только специалист, но главная, труднейшая задача заключалась в следующем этапе работы.

Специфика резного декора середины XVIII века — в свободе исполнения и неповторимости деталей. Чтобы достичь этого, резчик должен был не просто точно копировать модель, созданный скульптором, но творчески перерабатывать ее, придавая каждому изгибу и завитку орнамента свои, индивидуальные черты — только так можно было добиться эффекта безграничного разнообразия деталей при единстве композиционного целого.

Прошли годы тяжелой, напряженной работы, прежде чем компетентная комиссия дала заключение: резчики Качуев, Виноградов, Козлов, Кемниц, Богданов, Тимофеев, Болдосов и Зуев, возродив традиции мастеров прошлого, создали равноценное произведение искусства.

Но перед тем как войти в главный интерьер дворца, нужно сказать о столь же беспримечном творческом труде лепщиков, позолотчиков, столяров, паркетчиков, вложивших в воссоздание Большой галереи весь свой художественный талант, потому что им обязаны мы тем, что можем сегодня видеть и по достоинству оценить творение Растрелли.

Двухцветную залу прорезают с обеих сторон двенадцать остекленных дверей с просторными окнами над ними. Каскады играющего света двумя мощными потоками врываются в зал, отражаясь в зеркале паркета. Все ликует, трепещет; вьется, словно играя, золотая резьба — и кажется, нет предела торжествующей этой песне. Но нет! Мало, мало, как бы восклицает зодчий, человеку нужно больше — больше света, больше воздуха! На торцовых стенах, где не может быть окон, дающих свет, он их придумывает. И хотя это не окна, а только мотив окон со вставленными в переплеты зеркальными стеклами, но он добился своего: зеркала на противоположных стенах — одно против другого — многократно и бесконечно повторяют феерическую бело-золотую симфонию света.

И вот уже человек лишен ощущения замкнутого пространства, взор уходит за пределы зала, в нескончаемую глубину иллюзорных перспектив... Что? Небо?! И небо поддалось гению: легкие облака и отлетающие фигуры парят над тобой в вечном своем полете и уже не можешь положить предела расширяющемуся пространству...

Головокружение это или ослепление красотой, но в проеме раскрытой двери легла к ногам золотая анфилада, и уже медленно гаснет темперамент растреллиевой мелодии, точно готовясь к иному музыкальному строю.

Первые его звуки кажутся и знакомыми, но какими-то непривычными. И не мудрено: Камерон в ином, еще не известном качестве, теперь — в интерьерах Голубой и Китайской гостиных...

В январе сорок четвертого увидели бы мы здесь следы работы «куисткоманды»: закопченные стены в садахна обнажившегося кирпича, сожженный кострами паркет, выломанные двери, разломанные в куски мраморные каминь... Читатель догадывается уже, что все это восстановлено заново, но какой ценой досталась нам радость сегодняшнего общения с искусством прошлого, скажет один только факт. Один из тысячи.

Под обломками камня художница Слепушкина нашла обгорелый клочок расписного китайского шелка. Старинной тканью, секрет которой считался утерянным, обтянуты были до войны стены гостиной. Остались фотографии, ничего, кроме фотографий... Прошли годы, прежде чем на московском комбинате «Красная роза» сумели получить образец древнейшего материала. Прошли еще годы, прежде чем художнице удалось разгадать секрет старинных невыцветающих красок. И еще понадобились годы, чтобы воссоздать на шелке всю многофигурную композицию росписи с не повторяющимися нигде сюжетами. Только теперь мы можем оценить неподражаемого мастера интерьера XVIII века Камерона во всей первоизданной красоте его творения.

Но прежде, пользуясь документами и воспоминаниями современников, стоит совершить небольшой экскурс в историю, чтобы представить себе почтительного, но умного и ироничного архитектора в напудренном парике по моде восемнадцатого века, а рядом царственную его заказчицу с одутловатым лицом и гусиными лапками у глаз, слышную тонкой ценительницей изящных искусств.

Скуповатая, но любившая широкие жесты Екатерина II для личных своих покоев предоставила Камерону все, чем воображение поразить можно: яшмы Южного Урала и лазурит с байкальских берегов, горный хрусталь и мраморы всех цветов, которые дала земле природа... Ну что ж, роскошь так роскошь. Рука и глаз мастера сделают и это со вкусом отменным. Нижние части стен гостиной облицовываются лазуритом нежного синего цвета, но таким мягким по тону, чтобы он гармонировал с шелковой

ЛИЦЕЙ. ЗДЕСЬ РОДИЛИСЬ ПЕРВЫЕ СТРОКИ ПУШКИНА.

ФРАГМЕНТ ИЗРАЗЦОВОЙ ПЕЧИ.

КАМЕРОНОВА ГАЛЕРЕЯ.

СВЕТ, КОТОРЫЙ ДОРОЖЕ ЗОЛОТА.

тканью. В роскошный паркет из двенадцати пород заморских деревьев, паркет, равный которому вряд ли где-нибудь сыщется, врезается еще перламутровый орнамент и также перламутром инкрустируются полотнища дверей, чтобы «видом согласны полу были»... «Ну вот, потешили тщеславие, матушка императрица российская. Красиво, роскошно, только все это не мое, моя песня — другая».

Спел ее Камерон в небольшом зале, что зовется «Зеленой столовой». Не понадобились мастеру ни яшмы, ни агаты, ни горный хрусталь с перламутром. Это — творение из ничего: тонкая бледно-зеленая окраска стен, тихий изысканный орнамент, низкий рельеф фигур в античных одеяниях — и бездна вкуса, как отголосок знаменитой его галереи.

Не так ли приходит к нам прошлая наша культура, очищенная от мишуры балов и парадов, в полном своем и чистом жемчужном блеске?..

По-прежнему светит сквозь зеленую листву вековых парков лазоревый фасад, прописанный тонким золотом ажурных решеток, по-прежнему говорят с нами и поражают воображение русские зодчие, и по-прежнему идут и идут люди на свидание с искусством...

Но здесь да позволит читатель поставить точку, потому что нескончаем путь по дворцу-музею и неотразимы впечатления. Нельзя только забыть о том, что всего этого для нашего поколения уже не существовало. Как же сильно и беззаветно нужно любить отечественную культуру, чтобы сделать невозможное — возродить из небытия одну из самых ярких ее жемчужин!

пожарный Постоевой

Ни одна европейская столица не горела столь часто и сокрушительно, как Москва. Тут нечему удивляться: европейские столицы строились из камня, Москва — из дерева. И, скорее дотла, снова отстраивалась из окружающего ее могучего леса. Москва очень медленно «одевалась камнем» — и не только потому, что дерево было куда дешевле, — даже велико князьям, а позднее царские указы не могли заставить москвичей перебраться в каменные, душные мешки. Москвичи любили свои деревянные, славно пахнущие, свежие, «дышащие», зимой теплые, а летом прохладные дома и считали их — вполне справедливо — более здоровыми для жизни, нежели палаты каменные.

Строили в старой Москве без плана и расчета, как бог на душу положит, и если загорелся один дом, или церковь, или сараюшко, то выгорало полгорода; пожар перекидывался с крыши на крышу, с городьбы на городьбу, пожирая все на своем пути. И не было иной борьбы с жадным пламенем, кроме молитвы. Но не достигала небес людская мольба, и,

оплавав пропавшее добро, москвичи бодро и скоро принимались отстраиваться вновь. Терпения и упорства им было не занимать.

История Москвы — это история ее пожаров. Огонь не только уничтожал город, но и создавал — мучительно и медленно — его новый облик, он по праву может считаться одним из зодчих Москвы, ибо после каждого великого пожара город отстраивался в большем порядке и подчинении плану, нежели прежде, и неуклонно росло количество каменных зданий. Вначале камень был по достатку лишь боярской знати, церковным архиереям да иноземцам, коими кишела Москва, затем и купцы возжаждали каменных хором, за ними потянулось служилое дворянство, приказные. И все же даже в конце блестящего XVIII века Москва оставалась по преимуществу деревянной. «Дауля унылыми рядами ютились деревянные домишки, и внезапно среди них широко раскидывался дворец самой изысканной архитектуры» — сообщает московская летопись.

С пожарами в старой Руси и не пытались бороться. Божья кара—нешто осилить ее слабому человеку? Единственная забота—самим уцелеть, забрать из домов что поценнее да скотину вывезти со двора. Пожарная охрана появилась лишь в 1803 году, сперва в Петербурге, потом в Москве. Но, конечно, она бездействовала, когда с вступлением наполеоновских войск запылала со всех концов первопрестольная.

Этот пожар навсегда опалил народную память. О нем сложено не счесть сказаний, стихов и песен. Молва обвиняла в поджоге неприятелей, Наполеон—военного губернатора графа Ростопчина. Отчего же все-таки загорелся пожар московский, ускоривший уход Наполеона? Наверное, прав Л. Н. Толстой:

«Москва загорелась от трубков, от кухонь, от костров, от нерышлости неприятельских солдат, жителей—не хозяев домов. Ежели и были поджоги (что весьма сомнительно, потому что поджигать никому не было никакой причины, а во всяком случае хлопотливо и опасно), то поджог нельзя принять за причину, так как без них было бы то же самое... Москва сожжена жителями, это правда; но не теми жителями, которые оставались в ней, а теми, которые выехали из нее. Москва, занятая неприятелем, не осталась цела, как Берлин, Вена и другие города, только вследствие того, что жители ее не поднесли хлеб-соль французам, а выехали из нее».

Такого великого пожара Москва, по счастью, больше не знала, но гореть продолжала крепко. Москва долго оставалась городом по преимуществу деревянным, а дерево—любимая пища огня. И вот что любопытно: собирая материал для этого очерка, я с удивлением узнал, что в Москве и по сию пору сохранилось множество деревянных строений: жилых домов, палаток, рыночных рядов, сараев, заборов, причем не на окраинах, что естественно для развивающегося города, нет, окраины, за редким исключением, плотно застроены кварталами высокими, стандартных, неотличимых один от другого домов, а в центре, в двух шагах от улицы Горького и Садового кольца, в арбатских переулках, не говоря уже о районе Таганки, Ростокине или Сокольниках.

В минувшем 1975 году одна лишь пожарная команда учебного отряда полковника Постевого выезжала на пожары 1820 раз. Но остатки деревянной Москвы не могут нести ответственности за эту внушительную цифру. Недавно в США вышла книга Денниса Смита, одного из «храбрейших городов», как называют газеты нью-йоркских пожарных. Он из пожарной команды, находящейся в Южном Бронксе, самом живом по части уголовщины, убийств и наркотиков уголке Нью-Йорка. Трудно быть «более каменным», нежели этот крупнейший из всех мировых городов, а команда, где служит Деннис Смит, произвела за год 8400 выездов, то есть почти в пять раз больше, чем команда полковника Постевого. Значит, дело не в материале, из которого построен город, ныне другие причины способствуют возникновению и распространению пожаров. Электричество занимает среди них не последнее место, а также газ, бензин и простые спички, всевозможные легковоспламеняющиеся вещества, пластики, красители и прочие новшества века технической революции.

Странно, пожаров случается немало, а до чего же редко доводится видеть проносящиеся по улицам Москвы пожарные машины. То ли дело в былые времена! С каким вкусом и смаком описывает выезд лихих московских пожарных знаменитый бытописатель белокаменной В. А. Гиляровский, бесстрашный «дядя Гиляй»: «Вдруг облачко дыма... сверкнул огонек... И зверски рвет часовой пожарную веревку, и звонит сигнальный колокол на столбе посреди двора... Выбегают пожарные, на ходу одеваясь в не успевшее просохнуть платье, выезжает на великолепном коне вестовой в медной каске и с медной трубой. Выскакивает брандмейстер... И громыхают по булыжным мостовым на железных шинах пожарные обозы так, что стекла дрожат, шкафы с посудой ходуном ходят, и обыватели бросаются к окнам или на улицу поглядеть на каланчу...»

Любопытное совпадение: герой моего очерка Сергей Игнатьевич Постевой живет на улице имени Гиляровского, певца московских пожарных.

Конечно, в промелькивающих по улицам красных машинах (пожарные части расположены так, чтобы путь до пожара не превышал пяти—семи минут) нет той картинности, что была в пожарном обозе с воронными, рыжими, соловыми, серыми в яблоках и лимонно-золотистыми лошадьми—у каждой части своя «рубашка»,—с бравыми пожарными в медных сверкающих касках и яростно звонящим колоколом. «И хорошо, что нет,—философски заметил Сергей Игнатьевич Постевой в ответ на мои сожаления об ушедшей красоте пожарного выезда,—все мое время...»

Сергей Игнатьевич, трезвый реалист, профессионал до мозга костей, всю сознательную жизнь занимается тушением пожаров с перерывом на Отечественную войну. Впрочем, начал войну Сергей Игнатьевич по своей прямой специальности—спасал столицу от пожаров в пору летнего наступления немцев и битвы за Москву. Он повидал на своем веку всякое: опустошительные пожары, кровопролитные бои, сражался на Курской дуге, форсировал Днепр, дрался под Корсунь-Шевченковским, освобождал Румынию, Венгрию, Австрию, терял друзей и близких, знал большое горе и большую радость, получил все специальные награды, которые положены мужественному и умелому борцу с огнем, имеет и высшие воинские награды: грудь его украшают орден Ленина и Звезда Героя Советского Союза, ордена Отечественной войны I и II степени, медаль «За боевые заслуги» и множество памятных медалей. Войну он прошел командиром взвода

120-миллиметровых минометов, впрочем, довелось и стрелковое подразделение водить в бой и поражать гранатами фашистские танки и самоходки, служил в Австрии, потом в Белоруссии, но в глубине души он всегда оставался верен раз избранной профессии. Странно было бы услышать о пожарном, как о художнике, что он «милостью божьей», но, оказывается, можно стать пожарным по душевной склонности, проснувшейся еще в юные годы. Как это случилось с Сергеем Игнатьевичем, будет рассказано в своем месте, а сейчас мне хочется провести некоторые сопоставления между ним и знаменитым пожарным Деннисом Смитом, хотя всемирную славу «храбрейшему Нью-Йорку» дал не пожарный топорик, а литература.

Смит написал отличную книгу и к тому же нужную людям, раз она сразу стала бестселлером, выдержала множество изданий, переведена на все основные языки, включая русский, и принесла автору около миллиона долларов. Люди и вообще любят читать о пожарах, особенно если об этом написано так забористо и талантливо, как у Денниса Смита. Он сразу берет быка за рога и, сообщив несколько благоуханных сведений о Южном Бронксе, изображает бессмысленную, страшную и эффектную гибель пожарного. Старина Майк в последнее мгновение успел вскочить на подножку рванувшейся по сигналу пожарной тревоги машины. На крутом повороте он не удержался, и через день храброго пожарного хоронили. За гробом шли два мальчика, осиротевшие сыновья Майка. А осиротил их маленький баловник, уличный мальчишка, которыми кишат пыльные, грязные улицы гетто, подавая ложный сигнал тревоги. Оказывается, чуть не треть всех пожарных вызовов в Нью-Йорке происходит по ложной тревоге. Вот как трагически начинается эта книга.

— К сожалению, впрочем, к счастью, ваш очерк не будет украшен подобным «ярким» эпизодом,—суховато сказал Сергей Игнатьевич.—Прежде всего ложные тревоги у нас крайне редки, второе—пожарные всегда вовремя занимают свои места в машине. Так уж приучены. На подножке нашему Майку никто не позволил бы ехать.

Это был спокойный и остужающий голос настоящего профессионала.

Деннис Смит—талантливый писатель, но хороший ли он пожарный? Я спрашиваю себя об этом, ничуть не сомневаясь в его мужестве, храбрости, преданности своему делу. Он крайне наблюдателен, у него острый, пронзительный глаз. Но наблюдательность писателя—совсем не то, что наблюдательность пожарного, летчика, шофера, геолога, инженера. Боже, до чего наблюдателен и приметлив ко всему населяющему мир был один из лучших писателей и людей века, Антуан де Сент-Экзюпери! Но как же непростительно рассеян, небрежен и несостоятелен был он в летном деле! Собранный облететь земной шар и намечавший об этом с три корабля, он шлепнулся, едва поднявшись в воздух, потому что забыл наполнить баки горючим. И сколько таких вот трагикомических провалов было у пилота Экзюпери и никогда не было у Экзюпери-писателя. Он был отчаянно смел и не боялся смерти: разыскивая пропавшего в горах друга, летал так низко, как не отважился бы никто другой. Но профессия есть профессия, и она требует всего человека. Экзюпери слишком много думал о звездах, вселенной и людях, слишком тяжело переживал разлуку с злыбчическим маленьким принцем, которому надо вернуться в свое далеко, и затуманенными от слез, мечтаний и нежности глазами не мог углубить пустых баков, неисправностей в моторе и шасси, противника в небе. Он велик в своей истинной профессии—литературе, здесь у него баки были всегда заправлены, мотор работал чисто и упруго, как сердце ребенка.

Я думаю, что в лице Денниса Смита Америка приобрела хорошего писателя и, видимо, потеряла пожарного средней руки. Его наблюдательность расплылась вокруг пожара, а пожарному надо обладать очень направленным и устремленным зрением.

— Умение сосредоточиваться—одно из главных качеств, которое мы воспитываем у пожарных,—говорит Постевой.—Наша работа не прощает ни рассеянности, ни самозабвения. Голова у пожарного должна оставаться всегда ясной, в самой напряженной обстановке, в пламени и дыму, когда нечем дышать. Другое дело, что не всегда удается человеку сочетать максимальную отдачу с предельным хладнокровием, но к этому надо постоянно стремиться.

— Сергей Игнатьевич, а страшно на пожаре?—спросил я, и осекся, и покраснел бы, не залегая у меня сосуды так далеко от поверхности кожи.

Ведь я обращался не только к ветерану пожарной службы, заступившему на огневую вахту с юношеских лет, к человеку, прошедшему не в метафорическом, а в буквальном смысле слова огонь, воду и медные трубы, но и к прославленному воину, герою, о котором на фронте слагали легенды.

— Страшно,—с обычной серьезностью и простотой ответил Сергей Игнатьевич.

В учебно-пожарном отряде полковника Постевого большое значение придано наглядной агитации: и в учебном помещении и в казарме, не говоря уже о клубе, библиотеке, комнате отдыха, множество плакатов, призывов, фотопортретов, диаграмм, схем, а вдоль высокой ограды во дворе установлены щиты с увеличенными фотографиями наиболее прославленных московских пожарных. Среди них—лицо совсем мальчишеское, с тенями длинных ресниц на щеках. Этого мальчика Владимира Минакова уже нет в живых, он посмертно награжден медалью «За отвагу на пожаре», равной воинской медали «За отвагу», его имя навечно занесено в списки части, где он служил. Выпускник Учебно-пожарного отряда, он с редким

мужеством тушил пожар на заводе, не услышал сигнала отступления и попал под рухнувшие горящие конструкции. О его судьбе сказано в скупой подписи под фотографией. И хотя портрет вывешен для памяти и примера, как ни читай эту подпись, в ней невольно проглядывает не упрек, конечно, но предупреждение: предельная самоотдача должна идти об руку с такой же внимательностью. Двадцатилетний Владимир Минаков—герой, но он мог бы остаться живым героем, если б не пропустил сигнала.

Труд пожарного сопряжен со смертельным риском. И когда пожилой, опытный, хладнокровный начальник УПО говорит о своем деле «страшно», он хочет подчеркнуть, что беспечности это дело не терпит. Как и минеру, пожарному нельзя ошибаться, ибо огонь не знает пощады.

И тут я впервые задумался о людях, которые и в мирное время живут по законам войны: ежедневно рискуют жизнью, получают травмы, ожоги и ранения, а бывает, становятся инвалидами, едва начав жить, или навечно обретают незримое существование в своей части. О пожарных прежде складывали песни, ребята моего поколения зачитывались прелестной книжкой С. Маршак, и пусть теперь сияющую медь касок заменила скромная пластмасса и не сверкают на брезентовой одежде золотые пуговицы, пусть внешне тусклев стал облик борца с огнем: поверх серой куртки дерматиновая пелерина, помогающая стекать воде, резиновые сапоги, противогаз, пусть красные машины сменили прежних соловых, вороных, гнедых, рыжих, серых в яблоках коней, и нет ни звонкой трубы, ни колокола, пусть деловитее, техничнее стал жаркий труд, пожарные по-прежнему достойны песен и многих благодарных слов и в стихах и в прозе. Они, как и встарь, выносят из огня детей и стариков, спасают скромный нажиток горожан и большие государственные ценности, и как бы ни стремились их мудрые начальники свести к минимуму случайности и риск, исключить всякие ЧП, приблизить битву с огнем к обычному мирному труду, остается опасность, а значит, мужество, дерзость, отвага и самоотверженность, и никуда не денешься от порядка затасканного и потускневшего, но единственно годного слова для обозначения того, что подымается над бытом, над серостью будней,—романтика.

И хочет того или нет спокойный, сдержанный, чуждый всего показного, мишурного, полковник Постевой, но он тоже романтик.

Есть профессии, корни которых естественно отыскивать в начале человеческой жизни, недаром же нас так интересуют юные годы художников, писателей, музыкантов, актеров. Многие из них происходят из страны своего детства. Но вот пожарный... Трудно представить себе, что желание стать пожарным закралось в молодую, открытую всем впечатлениям жизни и способную к любой судьбе душу. Дети, правда, охотно играют в пожарных, но не менее охотно они играют в разбойников, да разве кто становится атаманом Кудеяром? А путь Сергея Постевого определился еще в раннем детстве, хотя до поры он и сам не догадывался об этом.

Постевой родился в 1921 году, в крестьянской семье среднего достатка, в тихой деревне Глыбочки, Трубчевского района, на Брянщине. Родители в числе первых записались в колхоз, отца назначили бригадиром полевых работ, мать тоже работала в поле, а в крытом дворе Постевых разместили колхозных коней. Обычное деревенское детство, скромное и безмятежное, как голубые брянские небеса. Мальчишеские дружбы и драки, походы по грибы, ягоды и орехи, ловля пескарей в безмянной речушке, делившей деревню на две стороны и пересыхавшей жарким летом в серебряную ниточку, школа-четырекласска, учеба в которой затянулась на пять лет по причине жестокой малярии... Тихое струение этой немудреной жизни нарушилось дважды—то были два больших пожара, потрясавших детскую душу и заломившихся на всю жизнь. Вообще-то пожары в Трубчевском районе случались частенько, особенно в августе, когда что ни день рушились грозы и зигизды-молнии сотнями вливались в источающую жар землю. Нередко гроза сама же и тушила ливневым дождем зажженный ею костер. Но нечего все валить на небеса. Горели крестьяне и по собственной оплошности: то уголек выпадет из подпечка на сухие, жадные к огню березовые чурки, то рассеянный курильщик кинет непотушенный окурок в стружку или сено, то за керосиновой лампой не уследит. Горели и по баловству детей и по злобе соседей, всяко бывало. И каждый, даже самый ничтожный пожарничко становился предметом долгих пересудов взрослых. Но все это не занимало и не страшило беспечную детскую душу, пока не загорелись родные Глыбочки.

В тот первый большой пожар, занявшийся жарким июльским полднем, когда все взрослое население было на сенокосе, выгорела дотла заречная, считая от Постевых, сторона деревни, дворов до тридцати. Началось, как водится, с пустяков: ребяташки надумали картошек себе испечь. Сложили костерок во дворе, а тут—ветер. Загорелось раскиданное по двору молодое сено, занялись стены избы и сарая, соломенная кровля. Огонь потек по плетням и заборам, по ветвям деревьев и кустам бузины, по сухой смуглой траве от двора к двору. Ветер способствовал его распространению. Прибежали с поля люди, схватились за ведра, да много ли натаскаешь из пересохшей речушки и что это даст, когда уже огненным собором стоишь пламя над всей заречной стороной. И опустели люди узловатые, натруженные руки, смирились перед судьбой. Хорошо хоть скотина на выгоне была.

Насквозь прожгла Сергея искра от того пожара. Никогда не мог он забыть едкий запах гари, угрюмую ругань и проклятия

мужиков, невыносимо тоскливый вой баб, несмолкаемый склеж жестоко, от души, выдранных «поджигателей». Никто в ту ночь не ложился: ни зареченские погорельцы, ни жители уцелевшей стороны. Мужики одурманивались крепчайшим самосадам, прикуривая, как от уголька, от своих догорающих изб. Вековая, древняя печаль была на их притемневшихся терпеливых лицах.

От того первого пожара остались в душе тоска, безнадежность, страх. Могучие, уверенные, все знающие и умеющие взрослые люди оказались жалки и беспомощны перед огнем, — верь после этого в собственную защищенность в грозном и враждебном мире!

Совсем по-иному отозвался в маленьком Сергее другой большой пожар. Видимо, справедливости ради Перун решил спалить ту сторону Глыбочек, где находилась изба Постевых. Поначалу все происходило, как и в первый раз: мощная работа большого огня, раздуваемого ветром, как в кузнечном горне, бессильные потуги залить его водой из речки, угрюмое смирение перед божьей карой. Но вдруг все переменялось — картофельная делянка не пустила огонь к двору Постевых. А за Постевыми находилось еще несколько хозяйств. Пожар не хотел смиряться, жадно покрал траву обочь картофельной делянки, но дальше начинались рыхлые влажные гряды, их было не перешагнуть, и, разъярившись, он палил в дом Постевых искрами, закидывая угольки на соломенную крышу, тянулся к плетню длинными языками пламени. Но люди уже поверили, что огонь можно окоротить, и не сидели сложа руки.

На крышу полезли мужики с намоченными в ручье простынями, тряпками, одеялами, полотенцами, половиками. Они укрыли соломенную кровлю и стали дежурить там, предвзято на десятилетие действия домовой самообороны наших городов, осыпаемых вражескими закигалками. Остальные жители растянулись цепочкой от двора Постевых до речки и передавали на крышу ведра с водой, чтобы не пересыхало защитное покрытие. Всем нашлось дело. Кто обливал водой стены избы и сарая, кто рушил плетень, кто обкашивал траву вокруг двора, чтобы по ней не подобрался огонь. Ребятишки помогали взрослым. Дым ел и слезил глаза, першило в горле, было нестерпимо жарко, душно и счастливо. Огню так и не удалось добраться до жилья Постевых. Выходит, пожар можно осилить, и для этого не нужно звать попов с иконами, как делали в других деревнях. В тот раз зареченские сдались, опустили руки, и сгорела вся сторона, а Постевые не сробели, им помогли соседи, и огонь отступил. До чего же красивыми и сильными казались Сереже отец и дядя, когда орудовали на крыше дома. Он и восхищался и завидовал. Такие впечатления во многом определяют судьбу человека.

Но до этого еще далеко. Пока что Сергею предстоит окончить семилетку. Школа находилась в другой деревне, Сугутьева, в восьми километрах от Глыбочек. Может, и не особо велико расстояние, но походи-ка осенью под дождем и ветром, по раскишему суглину в латанных-перелатанных башмаках! Учился он во вторую смену и домой возвращался в кромешной тьме, нередко в полном одиночестве. Кругом воют волки, на старом погосте ведьмы зажгли зеленые огоньки, в глубоком овраге, заросшем ольхой и крапивой, упырь облизывает красные губы. Но что поделаешь — надо ходить, и Сережа ходил и приучил сердце не трепыхаться собачьим хвостиком, ноги — не сбиваться на рысь, а волосы — не шевелиться под шапкой. Он и сам еще не догадывался, что чувство страха никогда не будет управлять его поступками. И невдомек ему было, какое преимущество дает человеку умение признаться себе в своем страхе. Позже он научится понимать и чужой страх и будет помогать людям превращать страх в здоровое и полезное чувство самосохранения, работающее не против человека, а на него. Это и есть настоящая храбрость. Нерассуждающая же, отчаянная, слепая храбрость сорвиголовы не поучительна и зачастую вредна для дела.

Только зимой, когда заворачивали лютые морозы, кончались его странствия между двумя деревнями: мать устраивала его на постой к какой-нибудь сугутьевской старушке, выдавала на три зимних месяца мешок картошки и полмешка муки.

Семилетку ему тоже не удалось окончить в срок — переболел сыпняком. А вскоре после выздоровления он провалился под лед, когда вместе с дядей ехал через реку на возу с сеном. Ловкий дядя соскочил, вытащил племянника на крепь, потом и лошадь с возом, проявив в борьбе с водной стихией столько же находчивости, как и в борьбе с огнем. Поскидав с себя одежду, быстро переодел племянника в сухое. Ледяная закладка неожиданно пошла на пользу ослабленному сыпняком Сергею. Он не только не заболел, напротив, с той поры стал набирать здоровую и выносливость.

Через год Сергей окончил школу и, уже крещенный огнем и водой, решил пройти медные трубы. Почти все ребята, желавшие продолжать обучение, поступили в находившийся поблизости целлюлозно-бумажный техникум, а Постевой отправился в Ленинград, в пожарно-техническое училище. Да еще друга с собой прихватил, юного деревенского богатыря Антона Краснолобова.

Двинулись в далекие края друзья, сразу не выезжавшие дальше Трубчевска, добрались, подали бумаги в училище, расположенное в Стрельне, живописном пригороде Ленинграда, сдали вступительные экзамены и предстали перед мандатной комиссией, которую возглавлял веселый и грозный начальник училища полковник Верин. С богатырем Краснолобовым затруднений не оказалось, а при виде кро-

шечного Постевого Верин выразил такое же удивление, как житель Страны великанов при виде Гулливера.

— Это что такое? — спросил полковник.
— Постевой Сергей Игнатьевич! — звучным мужским голосом отозвался малыш.
— И что же ты хочешь? — поинтересовался Верин.
— Учиться.
— Где?
— У вас. Я экзамены сдал.

Верин взял со стола ведомость, пробежал глазами.
— Неплохо!.. Смотри же ты!.. Но какой из тебя пожарный, голубчик? Кто тебя в огонь пустит? Ни роста, ни стати.

— Откуда же стати взяться? — развел руками Сергей. — С картошки да пустых щей? Бедная у нас деревня, товарищ полковник, очень бедная.

Разумная и спокойная повадка его понравилась Верину, но был он человеком памятьвым и сразу поймал Постевого.

— Краснолобов Антон из вашей деревни? А вон какой вымахал!

— Это верно! — вздохнул Постевой. — Нет правил без исключений. А пойти к вам я его недоумил. Я всю жизнь мечтал стать пожарным.

— Неужто всю? — усмехнулся Верин. — Прямо-таки всю свою долгую жизнь только об этом и мечтал?

— Да, всю, какая есть, — подтвердил Постевой.

Есть люди, чья яркая, размашистая личность с ходу покоряет окружающих. Постевой таким никогда не был и не стал. Но чем дальше контактируешь с ним, тем отчетливее чувствуешь его волевою заряженностью. И полковник Верин с легким раздражением обнаружил воздействие силового поля хилого паренка, которого он от души пожалел за физический недобор. Но, будучи человеком справедливым, он хотел, чтобы тот сам забрал свое заявление.

— Разве нет других хороших профессий? — спросил он упрямя.

— Есть, только не для меня. Пожарный — самая благородная и самая, самая нужная людям специальность.

— Чепуха! — рассердился Верин. — Каждая профессия нужна и... — «К чему эта болтовня?» — оборвал он себя. — Я же и сам так думаю...»

Он глядел на маленькую фигурку в ковбойке с золотными рукавами, и пришелец из далеких бедных Глыбочек уже не казался ему ни таким хилым: крепкие, чуть покатые плечи, грудь — соколком, твердый постав ног, ни даже таким низкорослым. Ладно и прочно был он схроен и, видать, ловок, такой в любую щель проскользнет. И, главное, эта непоколебимая вера в свое призвание. «Да ведь такие люди нужнее в пожарном деле, чем здоровяки-губошлепы», — думал Верин. — Мы готовим командиров, и тут мозги, характер, воля куда важнее физических данных».

— Ну как, товарищи? — обратился Верин к членам комиссии. — Принимаем?.. Добро! Но все-таки подрасти, дружок, — попросил Постевого.

— Я подрасту, товарищ полковник, — серьезно заверил тот.

И сдержал слово, как и всегда в жизни: подрос природе вопреки на целых двадцать сантиметров!

— Сергей Игнатьевич, дорогой, сколько ж в вас было роста? — вскричал я, заподозрив, что стал предметом дружеского розыгрыша.

— А вот считайте: сейчас во мне метр шестьдесят шесть, отнимите двадцать.

Я посмотрел на серьезное, твердое и надежное лицо моего собеседника: нет, он не был из породы игривых шутиков.

— Вы на сантиметр выше Пушкина, — вспомнил я.

— Правда? — Он сдержанно улыбнулся. — Вот не знал, спасибо!

...И началась учеба. Нелегкая — предметов было много: общеобразовательных и специальных, среди последних — пожарная тактика, пожарно-техническое вооружение, пожарно-строевая подготовка. Большое значение придавалось физкультуре: пожарный должен быть ловок, вынослив, обладать чувством баланса, не бояться высоты, уметь преодолевать препятствия, поднимать большие тяжести.

Сергей Игнатьевич сохранил благодарное и теплое воспоминание о стрелненском училище — и о товарищах-курсантах и о преподавателях. Хотя, похоже, не так уж все было гладко у него, особенно поначалу. Вспоминала годы учения, Сергей Игнатьевич раз-другой обмолвился, что он происходил «не из бойкой деревни». Видать, остальные курсанты, кроме Антона Краснолобова, были побойчее и по правилам юношеского общения «подсыпали перчика» простодушным сынам трубчевской глубинки. Впрочем, толстая кожа и пудовые кулаки Краснолобова — в самой фамилии есть что-то богатское — служили ему хорошей защитой от переборов курсантского остроумия. Сергею Постевому, не сразу набравшему росту выше пушкинского, приходилось, надо думать, куда сложнее. Впрочем, тут нет большой беды, это прибавляло душевного опыта, учило жить среди людей, воспитывало волю и сопротивляемость.

Но как добрее взгляд Постевого, когда он вспоминает о преподавателях! До чего же ответственное дело быть учителем! Сколько людей повидал на своем веку Постевой — и на родине и на чужбине, и в мирные и в военные дни. Были среди них герои, большие командиры, и просто умные, душевные люди, были натуры страстные, открытые, были затаенные, до сердцевин которых мудро добираться. К одним он привязывался, от других отталкивался, с одними притягивался, дружил, с другими враждовал, боролся, но через всю эту человечью несметь нежно светят ему далекие милые лица

первых наставников: Рыжова, преподававшего военную технику, физика Войцеховича, стремившегося подводить курсантов к открытию важнейших законов, а не вкладывать им в головы готовые знания, преподавателя литературы Крылова, человека глубоко штатского, который при входе в аудиторию в ответ на зычный рапорт дежурного растерянно просил: «Ладно, ребята, успокойтесь!» — и семенил к своему столу, прижимая к груди потертый портфель с книгами.

На втором году обучения к теории присоединилась практика. У школы была своя пожарная команда, и курсанты участвовали в тушении пожаров, сперва в качестве рядовых, потом командиров отделения (прежнее — брандмейстер) и, наконец, начальников караула. Первый пожар запомнился, как первая любовь. А горел всего-то небольшой сараюшко под боком у пожарного училища, в Стрельне.

Ребята по-разному относились к пожарам. Курсанту Постевому, воспитанному с детских лет в уважении к огню, поначалу было очень страшно, потом «нормально» страшно. «Нормально» — это когда предстоящая опасность и бодрит, и пощипывает кожу легким морозцем, и собирает в твердый ком все телесные и душевные силы. С самых первых шагов Постевой исключил из своего обихода такие проявления «романтизма», как плохо подогнанное снаряжение, незачеканенный карабин, затупившийся топорик, неисправный противогаз. Он выезжал на пожар безукоризненный, как жених на свадьбу. А вот у иных его товарищей, начавших с полного пренебрежения опасностью, в дальнейшем отношения с огнем весьма осложнились.

Постепенно приходил опыт. Они уже знали, что проще всего, когда горит деревянный дом и вообще когда пожар «открытый». Много хуже, если он «скрытый», в подвале, например, хотя снаружи ничего незаметно. Для обывателей это и не пожар вовсе, а так, дымком тянет. Но они-то знали, как опасен ослепляющий и душающий «дымок» и какие высокие температуры образуются в замкнутых помещениях. Узнали они, и каково работать на высоте, на обледенелой крыше, когда ветер с залива достигает четырех-пяти баллов. В Ленинграде такое не редкость. Словом, многое узнали курсанты Ленинградского пожарного училища имени В. Куйбышева и, закончив учение уже в дни Отечественной войны, были готовы к серьезным испытаниям.

В Москве Постевой получил назначение — начальником караула в только что созданную 51-ю пожарную часть. Напугав молодого воентехника, комбриг Троицкий, возглавлявший пожарную охрану Москвы, сказал: «Готовьтесь к очень сложной работе. Будут налеты на Москву».

Постевому пришлось начинать буквально с нуля. Не было ни людей, ни помещения. Здание универмага по Большой Тульской улице, отведенное пожарной части, еще стояло в лесах. Бойцов Постевому дали в Москворецком райвоенкомате. Иные ему в отцы годились, но он понимал, что для тыловой службы других и не дадут. В мирное время требуется двадцать пять дней, чтобы обучить новичка азам пожарного дела, а еще десять дней положено на освоение в части. Немолодые и не слишком шустрые новобранцы Постевого прошли эту науку за семь дней: как работать в дыму и на высоте, как подниматься бегом по пожарной лестнице, обращаться со шлангом, оказывать помощь пострадавшим, пользоваться инструментом. Караул Постевого и сам молодой начальник вступили в дело двадцать первого июля, в десять часов вечера.

Более двухсот самолетов участвовали в налете на Москву, среди них эскадрилья печально знаменитого легиона «Кондор», уничтожившего Гернику. Гитлер всегда тяготел к зловеще-театральным жестам. Разрушением советской столицы он хотел отметить месяц с начала войны.

Загорелся Даниловский рынок. Его деревянные павильоны и ларьки не представляли особой ценности, но мощное пламя демаскировало близлежащие заводы. Погасив пожар на рынке, Постевой должен был поспешить к Зацепе, а потом на место, где загорелись цехи завода. После этого их перебросили в другой район, где возник огромный и опаснейший пожар: на заводе занялись резервуары с гудроном, и смолистая лаза разлилась огненным озером. А затем, уже под утро, их зрелище на Хорошевское шоссе...

Около двух тысяч пожаров вспыхнуло в ту ночь в Москве, и все они к утру были потушены. Пожарная охрана города с честью выдержала жестокий экзамен. 22 июля по радио читали приказ народного комиссара обороны, объявившего благодарность зенитчикам, прожектористам и пожарным столицы.

Так трудно и успешно начал свою службу Постевой. А через некоторое время его постиг тяжелый удар, самый тяжелый за всю долгую службу. Согласно правилам, пожарные машины по сигналу воздушной тревоги должны были рассредоточиться: одна оставалась в гараже, другую загоняли под арку большого, старой, прочной кладки жилого дома, третью — в другое безопасное убежище. Как-то утром объявили воздушную тревогу. Машины заняли положенное им место. Тихо было в московском небе: ни зенитного огня, ни прерывистого гула немецких бомбардировщиков. Но отбоя почему-то не давали. А затем Постевой услышал стремительно нарастающий свист тяжелой фугасной бомбы. Будто яростным сквозняком придуло Большую Тульскую взрывной волной. Одинокая бомба, оброненная заблудившимся в небе Москвы вражеским самолетом, угодила прямо в жилой дом, под арку которого стояла пожарная машина. Из-под обломков излезли трупы и раненых. Конечно, никакой вины начальника караула тут не было. Риск входил в систему московской пожарной охраны.

Комбриг Троицкий хорошо изучил опыт Лондона, подвергавшего систематическим и безжалостным налетам, и пришел к выводу, что для Москвы этот опыт непригоден. Там пожары полыхали по двое суток. Во время налетов все лондонские пожарные уходили в бомбоубежища. И к отбою воздушной тревоги пожары успевали разгореться в полную силу. Московские пожарные работали во время налетов, нередко под пулями крупнокалиберных пулеметов противника. Пожар захватывали в самом начале. Конечно, они рисковали куда больше своих лондонских коллег, но потери в живой силе не были особенно велики. Шеф пожарной охраны Лондона полковник Саймон, приглашенный в Москву для обмена опытом, сказал перед отъездом, поступившись ради правды британской гордостью: «Вас нечему учить. Но сам я многому научился».

У гитлеровских летчиков имелся план Москвы с указанием важнейших объектов, подлежащих немедленному уничтожению, в их число входило Управление пожарной охраны.

Сейчас Постевому уже и не вспомнить всех потушенных им пожаров в Москве военной поры. Но по курьезу, впрочем, весьма естественному, в памяти остался совсем неважный объект, который к тому же не удалось спасти от огня. В одну из бомбовых ночей загорелось крошечное фотоателье напротив пожарной части. Только хотели прийти на помощь соседям—звонок из Центрального пункта: все силы бросить на пожар ремзавода. Пожарная служба чужда сентиментальности: ремзавод был спасен, а фотоателье сгорело дотла со всей аппаратурой, осветительными приборами, темными шторами и дряхлой мебелью. От нее остался лишь маленький стенд на углу, где под лопнувшим от жара стеклом среди нарядных молодоженов, храбрых воинов, выпускников школ и техникумов имелось и несколько мужественных лиц пожарных из караула Постевого. И стыдно было смотреть в глаза старенькому фотографу, пришедшему утром на погорелье...

Московская битва окончилась разгромом немецких войск, врага отогнали от столицы, небо очистилось. Налеты резко сократились, а с ними и пожары. Можно было перевести дыхание. Постевой воспользовался затишьем, чтобы попроситься на фронт. Его родная Брянщина была оккупирована, в Глыбочках под немцем оставались родители, старший брат погиб на фронте. И тут еще он встретил на улице дорогого друга Краснолобова с зелеными фронтовыми погонами лейтенанта. Антон нашел себе место в строю: с маршевым батальоном он уходил на фронт. И Постевого место сейчас должно было быть на том великом пожаре.

Первый рапорт он подал своему непосредственному начальнику Д. И. Мичурину, но получил отказ и двинулся дальше по иерархической лестнице, пока не дошел до самого комбрига Троицкого. Московский пожарный бог был человек приметливый и памятный, он успел оценить начальника караула и не пожалел на него времени. Нагоняя Постевого он выдал лично, в своей резиденции. «Бежать с поста надумал?—гремело разгневанное начальство. «Да, на фронт»,—спокойно отвечал Постевой. «А мне неважно, куда! Здесь тоже фронт. И думать забудь об уходе!» Наверное, это лестно, когда тебя так ценят, но Постевой не изменил своих намерений. С тем же упорством, с каким он некогда добивался чести стать пожарным, рвался он на фронт.

Он подал заявление на имя наркома внутренних дел. Его вызвал инспектор по кадрам Жуков. Разговор шел в ритме «крещендо»—от тихого, вразумляющего: «У нас не хватает квалифицированных командиров, из трех школ осталась одна в Свердловске»,—до угрожающего: «Ты учишься—теперь отработай. И чтоб мы о тебе больше не слышали!» «А что, на фронт пошлете?»—спросил Постевой. «Кругом!»—взорвался Жуков.

Постевой повернулся, как положено, четко отпечатал шаг по затоптанной ковровой дорожке и подал заявление на имя Верховного главнокомандующего.

На этот раз сработало. В августе 1942-го его вызвали в Управление и сухо сказали, чтобы брал расчет. Он поступил в распоряжение райвоенкомата. Видимо, ему кто-то удружил. «Поедете в тыл для пожарной охраны артиллерийского склада». «Это исключено»,—поблещев, сказал Постевой. «Пойдете под суд». «Не возражаю». «Вам даются сутки на размышление». В назначенный час он явился. «Согласны?» «Нет, пойду под суд. Дальше фронта не пошлют».

Под суд его все же не отдали. Поручили сопровождать в Рязань курсантов артиллерийского училища. «Поработаешь старшиной, по совместительству политруком, а потом с ребятами—на фронт». Поверил. Уехал в Рязань. Однажды в декабре их подняли по боевой тревоге. Они сразу поняли, что отправляют под Сталинград. «Звания получите на передовой!»—бодро напутствовал их старый генерал с тяжелыми, несправившимися глазами.

Курсанты уехали на смерть и победу, а Постевого не пустили. Скромный, исполнительный и безотказный, он был не из тех людей, от которых начальство спешит избавиться. Ему приказали принять пополнение. Оно состояло сплошь из девушек. В белых полубухах, шапках, отделанных цигейкой, и хромовых сапогах, они были прекрасны, как богини, и, как богины, недоступны. Так, во всяком случае, казалось поначалу оставшимся в училище курсантам и офицерам, униженным своей отдаленностью от фронта и к тому же по-тыловому плохо одетым: шинелишки «б. у.», кирза, солдатские ушанки

с поддельным мехом. Но один из командиров взвода вскоре обнаружил на свою беду, что недоступность белых королев создана воспаленным воображением истосковавшихся молодых офицеров. Он злоупотребил своим открытием: под полубухами скрывались не солдатские, а податливые девичьи сердца. Начались сцены ревности, скандалы. А предмету страстных ссор было напрочь отказано в уважении. Он пытался командовать, его не слушали, он хотел применить строгость, его высмеивали, хотел наказать, ему отвечали дерзостью, и, доведенный до отчаяния, лейтенант затерлился перед строем. «Его похоронили без воинских почестей»,—педантично сообщил Постевой. Вскоре всем курсантам было присвоено воинское звание «младший лейтенант» и молодые офицеры отправились на фронт. С этой группой на передовую уехал и Постевой.

Он пошел в бой на Курской дуге летом 1943 года в качестве командира минометного взвода стрелкового полка и тогда же убил своего первого немца. А затем участвовал в форсировании Днепра под Градежском, выше Кременчуга. Уверенный, что звание Героя Советского Союза Постевому присвоили за Днепр (тогда состоялось едва ли не самое щедрое награждение за всю Отечественную войну), я попросил его подробнее рассказать о «переходе Рубикона». «Тут сложностей особых не было, мы форсировали Днепр на плечах врага». Но я настаивал, мне хотелось красочных подробностей, сочной батальной живописи, ведь я полагал, что речь идет о самом главном бое в военной биографии Постевого. И он уступил.

Это случилось уже на правом берегу Днепра. Немцы удерживали господствующую высоту и мешали расширить плацдарм. Расстреливали и топили понтоны, не давали бойцам поднять головы. Две попытки овладеть высотой силами батальона привели лишь к тяжелейшим потерям. И тогда Постевого вызвал командир полка. «Мне тебя неплохо рекомендовали, и хотя ты минометчик, выбора нету, пехотных офицеров осталось мало, сам знаешь, какие у нас потери»,—такое было многообещающее начало. Постевому предлагалось отобрать сорок человек, по пять-шесть лучших из каждой роты, прорвать оборону противника, занять господствующую высоту и удерживать ее в течение двух дней. Дело осложнялось тем, что из-за песчаной пыли автоматы все время заедало, предстояло действовать в основном гранатами и холодным оружием. «Но ничего, приказ выполнили, хотя и потеряли больше половины отряда»,—без всякого пафоса закончил Постевой. «И вам присвоили Героя?»—спросил я. «Нет,—последовал неожиданный ответ,—за этот бой никого не наградили». «Как же так?» «Началось наступление, не до того было. На войне это часто случалось». «А Героя когда вы получили?» «Позже. Под Корсунь-Шевченковским». Мой собеседник, и вообще-то не слишком словоохотливый, стремительно утрачивал дар речи. Все мои попытки разговорить его ни к чему не приводили. Наконец, видимо, сжалившись надо мной, он достал из стола папку с газетными вырезками и протянул мне. «Материалы из фронтовой печати... Даже стихи есть»,—добавил застенчиво.

Я просмотрел содержимое папки и понял молчание Постевого. Есть вещи, которые о себе не расскажешь, слишком неправдоподобно они выглядят. То, что сделал Постевой возле деревни Оситняжки в дни боев за Корсунь-Шевченковский, принадлежит не современной войне, а былинному эпосу. Можно ли вообразить, чтобы один человек, вооруженный гранатами и пистолетом, уничтожил за считанные минуты тяжелый танк, самоходное орудие и до сорока человек пехоты? Именно это совершил, мстя за своего командира батареи и любимого друга, убитого и зверски изуродованного гитлеровцами, лейтенант Постевой, которого за малый рост и отсутствие стати не хотели некогда принять в пожарное училище. О подвиге Постевого написано много, особенно подробно и крепко в книге генерал-лейтенанта Бирюкова «Трудная наука побеждать». Интересно, попала ли эта книга в руки полковнику Верину?..

Постевой совершил свой богатырский подвиг не по случайной случайности, не в порыве гневного вдохновения, когда человеком движет не разум, а какое-то древнее, темное, неуправляемое чувство. Нет, его гнев, его ярость были законными, как и всегда, в броню точного расчета. Он отыскал место на перекрестке дорог, где то и дело проходили немецкие танки, замаскировался в картофельной ботве и в должный миг нанес свои удары: танку перекусил гранатой гусеницу, после чего уничтожил десант, а самоходку парализовал через открытый верх.

Никто бы, возможно, и не узнал о подвиге Постевого, ибо сам он ни словом не обмолвился о содеянном, справедливо полагая, что этому просто не поверят. Но, потрясенный виденным, пленный немец рассказал все на допросе. Жители Оситняжки, наблюдавшие за боем, уточнили лишь одну деталь в рассказе пленного: убитых было не тридцать шесть, а сорок два.

Лейтенанту Сергею Постевому присвоили звание Героя Советского Союза. А вскоре он подорвал гранатой еще один немецкий танк.

Он счастливо воевал. Был всего лишь дважды легко ранен. Первый раз отделился медсанбатом, в другой раз попал в харьковский госпиталь. Но через месяц выписался, нагнал свою часть и с ней дошел до победы, которую встретил в Австрии. По окончании войны он побывал в отпуске, навестил

родителей, провадал Москву, старых товарищей и женился. Вон сколько успел за короткий отпуск!..

Жена подарила ему сына Александра. К тому времени Постевого перевели в Белорусский военный округ, он командовал минометной батареей, был на отличном счету, но, твердо уверовав в прочность наступившего мира, с обычной решительностью пожелал вернуться к тому делу, которое по-прежнему считал главным в своей жизни.

И вот он снова в Москве, начальствует в звании капитана над пожарной частью в районе Красной Пресни. Дальнейший путь Постевого—это ровное и неуклонное продвижение вверх по служебной лестнице. За его безукоризненным формуляром громадный труд, непрестанное напряжение, тысячи потушенных пожаров, множество спасенных жизней и не счесть сколько сохраненных государственных ценностей.

Но не бывает счастья до конца. В расцвете лет умерла его жена, изглоданная неизлечимой болезнью. Он остался с маленьким сыном на руках. Пройдут годы, утихнет сердечная боль, он встретит другую женщину, полюбит, она заменит его сына мать и принесет Сергею Игнатьевичу другое дитя—дочь Ирину.

Сейчас сын и дочь имеют собственные семьи, сделал Сергей Игнатьевич двойным дедом. Сын пошел по стопам отца. Известны династии ремесленников, художников, музыкантов, ученых, рабочие династии доменщиков, сталеваров, прокатчиков, а Сергею Игнатьевичу Постевому выпало заложить династию пожарных. Для этого требовалось, чтобы профессия отца казалась сыну самой важной, увлекательной и благородной профессией на земле.

Сергей Игнатьевич прошел свои университеты на крышах и в подвалах горящих зданий. Впрочем, высшее образование он все-таки получил—окончил заочно юридический институт. Для кругозора, да и мало ли что может случиться в жизни...

—Ну, а дочь?—спросил я.—Неужели и она причастна огню?

АПРЕЛЬ 1945 ГОДА. ПОСЛЕ БОЕВ НА ДУНАЕ.

ПО ОКОНЧАНИИ ВОЙНЫ С. И. ПОСТЕВОЙ СНО ВА ВЕРНУЛСЯ К ПОЖАРНОМУ ДЕЛУ.

— Да,—твердо сказал Постевой.—У нее профессия самая зажигательная, она артистка балета Красноярского ансамбля танца народов Сибири.

Почему-то у меня сложилось впечатление, что полковник Постевой сам уже на пожары не выезжает. Ведь он возглавляет особый отряд—учебный, где готовят младших командиров и специалистов пожарной службы. При отряде имеется пожарная команда, ее начальник—старший лейтенант Соловьев. Расположено «хозяйство Постевого», как говорили в армии, на бойком месте; в зоне действия команды такие важные и легковоспламеняющиеся объекты, как киностудия имени Горького и кинофабрики на ее же территории, киноинститут, телецентр, кинотеатр «Космос», парк культуры имени Дзержинского. Но ни студия, ни ВГИК, ни телецентр, ни парк, ни «Космос» не горели, а едва ли Постевой станет выезжать на мелкие пожары. Он и так загружен до предела: депутат районного Совета, член бюро райкома, активный деятель Комитета ветеранов войны. Но, сунувшись в шкаф за свежим блокнотом и по ошибке открыв не ту дверь, я вместо своей дублировки увидел полное снаряжение пожарного: брезентовый костюм, каску, кислородный аппарат.

— Сергей Игнатьевич, вы и сейчас выезжаете на пожары?

— Конечно,—сказал он удивленно,—а как же иначе?

— Но ведь не на все?

— Разумеется!

— Только на большие?

— Большой пожар не обязательно сложный пожар. А сложный пожар не обязательно большой в житейском представлении. Я уже говорил вам о скрытых пожарах. Недавно загорелся подвал в жилом доме. Домууправление там веники хранило. Всего-навсего. И кто-то бросил горящую спичку. Веники, конечно, вспыхнули. А рядом, через помещенье,—москательный склад: керосин, бензин, краски. Дым из подвала забил лестничную клетку и стал проникать в квартиры. Жильцы сверху кричат: «Помогите, задыхаемся!»

Прибывшая на пожар команда быстро установила дымоотводы, но они не помогли. Тогда двое пожарных в противогазах проникли сквозь клубы дыма на верхние этажи, разбили окна на лестничной площадке, и ток свежего воздуха проник в квартиру.

Но положение оставалось угрожающим. Попытки пробиться к очагу горения не принесли успеха, температура в подвале — под четыреста градусов. От жара погнулись железные балки перекрытия. В клубах дыма не разглядеть, где горит. Струи воды, направленные в исход дыма, не достигали цели, — решили, что очаг находится где-то за перегородкой.

Опытный офицер, руководивший тушением, применил воздушную пену, но и она не достигала очага горения. Тогда он приказал трем пожарным одеться в теплоотражающие костюмы. С кислородными аппаратами, обильно поливаемые водой из шлангов, они устремились с пенным стволом в зону горения. И на этот раз сработало. Измученные, грязные, прокопченные, вышли из пекла укротившие огонь бойцы. Вот какие бывают венки березовые!... Спросите — большой ли это пожар? Да нет, горение охватывало всего лишь пятнадцать квадратных метров...

— Сергей Игнатьевич, — сказал я проникновенно и даже закрыл блокнот, дабы создать атмосферу интимности и полного доверия. — А теперь о самом интересном, что было в жизни вашего отряда в прошлом году.

И сразу мне вспомнился один из бунинских рассказов; автор спрашивает зажиточного мужика, что было у него наиболее интересного в жизни. И мужик отвечает истово: интересного, слава богу, ничего не было, грех жаловаться.

— Журналисты — народ кровожадный, — улыбнулся Поставой. — То, что для вас «интересное», для нас чрезвычайно происшествие. По счастью, ничего особенно интересного не было. Никто не совершал смертельного подвига, не погуб и не покалечился. Схлопотал у нас один парень цветочным горшком по физиономии, зуб ему выбило, когда в окно горящего дома забирался, но это легкая травма. Другой руку о стекло порезал — мелкое происшествие. А интересного не было. Из гражданского населения никто не задохнулся в дыму и не сгорел заживо. Одна старушка попробовала, да ефрейтор Горбунов вынес ее по пожарной лестнице и получил внеочередной отпуск на десять суток. Еще один пятилетний пацан поджег квартиру и под кровать спрятался. Держался до последнего, но от старшего пожарного Подхватилина не ушел, несмотря на плотную дымовую завесу. Нашел его Владимир Подхватилин и, преодолев отчаянное сопротивление, вынес живым и невредимым из огня и тоже в отпуск к родителям отправился. Ну, а хвалить ефрейтора Карина за то, что вернул погорельцу толстую пачку денег, четыре сберкнижки и ларь с драгоценностями, я считаю униженным для комсомольца. Это должно быть нормой поведения. Так что сами видите, жизнь наша простая и скромная. Была довольно напряженная профессиональная работа без всяких романтических приправ. Надеюсь, такой и останется. Что же касается меня самого, то есть люди, которым необходимы большие нагрузки, чтобы чувствовать вкус жизни. И если человек это получает, то он счастлив, и хвалить его не за что. Разумный эгоизм, как сказано у Чернышевского.

На этом мы и расстались, и Сергей Игнатьевич уехал в очередной, а не в наградный отпуск в Сочи. Мне лично январь не кажется самым лучшим месяцем для отдыха на Черноморском побережье: холодно, ветрено, неудобно, но ведь Сергею Игнатьевичу нет счастья без повышенных нагрузок...

Позже, уже в отсутствие Поставой, я познакомился с начальником пожарной команды отряда старшим лейтенантом Соловьевым, который ввел меня в повседневную жизнь части.

— А видели вы когда-нибудь Сергея Игнатьевича в настоящем деле? — спросил я.

— Еще бы! Не раз. Но больше всего мне запомнился давнишний пожар на комбинате «Правда».

— А разве там был пожар?

— Да. В 1967 году. Во дворе издательства загорелась бумага, накрытая толем. Пламя вымахало до чердака типографии. Такого рослого пламени я сроду не видел. Меня туда вызвали по дополнительному. Тушил пожар 5-й отряд, которым тогда командовал Поставой. Он действовал на самом верху, на чердаке. В самом пекле. Положение было угрожающее, и потом это же не что-нибудь, а «Правда». Вот когда я понял, что такое личный пример и высший класс работы! Вы, конечно, знаете о его подвиге, за который ему Героя дали? Я всегда удивлялся, откуда что берется. Вроде бы обычный человек, никакой не богатырь, тихий, скромный. А вот там, на пожаре, будто своими глазами увидел, как он немецкие танки взрывает и пехоту косит. Жаль, что я стихи сочинять не умею, а то бы обязательно сочинил, вроде той баллады, что на фронте о нем ходила...

Я тоже не умею сочинять стихи, но в прозе мог бы написать о Поставоем иначе, чем сделал это в данном очерке. Пожар и вообще «литературогеничен», если позволено так выразиться. И насмотрелся я на пожары у себя за городом. В нашем маленьком поселке два дома сгорели от молнии. Я и сам горел трижды. Так что можно было бы раздраконить тему, создать образ эдакого Антипрометей, но это противоречило бы простой и строгой сути Сергея Игнатьевича Поставой, врага красоты, громких фраз и романтического захлеба.

Фрагментальная Реликвия

Начало
на 18-й стр.

— Бакуев был вздорным стариком, — сказал доцент, подумав. — Но он был общительным человеком. Так по крайней мере рассказывали те, кто его знал. Жил он в общем-то скромно, не заботясь об удобствах. Имущества у него никакого, в сущности, не было. Стол, койка железная, пара табуреток да два солдатских котелка. Ну и еще — бумаги. Он переписывался с музеями, архивами и с частными лицами. Чего там только не было! Я видел даже...

Наумов вдруг засмеялся.

— Невозможно поверить, — сказал он, — но я читал его заявку, которая называлась «О добыче серебра из человеческих волос». Бакуев вполне серьезно предлагал организовать сбор волос в парикмахерских страны на предмет извлечения из них серебра химическим путем. В этот день Бакуев. Но вот что удивительно: в своих предположениях и проектах он всегда отталкивался от вероятного. Вздор начинался уже после. Он превращал в абсурд все, к чему прикасался.

— А Сикорский говорил мне, — сказал я, — что Бакуев всегда исходил из неверных посылок.

— Сикорский — рационалист, — сказал Наумов, нахмурясь. — У него холодный ум скептика. Но мы, кажется, отвлечаемся.

— Да, — кивнул Лаврухин. — Мне тоже это кажется.

— Вопрос в том, — сказал Наумов, — что считать верной посылкой. И как к ней относиться. Добыча серебра из волос — абсурд. Но следы серебра в волосах обнаружить легко. Бакуев явился в Заозерск по следам княгини Улусовой, которая будто бы заезжала в город перед тем, как покинуть Россию. Нам же известно, что она сюда не заезжала и никакими родственными узами с Заозерском не была связана. Однако Бакуев был уверен в противном. Какими-то неизвестными путями к нему в руки попала часть переписки княгини с одной из ее подруг. Датированы письма были 1912, 1914 и 1917 годами. Три письма. В двух первых обычная женская болтовня, перечень светских новостей, а третье было какое-то отчаянное. И послано оно было, судя по содержанию, уже с границы. И вот в нем-то и упоминался Заозерск. Улусова писала, что покидает родину с тяжелым чувством, что она растеряна, уничтожена, раздавлена...

Наумов сделал паузу, потом продолжал:

— Короче говоря, в письме была фраза: «Ты знаешь, Натали, что все мое осталось в Заозерске. Все, что представляет для меня ценность, я оставила там. Поняла я это только сейчас. Как жаль, что ничего нельзя вернуть».

— Эти письма сохранились? — спросил Лаврухин.

— Не знаю, — медленно произнес Наумов. — После смерти Бакуева все его бумаги были переданы в музей. Там я и ознакомился с ними.

— Ну, а эта Натали? — поинтересовался Лаврухин. — Бакуев с ней не встречался совсем?

— Он искал ее в Москве, но Натали была уже на кладбище. Попала под бомбежку в сорок первом.

— Да, — пробормотал Лаврухин.

Наумов вздохнул. «А ведь он волнуется», — подумал я, заметив, что доцент изредка проводит по губам кончиком языка. Лаврухин это тоже заметил. Но причина волнения была нам не ясна. Может быть, доцент волновался потому, что впервые оказался в кабинете следователя? Может, повод был другой. Он начал нервничать, когда разговор зашел о письмах княгини к этой неизвестной Натали, которая жила когда-то давно, так давно, что казалось, ее и не было вовсе. А если что и было, так оно давно поросло кладбищенской травой. Казалось...

Наумову казалось, что Бакуев исходил из верных посылок, только пришел к неверным выводам. Это, впрочем, не помешало Бакуеву распечатать где-то портрет княгини. Бакуев был общительным человеком, он не делал тайны из своих поисков. Он чуть не каждый день бегал в редакцию местной газеты и делился с сотрудниками своими открытиями. Над ним посмеивались, его не принимали всерьез. А он искал.

— Он умер от радости, — сказал Наумов. — Бывает, что люди умирают от радости.

Лаврухин усмехнулся. Он знал, что и не такое бывает.

— А вы? — спросил он. — Что толкнуло вас в ряды последователей этого старичка? И почему вы отказались от поисков?

— Что толкнуло? Я был молод... — сказал Наумов задумчиво. — А отказался, когда убедился в безнадежности предприятия. Теперь же... — Он помолчал недолго. — Теперь я начинаю убеждаться в обратном.

Наумов указал глазами на золотую бляшку.

— Вы все-таки поясните нам, — медленно произнес Лаврухин, — в чем тут дело? Насколько я понимаю, все эти вещи к коллекции княгини отношения не имеют. Так же, как и портрет.

— Вещи — да, — сказал Наумов. — Но инициалы на брагетате... Они указывают на человека, который имел отношение к княгине. И, видимо, этот человек занимал в ее жизни

немалое место. Кто этот «А. В.»? В свое время я пытался это установить, но безуспешно. Сейчас я склонен предполагать какую-то романтическую историю...

Я демонстративно вытащил из кармана пачку сигарет и щелкнул зажигалкой. Я постарался щелкнуть погромче. Я был сыт по горло романтическими историями. Только их, романтических историй вековой давности, не хватало, думал я, старательно окуривая Лаврухина.

Но оказалось: не хватало.

Я рассматривал портрет княгини. Буквы «А. В.» на полотне отсутствовали. Облезла краска с углов портрета, облупилась. И писем княгининых в музее не было. Сикорский мобилизовал весь свой немногочисленный штат на розыски этих писем. Но увы. Не пришлось мне увидеть ни писем, ни бакуевского трактата об извлечении серебра из волос. И в описях бакуевские бумаги не числились.

— Странно, — сказал Сикорский, когда последняя из искавших — хмурая женщина в сатиновом синем халате — доложила ему, что «серой палочки нигде нет». — Странно, — повторил он. — У нас никогда ничего не похищали.

Он стоял посреди кабинета, сосредоточенно вглядываясь в портрет. А Наумов, как показалось мне, приободрился, услышав о пропаже документов. В музее он шел неохотно. Что-то не нравилось ему в идее этого похода, но что именно, я не знал, хотя предположение на этот счет у меня имелось. Касалось оно опять же романтической истории, только не давней, а теперешней, современной, так сказать. Короче говоря, думал я, что Наумову не хочется встречаться с Сикорским. Ведь между ними стояла Лира Федоровна. И хотя оба они были оставлены в дураках, поскольку Лирочка-Велирочка предпочла им сперва Астахова, а потом анонимного бронега или сперва бронега, а потом Астахова, тем не менее у Наумова и Сикорского были причины если не враждовать, то просто дуться друг на друга. Так я понимал это. Потом, правда, выяснилось, что я не все понимал. Впрочем, это не помешало мне наблюдать за Наумовым и заметить, что его обрадовало исчезновение бакуевских бумаг. Он сделался общительным, повеселел.

Зато помрачнел Сикорский. Он даже накричал на своих сослуживцев, которым, как он выразился, ничего нельзя доверить, которые спят на ходу... Ну и все такое прочее. Прав он был или нет, трудно судить. В описях-то серая палочка не числилась. Она как бы и не существовала вовсе. Я наемнул Сикорскому на это обстоятельство, но он понял меня буквально и сказал, что палочка существовала, он ее видел не раз, и Наумов ее выдвигал и даже работал с нею, а то, что она не числится в списках, то тут его вины нет: документы поступили в музей, когда директорствовал Ребриков, и занести их в опись тоже должен был Ребриков. Но он этого не сделал, потому что не придал серой палочке значения.

— А инвентаризации? — спросил я. — Разве их после Ребрикова не было?

— Отчего же, были, — сказал Сикорский равнодушно. — Но я подписывал готовые акты. Создавались комиссии, в них входили представители Управления культуры...

— Занятно, — сказал я, пытаясь вообразить, как воспримет эту новость Лаврухин. — А вы не помните, когда видели эту палочку в последний раз?

Сикорский потер лоб и надолго задумался. Наумов смотрел на портрет. Я тоже бросил на него взгляд и во второй раз подумал, что где-то я с этой женщиной встречался. Но так как это было практически невозможно, то я постарался выкинуть дикую мысль из головы и повернулся к Сикорскому.

— По-моему, — сказал он медленно, — эта палочка попала мне на глаза совсем недавно. С месяц назад, возможно. Что-то мы делали в запаснике...

Он вышел на минуту и вернулся с той самой хмурой женщиной. Она уже успела снять пыльный халат и предстала теперь перед нами в мешковатом зеленом платье.

— Вероника Семеновна, — сказал он строго, — вот этот товарищ, — Сикорский кивнул в мою сторону, — из уголовного розыска. Его интересует, давали ли вы ключи от запасника Астахову, когда он у нас работал.

Вряд ли Сикорский был телепатом. Но сориентировался он правильно. Он предугадал мой вопрос. Правда, у меня было два вопроса. Потому что я сначала спросил бы о Лире Федоровне. Я спросил бы, не давала ли ключи Астахову Лира Федоровна. Оказалось, не давала. Ключами ведала Вероника Семеновна, которая глядела на меня не то чтобы испуганно, но как-то странно глядела, с какой-то потаенной опаской, что ли. И я подумал, что чувство это вызвано вовсе не тем, что Вероникой Семеновной заинтересовался уголовный розыск. Вероника Семеновна уже давала показания Лаврухину. Но в них не было речи ни о ключах, ни о серой палочке.

— Астахов держал кисти и краски в запаснике, — сказала Вероника Семеновна.

— А ключи? — нетерпеливо произнес Сикорский. — Ключи вы ему давали?

— Я открывала и закрывала дверь. Я никогда...

Вероника Семеновна всхлипнула, не докончив фразы. Ну, вот... Ладно, пусть успокоится, а я тем временем посмотрю акты инвентаризации. Мд-а-а...

— Вероника Семеновна, вот акты, вот ваша подпись. Объясните, как случилось, что в них нет упоминания об этой папке?

— Инвентаризации производились по описям. Мы их брали за основу и сопоставляли с наличием.

— И что же?

— Не знаю.

— Но вы знали о существовании этих документов?

— Их не было в описях. Но я знала...

— Почему эта папка не попадалась на глаза членам инвентаризационных комиссий? Неужели никто никогда о ней вас не спрашивал?

— Никогда.

— Вы не находите, что это выглядит... Ну, не совсем естественно, что ли? Вы лично эту папку когда-нибудь держали в руках?

— Держала.

— Заглядывали в нее?

— Все заглядывали. Товарищ Наумов тоже

— Астахов этой папкой интересовался?

— Нет, никогда.

— Лира Федоровна?

— Со мной она об этом не говорила.

— Кто имел доступ в запасник?

— Все. Только... Только ключи всегда со мной. И я... Я несу персональную ответственность за сохранность фондов. В запаснике есть очень ценные вещи.

— Тем не менее Астахов складывал там краски...

— Он попросил разрешения. Так было удобнее. Не надо бегать через двор. Кроме того, в сарае было холодно, надвигалась зима.

Надвигалась зима... Астахов возник на горизонте Леры Федоровны осенью. А за полгода до этого Лира Федоровна рассталась с мужем. Серая палочка тогда лежала на месте. Наумов с ней работал открыто. Но чья-то рука заботливо оберегала эту палочку от взглядов членов инвентаризационных комиссий, кому-то не хотелось, чтобы папка попала в опись. Ну-ка, Зыкин, тряхни хронологией. После Бакуева за музейный штурвал взялся Ребриков. Было это в пятьдесят седьмом. Ребриков — друг Наумова. И это, кажется, все, что пока о нем известно. Все ли? Ребриков был толковым организатором. Систематик. Это он смыл побелку с первоуродного греха. И это он толкнул Наумова на поиски княгининой коллекции. Систематик. Почему же он, этот систематик и аккуратист, не запротоколировал серую палочку? Считал ерундой? Может, и так. Но зарубить этот вопрос на носу тебе, Зыкин, нужно. И Ребрикова поискать нужно. Потому что началась эта мистика с папкой при Ребрикове. Ни Леры Федоровны, ни Сикорского, ни тем более Астахова здесь тогда не было. Был Наумов. А Вероника Семеновна была?

— Сколько лет вы работаете здесь, Вероника Семеновна?

— С пятьдесят седьмого года.

Значит, была...

Ну, что ж, пора сказать «пока» Веронике Семеновне, пожать руку Сикорскому и отправляться отсюда с Наумовым, который явно настроен потолковать со мной, наедине потолковать, без свидетелей. Он умный мужик, этот Наумов, он смекнул, куда я шагнул, когда заинтересовался трудовым стажем Вероники Семеновны, сообразил, что этим вопросом я и к нему адресовался.

Но чему он обрадовался, когда услышал о пропаже бакуевских бумаг?

— Я не переносю насмешек, — сказал Наумов, когда мы уселись на скамью в сквере, отойдя от музея шагов на триста.

Портрет княгини, завернутый в газету, лежал между нами. Наумов потрогал сверток и бросил на меня испытующий взгляд. Я сказал беспечно:

— Это свойственно всем.

— Я их не переносю, — повторил он. — Я понимаю шутку, но я не выдерживаю холодной, язвительной насмешки. Я не могу встать выше, я взрываюсь.

Я никак не мог взять в толк, зачем он говорит мне это. Я ждал от него других слов, я еще думал о Веронике Семеновне, серой палочке и о странном поведении доцента, испытывавшего нечаянную радость, когда Вероника объявила о том, что «палочки нигде нет». Мне понадобилось некоторое усилие, чтобы сообразить, что Наумов завел вовсе не абстрактный разговор, что своей короткой фразой о нетерпимости к насмешкам он уже объяснил мне все: и нежелание идти в музей и последующую смену настроения. Но понял я это лишь тогда, когда он заговорил о Лире Федоровне.

Заговорил, впрочем, не сразу. Сначала он рассказал мне кое-что о Ребрикове, который, по неточным данным Наумова, жил сейчас в соседнем областном центре. Наумовская оценка не разошлась с той, какую дал Ребрикову Сикорский. Это был Человек. Который Умеет Налаживать Дело. Не будучи сам узким специалистом, Ребриков тем не менее умел создавать условия, в которых узкие специалисты могли работать с полной отдачей. Он был способен вдохнуть душу в самое, казалось бы, безнадежное предприятие. Так вот и случилось, что влачавший жалкое существование музей при Ребрикове преобразился. В музее прочно поселилась История. Оказалось, что у Заозерска интересное прошлое и что

жили в городе интересные люди. Об этом было известно и до Ребрикова. Но то были, как выразился Наумов, распыленные знания. Теперь они стали концентрироваться в музее...

Разговор стал мне надоедать. Я вытащил сигарету и начал неторопливо разминать ее, наблюдая за юрким воробьем, который целился поклевать табачные крошки, но никак не мог решиться подобраться к моим ногам.

— Понимаю,— сказал Наумов.— Предисловие затянулось. Но, думаю, вам будет полезно узнать, как случилось, что мы с Ребриковым заинтересовались книжкой.

Так. До сих пор вопрос трактовался однозначно — интерес представляла не книжка, а ее коллекция. И не для Ребрикова, а только для Наумова, поскольку Ребриков коллекцией не интересовался. А тут вдруг: «Мы с Ребриковым».

— Я не оговорился,— сказал Наумов.— Да, мы с Ребриковым. Или, чтобы быть точным, Ребриков заинтересовал меня. Все началось с фресок...

— С каких фресок?— недоуменно спросил я.

— С церковных фресок,— сказал доцент.— С живописного рассказа о сотворении и грехопадении человека.

— Божественный комикс?

— Да,— усмехнулся Наумов.— Комикс... Комикс... А вы наблюдательный человек.

— Благодарю.

— Нет, в самом деле,— сказал доцент без улыбки.— Безвестный художник восемнадцатого века был гениальным человеком.

Я вздохнул обреченно.

— Послушайте,— сказал я.— Восемнадцатый век. Не слишком ли далеко мы уехали?

Он считал, что не слишком. Он растолковал мне, что фрески в нашем музее — явление уникальное, поскольку на них представлена обнаженная натура, что нужна была большая смелость, чтобы отойти от традиций, от плоской иконописи к объемному изображению, да еще улыбнуться при этом, улыбнуться умно, тонко, не оскорбляя чувств верующих, но и представляя им полную возможность оценить юмор ситуации, в какой оказались Адам и Ева после вкушения яблочка познания...

Наумов выбрался из темноты столетий в наш благоустроенный двадцатый век в тот момент, когда я затаптал в песок третьей окурку. В пятьдесят седьмом году Ребриков прочитал студентам института, в котором учился Наумов, лекцию по истории Заозерска и попутно сделал сообщение об открытии фресок. У Ребрикова родилась мысль смыть побелку. А замазал фрески вовсе не Бакуев, замазаны они были еще в двадцатые годы. Церковь в ту пору использовалась под зерносклад.

Музей перевели в это здание сразу после войны,— сказал Наумов.— Ну, а Бакуеву, как вы знаете, было не до фресок.

Мне тоже было не до фресок, но я твердо решил дать Наумову возможность выговориться и поэтому терпеливо выслушал рассказ о том, что когда была смыта побелка, то оказалось, что фрески двухслойные, что Адам и Ева выплыли из мелового тумана не обнаженными, а одетыми, но одежда была очень непрочной, что «портной», который ее шил, был парнем смекалистым и употребил для драпировки фигур специальные краски, легко смываемые, ибо понимал, что к чему и что почему...

Я терпеливо выслушал все и спросил: — Ну и что?

— Меня это заинтересовало,— сказал Наумов.— Словом, Ребриков увлек меня...

— Сделал вас «другом музея»...

Он улыбнулся, поднял прутик и начертил им на песке две буквы: «А. В.».

— Вот что мы нашли,— сказал Наумов, поигрывая прутиком.

Они переворошили горы бумаг. Они искали имя художника, но не нашли ничего, кроме глухих указаний на то, что фигуры на фресках были задрапированы вскоре после их написания по распоряжению синодальных властей. Они искали имя творца фресок, а нашли только инициалы «А. В.», разбросанные там и сям на документах. Этот «А. В.» имел привычку пометать таким способом интересные его места. Сначала они не обращали внимания на это своеобразное нотабене, но так как оно назойливо лезло в глаза там, где встречались упоминания о фресках, то они стали кое о чем догадываться.

— Он прошел по тем же следам гораздо раньше нас,— сказал Наумов.— Понимаете?

Не понять было бы трудно. Какой-то неизвестный «А. В.» шел по следам вовсе уж не известного художника, жившего в восемнадцатом веке. Только мне-то это понимание было вроде ни к чему. От «А. В.» нити тянулись к портрету княгини, к золотой бляшке и обрывались. От «А. В.» тянулись и другие нити, тянулись в восемнадцатый век и тоже обрывались. Это был другой роман...

— Но, может быть, ему удалось...— высказал осторожное предположение доцент.

— Может быть,— флегматично отозвался я.

Может быть, этому «А. В.» и удалось проникнуть в тайну, запрятанную в глубине столетий. Но нам-то от этого не легче. Правда, по Наумову, выходило, что он наткнулся на «А. В.», копаясь в архивных документах. По моим же сведениям, все это выглядело иначе, и я сообщил об этом доценту.

Реакция была неожиданной. Наумов умолк на секунду, стегнул по скамейке прутиком, который продолжал держать в руках, и бросил отрывисто:

— Всем им казалось, что я клад ищу. И Веронике этой, и Сикорскому, и даже... И даже моей жене...

И даже его жене... Лирочке-Велирочке, которую в пятьдесят седьмом году никому бы не пришло в голову назвать Лирой Федоровной. В пятьдесят седьмом студент Наумов даже и не знал, что живет в Заозерске девочка Лирочка, девочка-десятиклассница, девочка с рыженькими косичками, которые она укладывала венцом вокруг головы. В тогдашней жизни были у Лирочки две заботы: срезать косички и не срезаться на приемных экзаменах в Московский университет. Косички она срезала сразу после выпускного вечера в школе. А в августе срезалась и на экзаменах в Москве. На будущий год она повторила попытку и опять потерпела неудачу. В пятьдесят девятом Лирочка поставила планку на более низкую отметку — подала заявление в Заозерский пединститут. Эту высоту она взяла.

А студент Наумов в том далеком пятьдесят девятом готовился стать аспирантом. В свободные от занятий часы он рылся в архивах. Разрешение имелось — помог, конечно, Ребриков. Любил он всем помогать, этот Ребриков.

Студент Наумов стал аспирантом.

Студентка Лирочка еще пока никем не стала.

И пути их пока еще не пересеклись.

А время отщелкивало годы. Шестидесятый, шестьдесят первый, шестьдесят второй, шестьдесят третий... Аспирант Наумов за эти годы успел защитить кандидатскую диссертацию и стал доцентом Наумовым. Студентка Лирочка готовилась к выпуску. Она была не прочь остаться в аспирантуре, но от нее это не зависело. Лирочке была уготована другая будущность — ей предстояло стать сельской учительницей.

Ах, как ей этого не хотелось!

В шестьдесят четвертом, накануне выпуска, Лирочка обратила внимание на доцента Наумова. Произошло это не в институте, а на квартире у Казаковых, куда доцента Наумова привели бакуевские бумаги...

У меня были неверные сведения. Так по крайней мере заявил доцент. Все эти годы — с пятьдесят седьмого по шестьдесят четвертый — бакуевские бумаги вкупе с портретом Наумову, ими никто не интересовался. До весны шестьдесят четвертого, до теплого апрельского дня, который Наумов запомнил. В этот день Ребриков завел его к себе в кабинет и сказал: «Смотри». И Наумов посмотрел. Сначала в печальные глаза княгини, потом на улыбающегося Ребрикова, потом проследил за пальцем директора, которым тот указывал на уголок портрета. В уголке чернели буквы: «А. В.».

А на столе лежала серая палочка. Ребриков вручил ее Наумову, присовокупив лаконично: «Чем черт не шутит? Полистай эту абракадабру».

Бакуев вел какой-то своеобразный дневник,— сказал Наумов, поигрывая прутиком.— Последняя запись бросилась мне в глаза. «Сход к К. Акт. театра. Год рожд. дев. пятый». Была и дата. Запись эту он сделал за два дня до смерти.

Доцент для наглядности изобразил запись на песке у наших ног.

— Что бы вы сделали на моем месте?— спросил он.

— Наверное, сходил бы к К. В этой записи довольно много информации.

— И она толкует это однозначно, не правда ли?

— Пожалуй,— согласился я, всматриваясь в косье буквы на песке.— Впрочем, если учесть то, что мне известно про Бакуева...

— Вы допускаете иные толкования?

— Кто знает?— пожал я плечами. И равнодушно выслушал рассказ Наумова о том, как он, изучив списки личного состава театра по состоянию на пятьдесят седьмой год, нашел в этих списках пять актеров, чьи данные соответствовали данным Бакуева, и в их числе актера Казакова. 1905 года рождения, как отправился к нему на квартиру, чтобы поговорить о портрете княгини, и как ушел не солоно хлебавши, потому что Федор Казаков был Федором Казаковым и, может, не совсем последовательно, но весьма доходчиво разъяснил незадачливому искателю, что он, Казаков, не имел чести быть знакомым ни с княгиней Улусовой, ни с загадочным «А. В.».

А о каком-то Бакуеве и слыхом не слыхал. Казаков и тогда любил «выступать». Ошеломленный доцент спласс бегством, оставив на поле сражения новую велюровую шляпу, о которой вспомнил лишь на лестнице. Он потоптался на площадке первого этажа в раздумье, потом махнул рукой и вышел на улицу.

Шляпу принесла в институт Лирочка-Велирочка. И ближе к вечеру вышла на дорожку, по которой доцент Наумов хаживал ежедневно после занятий. Наумову эта дорожка не нравилась, хотя и вилась она между стройными тополями и была во всех отношениях удобной дорожкой; не нравилась потому, что ходил Наумов по ней на частную квартиру, которая, если разобраться, и не квартирой была, а просто «углом». Вот на этой дорожке и встретила доцента Лирочка-Велирочка, встретила и остановила, а затем медленным движением бережно вынула шляпу из сумки, произнесла при этом какие-то слова, которые доцент забыл, но, вероятно, это были чудные слова, те самые: «По моему велению, по моему хотению»,— ибо после этих слов Наумов тоже произнес какие-то слова, среди которых было и «спасибо», но не оно было главным, оно не ставило точку под диалогом, а в том, что диалог начался, Наумов уже не сомневался. Не сомневался и Лирочка...

Очень не хотелось Лирочке ехать в деревенскую школу.

А доцент в шестьдесят четвертом году был скорее худым, чем толстым. В общем, он выглядел не хуже других, хоть и не гнался за модой и был «с приветом», поскольку тратил свой досуг на копание в каких-то там архивах, но в тот теплый

апрельский вечер он забыл о тайне столетий, ибо другая тайна властно поманила его, вечная тайна, нетайная тайна, которая лучилась из глаз Лирочки-Велирочки, умной студентки-выпускницы, хорошенькой девушки, интересной даже, что и не преминул отметить доцент после двухчасовой совместной прогулки.

И была свадьба, которую сыграли в новеньком еще тогда кафе «Космос».

А впереди Наумова поджидало нечто непонятное.

Утром, перед тем как отправиться к Лаврушину, который сказал, что будет занят до двенадцати, я решил зайти к Бурмистрову. Я не видел его уже несколько дней. И, захватив портрет, я поехал в управление, рассудив, что мой начальник как раз тот человек, который отнесется ко мне и моим затруднениям с должным пониманием. В этом смысле с ним мог сравниться разве только Петя Саватеев, но он, к счастью, не встретился мне ни в коридоре, ни в нашем с ним кабинете, куда я забежал, чтобы пополнить запас сигарет.

Я поставил портрет перед Бурмистровым и заметил вскользь, что лицо на портрете мне кого-то напоминает.

— Неплохо было бы и вспомнить,— ворчливо произнес мой шеф, погремев стаканчиком с карандашами, есть у него такая привычка.

— Стараюсь,— сказал я, усаживаясь у окна.

Я и в самом деле старался, но ничего из этого не выходило. Так бывает, когда вдруг забываешь какое-нибудь слово. Ты чувствуешь его, оно где-то близко, вот-вот ты его вспомнишь, но оно не дается, ускользает. Ты злишься, напрягаешь память — и добиваешься противоположного результата. Потом, когда оно тебе уже не нужно, это слово неожиданно всплывает на поверхность сознания.

— Ну-ну.— Бурмистров отвел глаза от портрета, откинулся в кресле и сцепил руки на животе.— Так что там у тебя?

Я кратко изложил повесть о знакомстве доцента с Лирочкой.

— Попался мужичок на крючок,— заметил Бурмистров.

— А вот это не совсем так,— возразил я грустно.— Была у них любовь. Может, сперва она и воображала себя жертвой обстоятельств, может, даже лукавила, но все это ушло.

— Ну ладно, Зыкин,— сказал Бурмистров, бросив выразительный взгляд на часы.— Ты ведь ко мне пришел не про любовь рассказывать?

— Как знать. По Наумову, выходит, что его занятия книжными делами и Лирочкина любовь связаны одной веревочкой.

Бурмистров сидел, полузакрыв глаза, и покусывал губы. Наконец он спросил:

— А ты как считаешь?

— Надо подумать.

— Ну что ж, попробуем.

Словом, родители Казакова, пожалуй, были рады, что дочка обрела приличного мужа и осталась у них под крылышком. Молодоженам выделили комнату. Вскоре Лирочка окончила институт, но в городских школах ей места не нашлось. На помощь пришел Ребриков — и Лирочка стала работать в музее. В шестьдесят пятом Ребрикова сменил Сикорский. В музее все осталось статус-кво. Лирочка, разумеется, тоже.

— И тут завязался узелок. Если коротко, то так: по непроверенным данным, любовь Сикорского к Лирочке последних не имела.

— В каком смысле?

— В том, что она его не любила.

— Так. Едем дальше.

— Все шло и дальше тихо-мирно, благопристойно, пока однажды Лирочка не заявила мужу: или княгиня, или она.

— Когда заявила?

— Незадолго до семейного скандала. Наумов как раз выбился на второй круг гонки за неизвестным художником. Короче говоря, он вернулся к тому, с чего начинал,— к бакуевским бумагам, к той самой записи: «Сход к К.». Он носился с этой шарадой, как курица с яйцом, и не замечал, что атмосфера в доме накаляется. Он заметил это, когда стало уже нечем дышать.

— Ну-ну,— подбодрил меня Бурмистров.

— Он пожелал объясниться с Лирочкиными родителями. Но объяснения не получилось. Теща молча покинула комнату. Тесть по обыкновению прокричал отрывок из какой-то пьесы, а Лирочка... Нет, все-таки любовь была.

— Вычеркни ее пока... Ближе к фактам.

— Факты иссякли,— сказал я.— Остались эмоции. Наумов стал замечать, что сотрудники музея при встречах с ним как-то неприятно ухмыляются... А Лирочка по ночам плакала и говорила, что им надо уехать, уехать, уехать...

— Но уехал он...

— Да,— сказал я.— Уехал он. Договорились, что Лирочка двинется вслед, как только он устроится в Караганде, кстати, живут его родители.

— Были письма?— спросил Бурмистров.

— Два или три. Лирочка писала, что готовится к отъезду. Но...

Я замолчал, потому что дальше простиралась область догадок. Бурмистров взял за стаканчик с карандашами, тряс от него на этот раз особенно долго и сосредоточенно. А потом задал вопрос, до смысла которого я добрался не сразу.

— Слушай, Зыкин,— спросил он,— а ты не поинтересовался у доцента: этот Ребриков не брουνет часом?

Продолжение следует.

Рисунок Наталии КРАВЧЕНКО

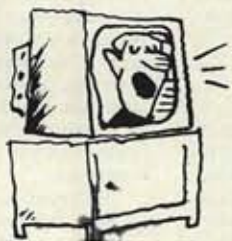

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Рисунок Сергея ТЮНИНА

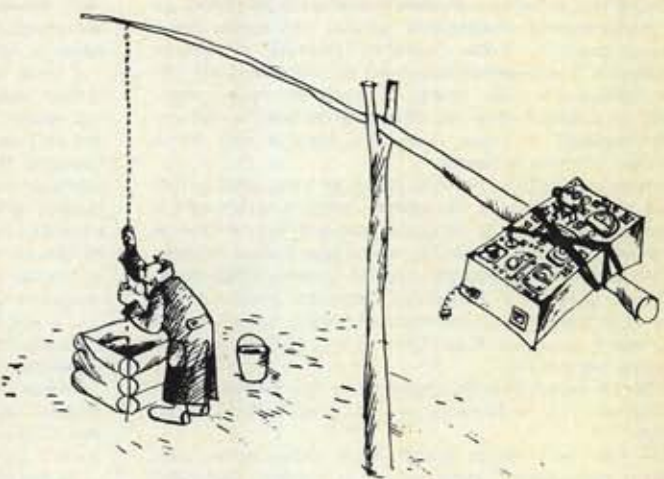

Рисунок Владимира ИВАНОВА и Виктора СКРЫЛЕВА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

В АТАКЕ ЧЕМПИОН МИРА

Шахматный старт нынешнего года Анатолий Карпов принял весною на международном турнире в югославском городе Скопле. Уверенная спортивная победа $12\frac{1}{2}-2\frac{1}{2}$ чемпиона мира была подкреплена отличными творческими достижениями. К ним следует отнести партию А. Карпова (у него были белые) с другим молодым советским гроссмейстером, Рафаэлом Ваганяном. Думается, что читателям «Смены» понравится мажорный финал этого интересного шахматного поединка.

Перед вами изображена позиция, возникающая после 16-го хода черных. Тонким маневром белые подготавливают наступательные акции на королевском фланге. Их смелый план связан с жертвой

пешки на противоположном участке поля боя.

17. Cd3—b1! Ch5: f3 18. Fe2: f3 a5—a4 19. Kb3—d4 Fb6: b2 20. Kd4: c6 Ke7: c6.

Поучительно проследить, как белые вынуждают ослабление пешечного заслона короткой рокировки противника, а затем красиво жертвуют слона. Черные отказываются от этого «данайского дара», ибо взятие фигуры повело бы к созданию неотразимых угроз их королю.

21. Ff3—f5! g7—g6 22. Ff5—f6 Ld8—d7 23. Cb1—f5! Ld7—e7 24. Le1: e7 Kc6: e7 25. Cf5—d3 Ke7—f5 26. Cd3: f5 g6: f5 27. Ld1—e1 Fb2: a2 28. Ff6: h6 a4—a3.

Попытка партнера добиться контршансов на ферзевом фланге на поверку оказывается иллюзорной, так как черные сильно запаздывают.

29. Fh6—g5+ Kpg8—f8 30. Fg5—f6! Kpf8—g8 31. Ff6: f5 Fa2—d2 32. Le1—e7 La8—f8 33. Ff5—g4+ Kpg8—h7 34. Le7—e5! Хотя концовка выглядит банальной, техничные действия А. Карпова оставляют самое приятное впечатление.

34. ...Fd2—h6 35. Le5—h5 Lf8—a8 36. Fg4—f5+! Kph7—g7

37. Lh5: h6 Kpg7: h6 38. Ff5—f6+ Kph6—h7 39. Ff6: f7+ Kph7—h8 40. Ff7: b7, и черные капитулировали, потому что они теряют или ладью или свой единственный козырь—далеко продвинутую крайнюю пешку.

ЗА КУБОК КОНТИНЕНТА

Внушительный успех сопутствовал команде нашего «Буревестника» в матче с шахматистами шведского клуба ЛАСК. Это полуфинальное состязание на кубок европейских чемпионов наши гроссмейстеры и мастера провели в гостях и выиграли со счетом $9\frac{1}{2}-2\frac{1}{2}$.

Предлагаем вниманию любителей

лей шахмат запоминающийся фрагмент из партии одного из лидеров советской команды, гросс-

мейстера Марка Тайманова, игравшего черными против шведа К. Крантца. На диаграмме вы видите положение фигур, к которому борьба свелась после 19-го хода белых.

Разгорается острая схватка, и черным удается овладеть опасной инициативой.

19. ...d6: e5! 20. f4: e5 Fe8—b5 21. Fe2—f2 Kc4: e5! 22. Cd4: e5 Fb5: e5 23. Ch5: f7+ Kpg8—h8 24. Ff2—b6 Cb7—d5!

Довольно быстро чаша весов склонилась на сторону черных. Удовлетворительного продолжения игры за белых уже нет. Кажущийся активным и естественным маневр 25. Lde1 опровергался эффективной матовой комбинацией М. Тайманова, которую в последний момент его соперник, повидимому, заметил—25. ...Ф: b2 26. С: e6 С: g2+! 27. Кр: g2 Л: c2+ 28. Kph3 Л: h2+! 29. Kpg4 h5+! 30. К: h5 Fg2+ 31. Kg3 Fh3X.

25. c2—c3 b4: c3 26. b2: c3 Lc8—b8 27. Fb6—f2 Fe5: c3 28. Kd3—e2 Fc3—e5 29. Ke2—d4 Lb8—b2!!

Блистательная жертва ладьи, принятие которой после 30. Ф: b2 Cd6! повело бы белых к мату или к утрате ферзя.

30. Kd4—f3 Lb2: f2 31. Kf3: e5 Cd5: g2+ 32. Kph1—g1 Lf2: f1+ 33. Ld1: f1 Cg2: f1, и белые, понеся непоправимый материальный урон, сложили оружие.

С НЕОБЫЧНЫМ УСЛОВИЕМ

В шахматной композиции существует область задач с необычными условиями. К ним относятся так называемые задачи на кооперативный мат. Первое слово в них за черными, которые, начиная, помогают белым дать мат в определенное количество ходов черному королю. Соперники здесь действуют как единомышленники, кооперативно.

Попробуйте найти любопытное решение такой задачи Пенти Сола на кооперативный мат в два хода.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18/III 1976 г. А. 00903. Подписано к печати 2/IV 1976 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 970. Заказ № 1986. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24

ПОБЕДА ЖИВЕТ

Слова Михаила ВЛАДИМОВА.
Музыка Владимира МИГУЛИ.

Песня удостоена первой премии на Всесоюзном конкурсе музыкальных произведений, посвященных 30-летию Победы

На Волге еще гремели бои,
И где-то вдали был черный Берлин.
Но верили мы, бросаясь вперед:
Победа придет! Победа придет!

Припев:
Немыслимо красивая,
Неслыханно счастливая,
Такая, как в мечтах.
Победа! Победа!

Был яростным бой, был долгим поход.
Мы взяли в огне сто тысяч высот.
И помнит весь мир, какого числа
Победа пришла, победа пришла!

Припев.

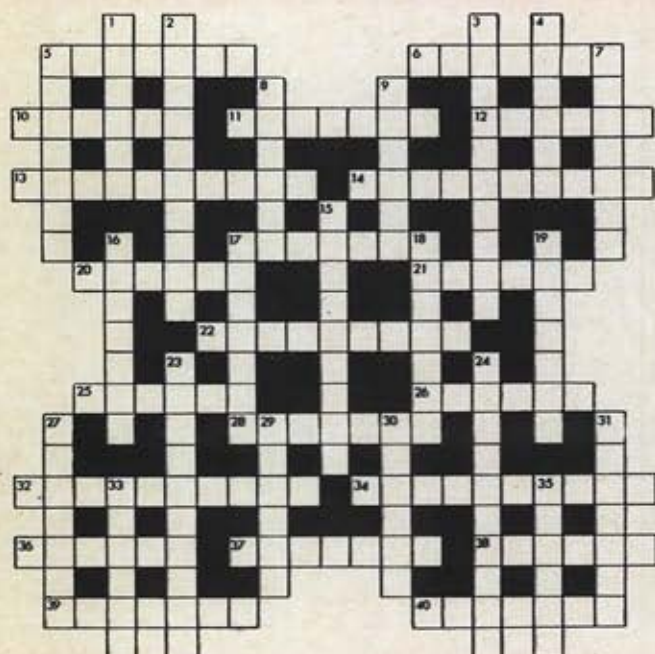
Мы с этой поры, мы с этой весны
Не знаем беды, не знаем войны.
И в стуже сердец и в громе работ
Победа живет, победа живет!

Припев.

РЕЖИТАЛЬНО.

К Р О С С В О Р Д

Составила А. ЧЕРНОГОГ,
г. Воронеж

По горизонтали:

5. Перечень книг, картин, музейных экспонатов. 6. Военный корабль. 10. Объявление о продаже всех билетов. 11. Механизм для запуска двигателей внутреннего сгорания. 12. Заболоченная пойма реки. 13. Певчая птица. 14. Краевой центр в РСФСР. 17. Музыкальная пьеса из общеизвестных мелодий. 20. Физик, академик, Герой Социалистического Труда. 21. Писатель, лауреат Ленинской премии. 22. Спортивные соревнования, розыгрыш первенства. 25. Стихотворение в прозе И. С. Тургенева. 26. Английский физик, астроном, математик XVII—XVIII веков. 28. Ягода. 32. Измерительный инструмент машиностроительных деталей. 34. Столица южноамериканского государства. 36. Минерал, сырье для изготовления удобрений. 37. Проверочное испытание. 38. Профессиональный революционер, агент ленинской «Искры». 39. Центр угольного бассейна в МНР. 40. Дальневосточная лососевая рыба.

По вертикали:

1. Опера Д. Верди. 2. Наука о водорослях. 3. Прибор для защиты глаз и органов дыхания от пыли и газов. 4. Оттиск, отпечаток изображения на бумаге. 5. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 7. Сорт слив. 8. Прозрачный силикатный материал. 9. Отрезок прямой определенной длины и направления. 15. Город в Калининской области. 16. Молодежная песня первых лет революции. 17. Полет планера. 18. Озеро на юге Аляски. 19. Наименьшее расстояние между музыкальными звуками по высоте. 23. Писник, композитор, организатор первой русской консерватории. 24. Государство в Западной Европе. 27. Популярный русский певец, бас. 29. Сельскохозяйственная уборочная машина. 30. Игра с деревянным шаром. 31. Молочный продукт. 33. Стеклообразный сосуд для жидкостей. 35. Остров Курильской гряды.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

7. Палеонтология. 9. Геоботаника. 11. Сорго. 12. Тенор. 13. Атакама. 17. Палата. 20. Рассол. 22. Кабул. 23. Хоккеист. 24. Оратория. 25. Оклад. 26. Левинсон. 27. Ратмиров. 28. Истра. 29. Лекало. 31. Радист. 33. Каракас. 37. Титов. 38. «Жених». 39. Аэростатика. 40. Родоначальник.

По вертикали:

1. Рангоут. 2. Пехота. 3. Ингода. 4. Собака. 5. Корича. 6. «Пиратка». 8. Товароведение. 10. Боровниковский. 14. Тектоника. 15. Кабалета. 16. Мелодрама. 18. Арктика. 19. Ариосто. 20. Реактор. 21. Скофид. 30. Левашов. 32. Аджария. 33. Кирион. 34. Руслан. 35. Клан. 36. «Свиный».

В РАЗДУМЬЯХ О СОВРЕМЕННОСТИ

В. ПРИМАЧЕНКО. РАДИОТЕЛЕСКОПЫ.

В. ЕМЕЛЬЯНОВ. НАДЯ.

Более ста произведений сорока живописцев и графиков было представлено на выставке «Молодые художники в поездках по стране».

Пожалуй, количественно на выставке преобладал портрет: его продемонстрировали такие уже популярные художники, как О. Атопкова-Гречина, М. Гурвич, Е. Романова, Т. Назаренко, Н. Тоидзе и многие другие. Авторы, как правило, показывают своих героев на фоне пейзажа или производственного интерьера, раскрывающего существенные стороны их деятельности, склада характера, мышления.

Не менее интересными оказались и пейзажи, среди которых хотелось бы отметить работы В. Владыкина, Т. Белотеловой, В. Иванова. Три крупных, уверенно и броско написанных полотна В. Примаченко свидетельствуют не только о профессиональном умении, но и об успешной выработке индивидуальной живописной манеры, легко различимого пластического «почерка».

Немало увидел зритель и тематических композиций. Картина М. Файдыш повествует о «вертолетном десанте» в глухой таежный поселок. Любопытный цветовой ход применил в своей картине «Журналисты» А. Петров: все предметы в вагончике, словно накопив солнечный свет, начинают светиться изнутри. Иную выразительную систему использует Ю. Косаговский. Художник смело обобщает зримые формы природы, стремясь к остроте зрительского впечатления, гармонии цветовых взаимодействий. Индустриальные пейзажи Ю. Косаговского отличаются цельностью, мощной экспрессией.

Смелую попытку совместить натюрморт, пейзаж, групповой портрет и бытовую сцену предпринял в картине «Нулевой цикл» В. Грызлов. И, надо сказать, ему удалось успешно решить задачу, которую ставили перед собой многие участники выставки, — охватить в одном полотне итоги многих «дальних странствий».

Алексей КОРЗУХИН

А. ПЕТРОВ. ЖУРНАЛИСТЫ.

М. ФАЙДЫШ. ТОЛЬКО ВЕРТОЛЕТОМ МОЖНО ДОЛЕТЕТЬ...

Ю. КОСАГОВСКИЙ. ЖЕЛЕЗНОГОРСКИЙ ГОРНО-ОБОГАТИТЕЛЬНЫЙ КОМБИНАТ.

